

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ –
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного
учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский»

З.А. Кожев

ОЧЕРКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЕРКЕСИИ XV–XVII вв.

Нальчик – 2020

Издательская типография «Принт Центр»

УДК 93/99
ББК 63.3
К58

Печатается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО СКГИИ

Рецензенты:

доктор исторических наук *Абазов А.Х.*
кандидат исторических наук *Дзуганов Т.А.*

Кожев З.А.

К58 Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. –
Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.

В монографии исследовано содержание процессов политогенеза в позднесредневековой Черкесии, связанных с формированием новой династической традиции Иналидов. Выявлены влияние на этот процесс особенностей постордынской военно-политической ситуации в регионе, а также характер взаимоотношений черкесских Иналидов и крымских Чингизидов рода Гирей / Герай, на примере формирования в Черкесии социальной страты *хъаныкъуэ* («ханские сыновья»). На основании устных черкесских преданий, генеалогической и династической истории Иналидов, русских и крымско-османских письменных источников рассмотрены конкретные сюжеты военно-политической истории черкесских политий позднего Средневековья и раннего Нового времени от горного Крыма до Кабарды. Это позволяет по-новому осветить некоторые детали внутренних социально-политических процессов, имевших место в Княжеской Черкесии.

Издание адресовано как специалистам по истории Северного Кавказа, так и всем тем, кто интересуется историей Черкесии позднего Средневековья и раннего Нового времени.

УДК 93/99
ББК 63.3

ISBN 978-5-907150-48-5

© Кожев З.А., 2020
© ФГБОУ ВО СКГИИ, 2020
© ИГИ КБНЦ РАН, 2020
© Принт Центр, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Позднее Средневековье и раннее Новое время (XV–XVII вв.) – это эпоха грандиозных событий, во многом определивших дальнейшую социально-политическую историю Черкесии, да и всего Северного Кавказа. Параллельно с распадом улуса Джучи на ряд небольших государств разной степени могущества и жизнеспособности, на Северо-Западном и Центральном Кавказе складывается принципиально новая этнополитическая ситуация. Черкесская «Реконкиста» географического и логистического центра региона раздвигает границы абхазо-адыгского этнокультурного мира от Тамани и Черноморского побережья до бассейна Терека и Сунжи. Военно-политические лидеры этого грандиозного в масштабах региона процесса – Инал Светлый / Сиятельный и его многочисленное потомство, на многие века становятся самыми могущественными династиями Черкесии позднего Средневековья и Нового времени. Несмотря на давний интерес к этой эпохе со стороны отечественного кавказоведения, нельзя сказать, чтобы общие контуры исторического процесса, а тем более его детали и подробности конкретных сюжетов, были исчерпавюще исследованы. Для этого есть ряд объективных причин. Например, крайняя скудость синхронных письменных источников, уже введенных в научный оборот; отсутствие перспектив для заметного увеличения их количества, в силу относительной периферийности Северо-Западного и Центрального Кавказа для основных геополитических акторов эпохи; принципиально ороакустическая (устная) традиция исторической памяти черкесов позднего Средневековья и Нового времени, и, связанные с этим, особенности бытования фольклорного нарратива, дошедшего до нашего времени в записях историографов XIX–XX вв. Наиболее массовыми письменными источниками по истории Черкесии XV–XVII вв. являются русские летописи и дипломатические документы, но даже

они распределены крайне неравномерно по хронологии всего периода. До середины XVI в. сюжеты, связанные с черкесами, попадаются в русских источниках эпизодически, и лишь после установления прочных дипломатических, политических, династических связей между черкесскими княжествами и Московским царством мы обретаем корпус достоверных архивных данных. Значительная их часть уже опубликована и введена в научный оборот [КРО. Т. 1. 1957; РЧО 1997; Дзамихов 2007].

Пятнадцатый век, наиболее интересный с точки зрения исследования генезиса позднесредневековой государственно-политической традиции Иналидской или Княжеской Черкесии, её инкубационный период на стыке двух эпох – Ордынской и постордынской, остается наименее изученным и фактурным, особенно в деталях. Османские и крымско-татарские источники, возможно, позволят в дальнейшем прояснить некоторые вопросы политогенеза Княжеской Черкесии, но в настоящее время это представляется делом далекой перспективы в силу дефицита соответствующих специалистов. Еще одним источником, позволяющим детализировать базисные характеристики позднесредневекового черкесского общества, выявить важнейшие для черкесской исторической традиции места памяти, локализовать крупнейшие сражения эпохи, могли бы стать систематические археологические исследования. К сожалению, современные археологические методы исследования требуют привлечения не только подготовленных специалистов, но и серьезных финансовых инвестиций, что также наталкивается на кадровый дефицит и хроническое недофинансирование фундаментальных научных исследований. Зачастую единственным, очень ценным источником по ранней истории государства Инала и первых поколений его наследников являются устные исторические предания черкесов, генеалогические росписи Иналидов, в первую очередь, хорошо известные, благодаря ранним русским письменным фиксациям XVII в., родословные Иналидов Кабарды. К со-

жалению, в отечественной историографии сложилась устойчивая традиция игнорировать те исторические предания черкесов, которые не коррелируют с данными письменных источников. Так, например, сюжеты, связанные с **Бахчисарайским походом** и **Кызбурунским сражением**, несмотря на их живучесть в народном историческом сознании, до сих пор не исследовались специально академическим кавказоведением.

Еще одним родимым пятном отечественного кавказоведения является преимущественное внимание к русско-черкесским, в особенности кабардино-русским отношениям и подчинение внешнеполитическому контексту всех сюжетов внутривосточной истории Княжеской Черкесии [Кушева 1950; История Кабардино-Балкарской ... 1961; Кушева 1963; История народов ... 1989 и др.]. Даже в новейшей историографии, во многом освободившейся от штампов и мифов «добровольного присоединения» черкесов к России, исследование содержания внутривосточных процессов жестко подчинено лейтмотиву внешних политических и династических союзов или, как писали авторы советской эпохи, «внешнеполитической ориентации» [Некрасов 1990; Мальбахов, Эльмесов 1994; Мальбахов, Дзамихов 1996; Карданов 2001; Дзамихов 2001; Бгажноков 2005; Кожев 2006; Дзамихов 2007; Хотко 2017 и др.].

В нашем небольшом исследовании мы не имеем в виду разрешить или даже обозначить все историографические проблемы истории Черкесии позднего Средневековья. Наша исследовательская задача гораздо скромнее. Во-первых, обозначить крымский вектор социально-политического взаимодействия Княжеской Черкесии и наследников ордынской государственной традиции. В отечественной историографии принято традиционно описывать крымско-черкесские отношения исключительно в негативных красках постоянной борьбы Черкесии на грани полного истощения сил против «крымско-турецкой» экс-

пансии. Историческая фактура черкесского присутствия в Крыму в XV–XVI вв., история взаимодействия правящей династии Крымского ханства Чингизидов-Гиреев и верховных сюзеренов Княжеской Черкесии – династии Иналидов, характер этнокультурного взаимодействия между мусульманским Крымом и традиционным адыгским феодальным обществом, позволяют выйти за рамки идеологической парадигмы, навязанной отечественному кавказоведению в эпоху расцвета советской исторической школы.

Еще одним важным сюжетом социально-политических процессов, имевших место в Черкесии XV–XVII вв., является история возвышения династии Иналидов, а также формирования княжеских владений Черкесии в рамках феодальной удельной системы. К этим сюжетам напрямую восходит история происхождения линиджа **Идаровых / Айдаровых**, которые на протяжении целого столетия будут играть выдающуюся роль в процессах внутривосточной эволюции восточной части Княжеской Черкесии, во всей истории Северного Кавказа и России. Одному из самых знаменитых представителей этой ветви кабардинских Иналидов – **Кемиргоко Идарову**, его происхождению, исторической судьбе, амбициозным политическим планам, посвящен отдельный раздел данной монографии.

Несколько разделов настоящей работы посвящены крупнейшим событиям военно-политической истории Черкесии XVI в. Впервые предпринята попытка точной датировки и описания **Бахчисарайского похода**, общечеркесской феодальной войны XVI в., закончившейся **Кызбурунским сражением**.

Сражение на р. Афипс (1570 г.), которое едва упоминается в отечественной историографии в связи с участием в нем и ранением *пщышхуэ*-великого князя Кабарды Кемиргоко Идарова, рассматривается нами в широком внешнеполитическом контексте, в отрыве от которого совершенно не ясен масштаб и значение этого события в истории Княжеской Черкесии и Московского царства. При

работе над этими разделами нами широко использовались данные устных черкесских преданий, собранные исследователями XIX–XX вв., нарративные письменные источники и опубликованные архивные материалы [Ногма, Т. 1. 1956; Адыгэ IуэрыIуатэхэр, Т. 2. 1970; АБККЕА 1974; Народные песни ... Т. 3. Ч. 1. 1986; Некрасов 1990; КъэрдэнгъушI 2009; ПСРЛ; СРИО; КРО. Т. 1. 1957; РЧО 1997 и др.].

Своеобразным эпилогом длительного периода острой борьбы княжеского дома Идаровых за исключительную роль и доминирование в политической жизни Кабарды является **битва на Малке 12 июня 1641 г.**, имевшая свою сложную предысторию. Многие политические и чисто военные аспекты битвы на Малке настолько детально отражены в синхронных письменных источниках, что она может служить идеальным примером феодальных войн в истории Княжеской Черкесии позднего Средневековья и раннего Нового времени [АИГИ; КРО. Т. 1. 1957; Дзамихов 2007].

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ В ЧЕРКЕССКИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Генеалогические предания являются важным историческим источником, особенно для тех народов, которые не имели в прошлом собственной устойчивой письменной традиции. Они способны существенно дополнить археологические и скудные письменные источники по истории народов Западного Кавказа XV–XVIII вв. Генеалогические предания черкесской аристократии Средневековья и Нового времени традиционно возникали и сохранялись в устной форме. Как и всякие генеалогические предания, они могут содержать явные преувеличения и анахронизмы, особенно в ранней, зачастую полуполюгендарной части генеалогии. Тем не менее, историческое бытие высшей черкесской аристократии, на протяжении нескольких веков доминировавшей на Северном Кавказе, заставляет всерьез отнестись к источникам подобного рода. В них отражается не только историческая память о реальном происхождении тех или иных владельческих фамилий, но и особенности процесса политогенеза на Западном Кавказе в широком контексте межэтнических и межгосударственных отношений эпохи формирования исторической Черкесии.

К сожалению, развитие генеалогии как отрасли исторического кавказоведения не позволяет привлечь широкий спектр генеалогических преданий по всем черкесским субэтносам. Кроме того, значительная их часть безвозвратно потеряна в результате последствий Кавказской войны и массового изгнания черкесов. Поэтому в нашей статье будет рассмотрено лишь генеалогическое предание о происхождении черкесской княжеской династии Инала, сохранившееся в наиболее цельной, органичной форме, благодаря как значительности самой фамилии Иналовичей, так и многочисленным письменным фиксациям этого предания отечественными и иностранными писателями и

учеными [Налоева 2015]. Детальное исследование этого предания с подробным анализом его различных редакций также невозможно в рамках одного небольшого раздела. Предметом нашего исследования является лишь один частный, но чрезвычайно интересный сюжет о «крымском» периоде истории или лучше сказать предыстории рода Инала.

Первые письменные фиксации генеалогии Иналидов относятся к середине XVII в. Родословные списки рода «кабардинских и черкасских мурз» были составлены в Москве. Очевидно, основными информаторами при составлении этих генеалогических списков выступали сами Иналовичи, многие из которых со второй половины XVI в. посещали Москву и даже выезжали на постоянную службу ко двору русских государей. Наиболее известны редакции родословных, принадлежавшие русским аристократам А.М. Пушкину и А.И. Лобанову-Ростовскому и опубликованные в *Приложениях и комментариях* к первому тому архивных материалов «Кабардино-русские отношения» [КРО. Т. 1. 1957: 383–387]. Они содержат некоторые разночтения, но в основных характеристиках совпадают, в частности, число поколений от родоначальника до современников – **идентично**. Родоначальник в одном случае назван **Иналом** (у А.М. Пушкина), в другом – **Акабгу** (у А.И. Лобанова-Ростовского) [КРО. Т. 1. 1957: 383, 384]. Происхождение родоначальника в генеалогических списках никак не определяется.

Проблема происхождения Инала и время его жизни это отдельная проблема отечественного кавказоведения, которая имеет свою обширную историографию. Ее разбор, а также предложение своих интерпретаций не входит в число задач нашего исследования. Жизнь и деятельность Инала нашли яркое отражение в черкесском фольклоре. Султан Хан-Гирей – **первый черкесский историограф**, давая оценку личности Инала и отношения к нему в исторической памяти черкесов, оставил весьма характерное описание: «Победы над врагами, благоденствие подвласт-

ных и счастливые успехи во всех предприятиях знаменитого этого предводителя ... и родоначальника их князей были причиною, что современники почитали его человеком сверхъестественным, причастным святости, и потомство долгое время с благоговением призывало на помощь «бога счастья Инала» в твердой уверенности что счастье и святость великого предка могут благоприятствовать предприятиям потомков» [Хан-Гирей 1978: 153]. Время смерти Инала Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» определял 1427 г. [Ногмов 1994: 95]. «После покорения Абхазии, – писал Ш.Б. Ногмов – находясь на Дзибе (р. Бзыбь – К.З.) для заключения мира с абхазскими племенами, он, по окончании всех дел, скончался смертью праведника. Тело его похоронено в упомянутой земле, и могила его, известная и до сих пор, носит название Инал-кубе, т.е. «Иналова могила» (по-абазински). И теперь народ свято чтит прах Иналов; он запрещает пускать скот вблизи его могилы; убить зверя в ее окрестностях считается преступлением» [Ногмов 1994: 96]. Существуют и другие датировки смерти Инала, например, несколько более поздние, предположительно 1458 г. [Кожев 2006: 169]. Во всяком случае, время его жизни и деятельности должно падать на конец XIV – первую половину XV вв. Хорошо известные русским летописным и архивным источникам кабардинские князья Идаровы, чья политическая деятельность падает на вторую половину XVI в. являютя пятым поколением Иналовичей – Инал – Табула (Табудду) – Инармес – Идар – Кемиргоко / Биту / Желегот / Канбулат / Кады(р)шука [КРО. Т. 1. 1957: 385–387]. Таким образом, дистанция между рождением Инала и князей Идаровых не превышает 120 лет – примерное время смены четырех поколений.

Более пространные версии генеалогического предания о происхождении рода Иналовичей содержатся в работах отечественных и иностранных историографов XVIII–XIX вв. [АБКИЕА 1974: 216–218, 227–231, 258–260; Хан-Гирей 1978: 152–153; Ногмов 1994: 9 1–96]. Судя по всему, к кон-

цу XVIII в. генеалогическое предание Иналовичей приобрело законченный вид и имело уже письменную редакцию. Ян Потоцкий упоминает ценный документ с генеалогией кабардинских князей, а Ш.Б. Ногмов делает в своем труде «извлечение ... из Родословной книги, написанной на турецком языке» [АБКИЕА 1974: 227; Ногмов 1994: 94]. Привязка исключительно кабардинских князей к родоначальнику Иналу – это явно более поздняя историографическая традиция, возможно, появившаяся в связи с тем, что остальные линии Иналидов, правившие в Западной Черкесии, политически ослабели. Черкесские предания однозначно возводят к общему предку Иналу княжеские династии не только Кабарды, но и других феодальных владений Черкесии – Бесленя, Кемиргоя, Хатукая, Жанея, Хегака [Хан-Гирей 1978: 154; Ногмов 1994: 96–97]. Пространные версии происхождения черкесских князей содержат все характерные элементы документов подобного рода. Во-первых, происхождение Иналовичей увязано с библейской историей. Инал через своих предков возводится к Симу – старшему сыну Ноя – прародителя человечества после Великого Потопа [АБКИЕА 1974: 228]. Во-вторых, генеалогическое предание пытается увязать историю рода со знаковыми событиями мировой истории. В наиболее развернутом виде эта «легендарная» часть родословной Инала представлена у Ш.Б. Ногмова, а также в переложении генеалогического предания в труде Я. Потоцкого. Здесь фигурируют знаковые для традиционалистского сознания народов Кавказа и всей Передней Азии хоронимы – Вавилония, Аравия, Египет. Легендарная часть генеалогии Инала представляет собой набор явных анахронизмов и не менее явную попытку облагородить происхождение родоначальника черкесских княжеских династий родством с «ханами и князьями Аравии» [АБКИЕА 1974: 229; Ногмов 1994: 92–93]. В дальнейшем мы преимущественно цитируем ту версию генеалогического предания Иналидов, которую нам оставил Ш.Б. Ногмов. В отличие от иностранных путешественников (П.С. Паллас, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот и др.), пользовав-

шихся лишь отрывочными данными своих информаторов и возможно беглым знакомством с письменными редакциями предания, Ш.Б. Ногмов, как природный черкес, был знаком и с устным преданием и с «историографической» ее версией. В генеалогическом предании Иналовичей нашли отражение мотивы мамлюкско-османской борьбы за обладание Египтом и Сирией, поражения и вынужденного бегства из страны их далекого предка. Спасаясь от преследователей, беглецы, во главе с Араб-ханом посещают Константинополь и по милости «Греческого императора» на время поселяются в Крыму «на реке Кабарте» [Ногмов 1994: 92–93]. Уже наследник Араб-хана – Абдан-хан, решает переселиться на Западный Кавказ. В пути у него рождается сын, получивший имя Кеса. Последний, после смерти отца был признан за свои способности и мужество князем «окрестными туземцами» т.е. черкесами, с которыми переселенцы совершенно слились. Затем следуют два слабых наследника Кеса – Адо и Хурофатлае и, наконец, рождается вполне реальный Инал – родоначальник черкесских княжеских династий [Ногмов 1994: 93–94]. Древние развалины его ставки в низовьях Кубани – «города Шанджира между ручьями Непиль и Псиф» недалеко от Кизилташского лимана, еще в конце XVIII в. были хорошо известны современным черкесам [АБККЕА 1974: 218].

Уже первым авторам, фиксировавшим пространную редакцию генеалогического предания Иналидов, оно казалось весьма темным. Ян Потоцкий не без юмора заметил, что генеалогическое древо Иналидов весьма «благородное растение», «... однако оно представляется срубленным, поскольку ряд неясностей не позволяет ... разглядеть основание его почтенного пня; впрочем, то же самое имеет место и в отношении всех европейских семейств (курсив наш – К.З.)» [АБККЕА 1974: 228]. Вся «легендарная» часть генеалогии Инала решает несколько типовых задач, характерных для преданий подобного рода. Во-первых, она обосновывает право на власть династии благородством ее происхождения. Хотя реальным основанием на высшую

политическую власть Иналидов в Черкесии, по-видимому, были в первую очередь личные качества «отца-основателя», которые настолько экстраординарны, что потомки и через четыре века после смерти Инала испытывали глубочайшее почтение перед его памятью. Предельно благородное, «египетско-вавилонское», а в контексте поздней (XVII–XVIII вв.), но бесповоротной исламизации черкесов «арабское» происхождение Инала вполне укладывается в логику выстраивания легитимной, с точки зрения общественного сознания, генеалогии династии. Длинный ряд мало примечательных предков, известных лишь по имени, а не по деяниям, также позволяет генеалогическому преданию удревить род Инала, отодвинув момент основания династии вглубь веков, уравнив его, таким образом, с наиболее старыми и славными правящими домами. Насколько серьезно относились к этой легендарной части генеалогии сами члены династии еще в XVII в. видно из того, что «Родословные списки кабардинских и черкасских мурз» начинаются лишь с Инала. То есть и информаторы, и составители родословной Иналовичей в середине XVII в. сошлись на том, что история династии до рождения Инала не стоит упоминания.

Явно выбивается из логики построения легендарной генеалогии крымский транзит. Крымский полуостров с середины XIII в. был всего лишь одной из провинций Золотой Орды. Крымские мотивы генеалогического предания не могли служить целям повышения престижа семьи Инала. Даже посещение Константинополя – мировой столицы и при византийских императорах, и при османских султанах, объяснимо с точки зрения утилитарных задач облагораживания происхождения семейства Инала. Но недолгое, согласно преданию, не более жизни одного поколения, пребывание в Крыму выглядит несуразной вставкой. Если только оно не коррелирует с историческим адекватом и не отражает какие-то реальные факты крымско-черкесских региональных или межэтнических связей на уровне социальных элит.

Попытки интерпретировать «крымский период» предыстории Иналовичей предпринимали и ранее. П.С. Паллас, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот упоминают черкесские по происхождению топонимы в горном Крыму [АБКИЕА 1974: 216–218, 229, 258]. Если П.С. Паллас на этом основании делал заключение о крымском происхождении как минимум части кабардинцев, то Г.Ю. Клапрот сразу выдвинул гораздо более логичную версию: «Райнегс и Паллас придерживаются того мнения, что эта нация, первоначально населявшая Крым, была оттуда изгнана в места их теперешнего поселения. На самом деле там находятся руины замка, который называется у татар Черкес-Кермен, а местность между реками Кача и Бельбек, чья верхняя половина, называется еще Кабарда, носит название Черкес-Туз, т.е. Черкесская равнина. Однако я не вижу в этом оснований для того, чтобы считать, что черкесы пришли из Крыма. Мне кажется, более вероятным считать, что они одновременно жили как в долине севернее Кавказа, так и в Крыму, откуда они, вероятно, были изгнаны татарами под предводительством хана Бату» [АБКИЕА 1974: 258–259].

Тезис Г.Ю. Клапрота, в первой его части, об одновременном проживании черкесов в Крыму и на Северном Кавказе, причем гораздо позже правления Бату-хана в Золотой Орде, подтверждается современными исследованиями. Население горного Крыма – так называемой «Крымской Готии» с центром в городе **Феодоро** (татарское название – **Мангуп** или **Черкес-кермен**) и под властью Золотой Орды продолжало сохранять православное христианство и какие-то формы политического самоуправления. «Готией» правила княжеская династия, которую в силу ее православия традиционно считалась греческой по происхождению [Байер 2001: 200–204]. Однако Х.-Ф. Байер в своей монографии «История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро», опирающейся на широкий круг гунуэзских и др. европейских по происхожде-

нию письменных источников убедительно доказал ее черкесское происхождение.

«Эта семья – пишет он, – скорее была черкесской... (курсив наш – К.З.) Мы не знаем ее родовое имя и вообще ничего о ее предках. Члены семьи довольствовались подражанием западной геральдике, как и Палеологи, и наслаждались общей похвалой своего благородства» [Байер 2001: 205]. Генуэзские документы, латинские хроники, греческие надписи и два греческих литературных памятника свидетельствуют о династии, правившей в Феодоро и в крымской Готии с начала XV в. до 1475 г., когда Крым был завоеван османами [Байер 2001: 205]. Правители Феодоро (Алексей I, Олубей, Исайко, Александр) соперничали с генуэзцами за пограничные земли и укрепления на побережье, пытались выстраивать союзнические и династические связи с небольшими православными государствами Причерноморья (Трапезундской империей, Молдавским княжеством) и даже с Великим Московским княжеством [Байер 2001: 211–224]. Княжеская династия Феодоро успела породниться с последним правителем Трапезундской империи Давидом (1459–1463) [Байер 2001: 211]. В 1472 г. Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора и будущая жена Ивана III Васильевича (1462–1505), отправляясь в Москву, была сопровождена неким Константином «из Мавнукского града» [Байер 2001: 224]. Несколько позднее – 4 сентября 1472 г., ко двору Стефана Великого, господаря Молдавии (1457–1504) привезли сосватанную для него сестру правителя Феодоро – «княгиню из Мангупа с именем Мария; она была черкешенкой и имела двух дочерей» [Байер 2001: 224].

Междоусобные распри внутри правящей семьи, конфликты с генуэзцами и крымскими татарами послужили поводом для османского вторжения в Крым. В 1475 г. огромное османское войско захватило в Крыму все генуэзские колонии, а затем и Феодоро / Мангуп. Последний правитель княжества Александр был убит вместе со сво-

ими сыновьями, однако какие-то члены правящего дома, по-видимому, уцелели. Под 1540 г. крымским источникам в качестве знатных вассалов хана известны некие «мангупские принцы» [Байер 2001: 228, 229, 242].

Прямые свидетельства письменных источников о черкесском происхождении княжеской династии Феодоро, отождествление Феодоро / Мангупа с позднейшими развалинами Черкес-кермена, совпадение локализации черкесских топонимов в горном Крыму с бывшей территорией «Готии», на наш взгляд, свидетельствуют в пользу того, что «крымский транзит» семьи Инала в его генеалогическом предании далеко не случаен. Для заключений о единстве происхождения Иналов и династов крымской Готии слишком мало данных. Тем не менее, уже сейчас можно сделать следующие выводы.

Время возвышения правителей Феодоро, а также Инала и его наследников – это один хронологический период (конец XIV–XV вв.) – эпоха развала Золотой Орды и вызревания на ее осколках новых этнополитических образований, во главе с династиями «туземного» происхождения.

Из всей легендарной части генеалогического предания рода Иналовичей лишь сюжет с пребыванием в Крыму до переселения в Черкесию имеет явную корреляцию с синхронным и весомым черкесским присутствием на полуострове.

Характер политических задач, решавшихся Иналом и его наследниками, а также правителями княжества Феодоро (борьба с генуэзцами, противостояние татарскому доминированию, отражение османской угрозы, симпатии к христианам), сближает эти политии позднесредневекового Северо-Западного Кавказа и Крыма объективным тождеством социальных реакций на внешние вызовы. Историческая судьба государства Инала и «Готии» была различной. Изолированное от основного черкесского массива, княжество Феодоро пало в результате османского завоевания, а феодальные владения Иналовичей в качестве жизнеспособных этнополитических единиц Черкесии дожили до эпохи Кавказской войны.

ХЪАНЫКЪУЭ («ХАНСКИЕ СЫНОВЬЯ»): ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЧЕРКЕСИИ

Генезис и эволюция черкесских феодальных политий позднего Средневековья и Нового времени неразрывно связаны с историей крайнего западного улуса Великой Монгольской империи – улуса Джучи, а затем и сформировавшихся на его обломках государств – Крымского и Астраханского ханств, Ногайской Орды. Социальная структура княжеской Черкесии повторяла типологические черты феодального общества, базирующегося на оседло-земледельческом хозяйстве, а именно, разделение населения на военно-служилую землевладельческую аристократию и находившуюся в разной степени зависимости от нее массы крестьянского населения. Внешнее влияние на формирование социальной структуры Княжеской Черкесии со стороны тюрко-монгольской империи и ее прямых наследников минимально. Мы можем об этом уверенно судить по незначительности в социальной титулатуре черкесов иноэтнических терминов. Кроме терминов, обозначающих маргинальные общественные группы *тумэ* («князь-бастард») и *бейгуэл* (досл. «княжий / господский слуга» – немногочисленной группы служителей, исполнявших при князе полицейские функции), социальная титулатура черкесов имеет оригинальное происхождение [Думанов 1990; Кажаров 1994: 178–200; Сборник документов по сословному ... 2003]. Тем не менее, степень политического влияния на Черкесию позднего Средневековья и Нового времени не только улуса Джучи («Золотой Орды»), но и его более скромных наследников – Крымского ханства, Астраханского ханства, Ногайской Орды, трудно переоценить. Механизмы этого влияния были самыми разнообразными, от прямого военного давления и претензий на политическое господство, до попыток установить династические и иные социально значимые для черкесского феодального общества связи комплементарного характера. Наряду с кровнородственными,

династическими связями, огромное значение в истории взаимоотношений черкесских политий с улусом Джучи и особенно Крымским юртом, выделившимся из Орды в 40-х годах XV в., имели *атальческие* связи – установление искусственного родства между представителями аристократических фамилий феодальной Черкесии и Чингизидами Крыма. В традиционной черкесской социальной титулатуре последние известны как *хъаныкъуэ* (досл. «ханские сыновья») – термин, эквивалентный русскому *царевич*, широко использовавшемуся в XVI в. для обозначения принцев-Чингизидов ордынского, в том числе и крымского, происхождения на Руси. Для этой общественной страты в Черкесии параллельно существовал еще один термин – *лъостэн*, редуцированная черкесская форма арабоязычного термина *султан*, которым в Крымском ханстве в XVI–XVIII вв. обозначались все многочисленные принцы правящего дома Гиреев (крым. *Герай*). Уже во второй половине XIX в., собирая сведения «О правах высших сословий в Кубанской и Терской областях», русские администраторы отмечали их особый статус среди местного населения: «...Сословие султанов всегда в мнении кубанских горцев стояло очень высоко и пользовалось наибольшими знаками почтительности и уважения. Название *хануко* давало его владельцу преимущество пред всеми другими высшими лицами горских племен, а знание ими разных горских наречий было причиной тому, что они принимались в Кубанском крае как дорогие почтеннейшие гости (курсив наш – К.З.)» [Сборник документов по сословному... 2003: 144–145]. Многие представители рода Гиреев оставили в истории и культуре черкесов неизгладимый след, и, наверное, самой яркой фигурой из числа очеркешенных *хъаныкъуэ* является Султан Хан-Гирей, автор «Записок о Черкесии» и целого ряда публицистических и художественных литературных произведений [Султан Хан-Гирей 2009]. В отечественном адыговедении отсутствуют специальные работы, посвященные проблемам взаимодействия социальных систем кочевых

сообществ Евразии, в том числе улуса Джучи, Крымского юрта, и феодальной Черкесии, а между тем, изучение этих вопросов, в том числе истории Чингизидов в Черкесии, на наш взгляд, является перспективным в целях определения общего и частного в процессах социальной эволюции адыгского общества и Крымского ханства.

Прежде чем начать изучение истории Чингизидов в Черкесии, необходимо обозначить какое громадное влияние на самоощущение всего тюрко-монгольского мира имел «Золотой род» – возвысившийся в эпоху великих монгольских завоеваний. Этой теме посвящена обширная историография, но наиболее образно и емко, на наш взгляд, высказывание авторитетного казахстанского востоковеда В.П. Юдина. «Мы полагаем, – пишет он – что в данном случае есть все основания говорить о *сложении новой религии*. Религия эта была одной из составляющих мировоззрения и идеологии, порожденных татаро-монгольскими завоеваниями. *Этот новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений мы назвали чингизизмом*... Тюрко-монгольские народы поставили в центр своих представлений о происхождении мира действительную или мнимогенеалогическую историю рода Чингизхана, центральной фигурой которой был сам создатель Монгольской империи. Для тюрко-монгольских народов, оказавшихся в сфере влияния чингизизма, история со времени Чингизхана – это история «новой эры», а история до Чингизхана – история «до новой эры». Эпоха Чингизхана для них стала точкой временного отсчета, т.е. тем, чем и является эра. Генеалогические представления тюрко-монгольских родов, племен и народов были увязаны с данными о генеалогической истории рода Чингизхана. Родословные тюрко-монгольских «первоплемен» были сплавлены в единое целое с родословными более «поздних» племен и генеалогией Чингизхана, его предков и потомков и образовали «стройную пирамиду», в которой нашлось место всем подлежащим учету чингизизмом кочевым племенам Евразии. *Для чингизизма именно*

эта «пирамида» стала важнейшей фазой формирования рода людского, центром человечества, остальные же части человечества, известные по их религиозной или действительной истории, стали несущественными (курсив наш – К.З.)» [Юдин 1992: 15–18].

Несмотря на включение Северного Кавказа, особенно его равнинной части, в состав Монгольской империи, черкесы, как народ оседло-земледельческий, не оказались подчинены идеологии или даже религии «чингизизма», по определению В.П. Юдина. Более того, вскоре после возникновения Монгольской империи и даже в ее границах в Черкесии возникла новая по отношению к раннему Средневековью династическая традиция, претендовавшая в рамках своего цивилизационного поля, на такой же исключительный статус, что и Чингизиды в масштабах всей кочевой Евразии. Первый черкесский историограф Ш.Б. Ногмов, опираясь на черкесские предания, так описывает родоначальника этой традиции: «Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его *великим и мудрым* и любили его, как отца. Он же во все продолжение своей жизни ни о чем так не беспокоился, как о благосостоянии подданных и о спокойствии края. Он был наименован святым, и впоследствии вошла в употребление поговорка: *«Дай, боже, Иналов день!»*... И теперь народ свято чтит прах Иналов, он запрещает пускать скот вблизи его могилы, убить зверя в ее окрестностях считается преступлением» [Ногмов 1994: 95–96]. Родословная Иналидов Черкесии имела свою легендарную часть, но главным основанием их могущества на протяжении всего позднего Средневековья и Нового времени была та социальная среда, которая выдвинула и возвысила князя Инала. Короля всегда играет свита. Это общее правило истории, безусловно, не умаляющее выдающихся личных качеств и достижений Инала, который по преданиям на короткий период объединил под своей властью всё абхазо-адыгское этнополитическое пространство. На фоне монгольских завоеваний это достиже-

ние выглядит не столь масштабным, но для своего сообщества – черкесских и абазских политий Северо-Западного и Центрального Кавказа – оно имело такое же исключительное значение рубежа новой исторической эпохи.

Крымские Гирей претендовали на происхождение от Тука-Тимура – 13-го сына Джучи [Стариков, Беляев 2014: 248]. Стоит сразу же оговориться, что сам Джучи – старший сын великого Чингисхана, согласно «Сокровенной истории монголов» скорее всего не был Чингизидом по крови. Джучи называли «сыном меркитского плена», так как Бортэ – его мать и старшая жена Чингисхана во время нападения враждебного племени меркитов была похищена и отдана в наложницы одному из их вождей Чилэгэру. И хотя после освобождения жены из плена Чингисхан признал рожденного ею сына своим, Джучи и его потомство так и не смогли избавиться от предубеждения со стороны остальных своих братьев Чингизидов [Чингисиана 2009: 77–89].

Кроме того, Тука-Тимур, в отличие от старших братьев, получил улус не после смерти своего отца Джучи в 1226 г., а лишь по завершении Западного похода Бату-хана в 1242 г. [Утемиш Хаджи 1992: 38 а]. По мнению В.П. Юдина, положение тукатимуридов в иерархии Чингизидов было незавидным: «...Потомки Тука-Тимура носили титул «хан оглы» ‘ханьч’, ‘ханский сын’. Употребление в персоязычном тексте этого тюркского словосочетания-титула имело особый, глубокий смысл. Термин этот был *таксоном вполне определенного уровня в иерархической номенклатуре Чингизидов* в Дашт – и Кыпчаке. Условно его можно передать титулом «принц». Автор «Бахр ал-асрар» (персоязычный мусульманской историограф XVII в. Махмуд бен Вали – К.З.) хотел этим подчеркнуть, что *ни Тука-Тимур, ни его потомки, по решению Чингиза и курултаев, не имели в Дашт-и Кыпчаке прав на достоинство хана ...* Если в Европе титул «принц» и подобные ему предполагали право на наследование трона государства или высокого титула отца или другого предка, то звание «хан оглы» в данном случае указывает на то,

что его носители таким правом как раз не обладали. Их наследственным уделом было положение «ханычей» без надежды стать верховным правителем (курсив наш – К.З.) [Юдин 1992: 35–36]. Мы далеки от мысли проводить прямые аналогии между терминами *хъаныкъуэ* и *хан оглы*, их употребление происходило в совершенно различном этнополитическом контексте. Но семантика термина, отражающая социальное принижение определяемого субъекта, выраженная идентично на разных языках, очевидна. Тем не менее, несмотря на относительно невысокий статус даже среди джучидов, тукатимуриды Гирей в период распада улуса Джучи («Золотой Орды»), опираясь на региональные элиты, сумели возглавить жизнеспособное государство в Северном Причерноморье и стать правителями – ханами Крымского юрта, который на три с половиной века стал близким, иногда опасным соседом черкесских княжеств.

Первые принцы крови – Чингизиды оказались в Черкесии еще в период максимального могущества улуса Джучи. По данным крымского историографа XVIII в. Абд ал-Гафара Кырыми еще «... Келин-Балык, жена Токты (великий хан улуса Джучи в 1291–1312 гг. – К.З.), втайне от него отправила его племянника Узбека (будущий великий хан улуса Джучи в 1313–1341 гг. – К.З.) к некоему Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай в Черкесском вилайете» [Мустакимов 2009: 278]. Скудость письменных источников не позволяет предметно исследовать историю Чингизидов в Черкесии в XIV–XV вв., но можно предположить, что Узбек был не единственным «принцем крови», который скрывался или воспитывался в Черкесии в период политического единства улуса Джучи. Интенсификация же крымско-черкесских связей падает на XVI в., когда правящие династии Крыма и Княжеской Черкесии уже имели за плечами солидный политический бэкграунд. После периода серьезного обострения отношений и даже упорного военно-политического противостояния в период правления Мухаммед-Гирей I (1515–1523) и особенно Сахиб-Гирей (1532–1550), с

60-х годов XVI в. начинается сближение между Крымским ханством и владетельными князьями Черкесии [Кожев 2006: 204–210, 213–216]. Осенью 1563 г. в Крым прибыли послы от жанеевцев «на Черкасское государство царевича просить» и хан Девлет-Гирей отпустил с ними своего внука Ислам-Гирея [ПСРА: 274–275; Белокуров 1882: 60]. Затруднительно точно определить этатистское содержание этого приглашения в Жаней крымского царевича, возможна просто некорректная передача летописным источником факта передачи на воспитание жанеевцам очередного ханыча. Во всяком случае, *внук* правящего хана не мог стать влиятельной политической фигурой «на Черкесском государстве» в силу юного возраста. В конце 60-х годов в Жанее в качестве воспитанников (*къан*) владетельных князей находились еще два внука Девлет-Гирея – сыновья крымского калги Мухаммед-Гирея Сафа-Гирей и Ширван [Кушева 1950: 266].

Вторую половину XVI в. и практически весь XVII в. по праву можно назвать периодом политического и экономического процветания Крымского ханства, когда его влияние на соседние страны было максимальным. К началу XVIII в. степень этнокультурного симбиоза политических элит Крымского ханства и Княжеской Черкесии позволяет говорить о высокой степени социально-политической интеграции. Численность принцев крымского правящего дома, временно или постоянно проживавших в Черкесии, если верить синхронным нарративным источникам, исчислялась многими десятками. Наиболее стереотипное представление о социальном статусе *хъаныкъуэ* в Черкесии XVIII в. содержится в классическом описании Ксаверио Главани – французского консула и придворного лекаря при крымском хане Саадет-Гирее IV (1717–1724): «Каждый бей (черкесский князь-*пщы* – К.З.) самостоятелен в своем владении, хотя они почти всегда находятся под покровительством ханов Татарии. Произошло это вследствие того, что они легкомысленно позволили ха-

нам обмануть себя, один из ханов прислал к ним своего сына, другой двух, третий трех сыновей и, таким образом, мало помалу черкесы подпали под управление султанов. В настоящее время в черкесской стране считается 52 султана, способных носить оружие; самый бедный из них имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг. *В отношении управления Черкесией и в видах обуздания народа султаны действуют заодно, так что черкесы сделались как бы рабами султанов. Каждый бей как бы усыновил одного султана; наиболее могущественные из мурз (т.е. знатные дворяне-лэкьюэлэш – К.З.) имеют также по одному султану в своих домах. Эти султаны повелевают и начальниками и народом* (курсив наш – К.З.)» [АВКИЕА: 161].

Автор, исходя из европейских представлений о субординации, дает яркую, но сильно искаженную особенностями восприятия картину социальной действительности, которую он мог знать только со слов своих крымских информаторов. Мы имеем письменный источник середины 60-х годов XVII в., написанный очевидцем, непосредственно наблюдавшим картины из жизни различных черкесских сообществ, который иначе рисует бытовые и психологические особенности пребывания Чингизидов в Черкесии. Это знаменитые путевые заметки турецкого автора Эвлия Челеби, сопровождавшего свергнутого крымского хана Мухаммед-Гирея IV (1641–1644, 1654–1665) и его сторонников в их путешествии через всю Черкесию от Тамани до Дагестана:

«...А Селимет-Гирей-султану не дали ничего и задержали в этой стране (в Жанее – К.З.), так как его мать была из женщин жане.

...И до сих пор Азамат-Гирей-султан и ...султан – сыновья нынешнего Чобан-Гирея (правящего в 1666–1671 гг. крымского хана – К.З.) – *пребывают у них* (адамеевцев – К.З.) *в заложниках.*

...И вот на следующий день весь этот народ болотокай (т.е. кемиргоевцы – К.З.), как следует вооружившись боль-

шим скопищем пришел к хану. Треща как сороки и крича, они *выхватили у хана из рук Джанибе-Гирей-султана*, третьего сына Мухаммед-Гирея, и как бы обращаясь к нему с просьбой [сказали]: «Мы его вырастили. Пусть он останется у нас, будет нашим господином. А придет время – он станет ханом и будет нами править». И с этими словами *забрали юношу-царевича и увели в горы ... Последний сын покинул хана, и хан плакал беспрерывно*. Однако народ черкесский [вскоре] *отпустил царевича на свободу*. По этому случаю было устроено торжество на весь мир. Ради праздника палили залпами из ружей. [И пели]... Распевая песни, они с почетом и уважением вывели на дорогу султана и принесли ему в жертву 120 баранов. «Ибо – говорили они, – у народа адами находятся сыновья Чобан-Гирея, у нас же пусть будет сын Мухаммед-Гирей-хана!» – *такое требование предъявили они султану*. «Когда он от нас уйдет, это может быть, станет залогом дружбы, – он станет ханом, и нам от этого будет польза» – *уверенные в этом они забрали царевича*.

... Позже все черкесы в этом пшучо (в ставке бжедугского князя – К.З.), припав к ногам хана, обратились к нему *с покорной просьбой*, чтобы он оставил этому племени Хаджи-Гирей-султана... Он является сыном Крым-Гирей-султана. И он человек почитаемый. *Он с плачем остался в этих краях* (езде курсив наш – К.З.) [Челеби 1979: 42, 63, 69, 73–74, 76, 224].

Как мы видим, автор акцентирует внимание на том, что инициаторами в оставлении у себя юных царевичей-Чингизидов выступают именно черкесы. Термины, которые он употребляет – «*задержали в этой стране*», «*пребывает у них в заложниках*», «*выхватили у хана из рук Джанибе-Гирей-султана*», «*забрали юношу-царевича и увели в горы*», «*отпустил царевича на свободу*», «*требование предъявили ... султану*», «*забрали царевича*», и, наконец как апофеоз – «*он с плачем остался в этих краях*», об одном из хъаныкъуэ, оставленных черкесами у себя, свидетельствуют не в поль-

зу адекватности описания Ксаверию Главани самовластия ханских сыновей в Черкесии. Напротив, черкесы, за исключением бжедугов, которые единственные обратились к Мухаммед-Гирею «с покорной просьбой», действуют достаточно бесцеременно. Царевичи для них чуть ли не добыча, заложники их интересов: «...Он станет ханом, и нам от этого будет польза». Вместе с тем, реальные сюжеты черкесской истории, нашедшие отражение в русских архивных источниках, позволяют судить насколько «токсичным» с точки зрения конфликтогенного потенциала могло быть присутствие в Черкесии многочисленных молодых *хъаныкъуэ*, окруженных своими родичами, вассалами, клиентами и ведущими к тому же традиционный «аристократический» образ жизни.

В январе 1747 г. крымский хан жаловался турецкому правительству на кабардинцев и в числе прочего обвинял в убийстве ногайского «мурзы Ханмамбет-Мурзы Бимурзина». Однако в результате расследования выяснилось, что последний вместе с неизвестным по имени крымским султаном, совершил набег на кабардинских подданных абазин для отгона лошадей и в ходе погони и стычки оказался смертельно ранен. Затем «из партии убитого мурзы выехал к абазинцам вышеописанный солтан, и абазинцы увидя его драться перестали и приехав к нему учинили ему обыкновенное почтение и поцеловали у него полу, причем тот солтан убил абазинского владельца и шесть узденей до смерти» [КРО. Т. 2. 1957: 135–137, 157]. То есть, после того как присутствовавший в набеговой партии *хъаныкъуэ* явно открыл себя, абазины, следуя традиционной в таких случаях практике, прекратили схватку. Открытие себя предводителем неудачного набега, в случае отсутствия в составе погони равных по социальному положению лиц, должно было завершиться простым возвращением захваченного. Однако крымский царевич, пользуясь своим статусом, огражденным очень высокой платой за кровь и фактической неприкосновенностью, в отместку за погиб-

шего спутника – ногойского мурзу Ханмамбета Бимурзина, безнаказанно убил семь человек, включая абазинского владельца.

Степень вовлеченности отдельных *хъаныкъуэ* в политические процессы, протекавшие в Черкесии, нередко приводила к куда более масштабным и трагическим последствиям, особенно если султаны-Гирейи приобретали высокие государственные должности в Крымском ханстве. Собственно заинтересованность черкесов в воспитании ханских сыновей, так ярко описанная в записках Эвлия Челеби, диктовалась, в первую очередь, утилитарными соображениями политической целесообразности. Такой воспитанник становился надежным каналом взаимовыгодного политического влияния. Крымские принцы крови приобретали в лице своих аталыков надежных сторонников среди черкесской аристократии, а адыгские владетельные семьи в междоусобных столкновениях широко использовали военные и политические ресурсы Крымского ханства. Так, например, в 1720 г. во время похода на Кабарду крымского хана Саадат-Гирея (1717–1724), его сын – кубанский сераскир Салих-Гирей – воспитанник-*къан* князей рода Мисостовых, пытался организовать заговор с целью истребить всех Джамбулатовых – главных политических соперников своих аталыков [Кажаров 1994: 394]. Уже в 1724 г., во время непродолжительного правления нового хана Девлет-Гирея, лидер Джамбулатовых – Асланбек Кайтукин, пытался найти опору среди крымских Чингизидов, выдал дочь за одного из сыновей хана – Арслан-Гирея и взял на воспитание двух детей Бахты-Гирея – старшего сына Девлет-Гирея [Кажаров 1994: 394]. Активное участие в черкесских междоусобиях стоило жизни Бахты-Гирею. Весной 1729 г. крымские войска во главе с сераскиром Имеат-Гиреем, его братом Бахты-Гиреем и Асланбеком Кайтукиным вторглись в Кабарду, но после двухдневных боев потерпели сокрушительное поражение. В сражении погибли оба крымских султана [КРО. Т. 2. 1957: 60–61; Бутков 1869: 361]. В 1730 г. из

Крыма в Кабарду к своему аталыку Исламбеку Мисостову бежал Салих-Гирей – принципиальный соперник вновь взшедшего на крымский престол Каплан-Гирея (1730–1736). С ним в Кабарду ушло 2 тыс. ногайских семей (до 35–40 тыс. человек). Летом 1731 г., когда крымские войска во главе с братом убитых кабардинцами царевичей Арслан-Гиреем и Асланбеком Кайтукиным подошли к границам Кабарды, Салих-Гирей и его 7 тыс. конных ногайцев приняли участие в отражении и разгроме крымского войска [КРО. Т. 2. 1957: 43–45, 49–50, 58–60, 65; Налоева 1987: 100–101].

Резкое падение военно-политического могущества Крымского ханства и его влияния в Черкесии после русско-турецкой войны 1735–1739 гг. не могло не сказаться и на положении *хъаныкъуэ* в стране. Так, согласно рапорту командующего войсками в Кизляре А.П. Девица в Коллегию иностранных дел от 28 июня 1747 г., в Кабарде и Бесленее проживали сын Бахты-Гирея Сапелек и сыновья отправленного в ссылку Арслан-Гирея Девлет-Гирей и Шагам, находившиеся на попечении Хамурзы и Джамбулата Кайтукиных: «...И оные ... ни по одному человеку владения при себе не имеют, и приезжая живут ... в Кабарде для одного пропитания и награждения ибо де матери их померли, а отец в ссылке» [КРО. Т. 2. 1957: 142]. Крымское правительство требовало их выдачи, но родственники и аталыки царевичей оказывали им гостеприимство и покровительство до прихода к власти в Крыму в 1748 г. их отца Арслан-Гирея (1748–1755) [КРО. Т. 2. 1957: 163]. Российское правительство с середины XVIII в. последовательно оказывало давление на кабардинских владельцев, чтобы те не принимали у себя крымских султанов, резонно полагая, что последние являются прямыми проводниками враждебного России политического влияния. В марте 1761 г. в письме кизлярскому коменданту И.Ф. де Боксбергу лидеры практически всех княжеских домов Большой Кабарды присягнули в том, чтобы «султанских детей» у себя не принимать [КРО. Т. 2. 1957:

208]. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кабарда оказалась фактически недоступна для постоянного или временного проживания крымских султанов. В Западной Черкесии ситуация была иной. Крымское ханство, а после его ликвидации в 1783 г. Османская империя, рассматривали Кубань как важный рубеж своих военно-политических притязаний. Для некоторых крымских султанов, лишенных возможности жить в занятом русскими Крыму и не пожелавших удалиться в османские владения, левобережье Кубани или окрестности Анапы стали последним пристанищем в Черкесии. Именно к поколению этих *хъаныкъуэ* относились отец и дед Султана Хан-Гирея. В своей неоконченной работе «Сераскер султан Мугамед-Гирей» автор «Записок о Черкесии» дает исчерпывающее описание того статуса, который имели *хъаныкъуэ* среди черкесов в годы могущества и упадка Крымского ханства: «Крымские султаны жившие между черкесскими племенами, нередко пользовались обширною властью в этой стране и влиянием, но это происходило или от поддержки со стороны Крыма, как мы объясним далее, или следствием особенно выгодного их положения, например связей дружеских и достаточного состояния, и во всяком случае основывалось на личных их достоинствах – ума, щедроты и мужества, а как знатность происхождения, сильно способствующая человеку с дарованиями к возвышению, не может однакож повелевать природою, единственною раздавательницею талантов, то многие султаны оставались беднее и униженнее и самих Князей черкесских, у которых по крайней мере были пристанища: у них были свои племена, в которых права их предков, права столь же древние, как и самые племена, доставляли им какое-нибудь господство и при бедности и слабости одинаково неизменное, а при способностях и успехах взводившее их на значительную степень владения. Султаны же, напротив того, в слабости и бедности оставались при одной знатности своего происхождения, которая если охраняла их от

посягательства на их личность, это уже было много. Их права в этой стране были основаны на силе, следовательно, они при бедности и слабости сами собою исчезали, и сила только могла их снова поднять и возстановить; при таком положении дел, обедневшие султаны по необходимости должны были оставаться под тенью оскорбительной снисходительности Черкесских князей тех племен, в которых они жили (выделено нами – К.З.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 581–582].

Хан-Гирей проявляет в этом пассаже поразительную объективность, которой не помешала даже уязвленная гордость подсознательного «чингизизма». Статус *хъаныкъуэ* в среде черкесов действительно определялся многими факторами, но главным из них была поддержка Крымского ханства и стоявшая за этим реальная военная сила. Принадлежность к роду Гиреев или более широко Чингизидов, сама по себе не давала в Черкесии никаких *политических прав*, а гарантировала некоторое уважение к происхождению и безопасность. Личные качества, «достоинства – ума, щедроты и мужества», наряду с дружескими, а мы бы добавили и родственными связями могли создать заметное *политическое влияние* того или иного Чингизида в Черкесии. Но после того как Крымское ханство перестало быть грозной военной силой, главной защитой для *хъаныкъуэ* в Черкесии стало гостеприимство и покровительство – статус гостя, «под тенью оскорбительной снисходительности Черкесских князей тех племен, в которых они жили».

Так откровенно и эмоционально охарактеризовав реальное положение *хъаныкъуэ* в Черкесии, в том числе и своей семьи, Хан-Гирей далее делает совершенно неубедительную попытку представить читателю некое соглашение между бжедугскими князьями Хамышеевского удела и Ислам-Гиреем, при водворении последнего в Черкесии. Сомнение вызывает сама личность Ислам-Гирея, который, согласно генеалогии автора, жил за шесть поколений до него, т.е. как минимум в конце XVII в. При этом по историческим источ-

никам нам неизвестно ни об одном случае длительного, на протяжении двух-трех поколений, проживания в Чкркесии какой-либо семьи *хъаныкъуэ* до второй половины XVIII в. И если отец и дед Хан-Гирея предстают вполне историческими личностями, проживавшими в Черкесии и даже занимавшими важные посты на крымской и османской службе, то первопредок, якобы поселившийся среди бжедугов по предварительному соглашению с их князьями, выглядит как легендарный персонаж. Текст соглашения, приводимый автором изобилует повторами и логическими противоречиями. Итак, Ислам-Гирей, предок Хан-Гирея поселился в Хамышевском уделе Бжедугии «...на следующих четырех главных условиях, заключенных с князьями этого воинственного и древнего племени.

1. Во всех случаях, касающихся до внутренних дел племени равно и в сношениях с иноплеменниками по общественным делам, Султану Ислам-Гирею и его потомкам стоять на челе Хамышейских князей и их потомков.

2. Ему и его потомкам пользоваться внутри Хамышейского племени всеми правами владения и власти Хамышейских князей.

3. Несмотря на этот пункт, сравнивающий его и его потомков с Князьями и их потомками внутри племени, и в случае важных происшествий между ими самими, Ислам-гирей и его потомки сохраняют относительно чинопочитания в обхождении преимущества своих предков – потомков Ханов Крымских, и первенствуют между Князьями и их потомками.

4. В делах вне Хамышейского племени, и в сношениях своих с другими племенами, или народами, Ислам-гирей и его потомки пользуются преимуществами и правами своих предков, а Хамышейские Князья и их потомки следуют за ними, поддерживают их не в качестве равного с ним, а младших союзников.

Прочие статьи условий были второстепенные, имевшие с большею или меньшею видимостью цель не распростра-

нить власть Ислам-гирея и его потомков внутри Хамышейского племени далее черты, определенной выше приведенными пунктами условий» [Султан Хан-Гирей 2009: 582–583].

По поводу этого «договора» сразу возникает несколько резонных вопросов. Во-первых, кто из *хъаныкъуэ* самостоятельно, без санкции Крымского хана, мог добиваться в конце XVII в. (судя по тому, что Хан-Гирей это шестое поколение потомков Ислам-Гирея) особого привилегированного статуса в Бжедугии? На Кубани крымским правительством назначался официальный наместник – сераскер. И попытки кого либо из Гиреев самостоятельно утвердиться в качестве наследственного предводителя Хамышейской Бжедугии в период полновластия ханов на Кубани выглядят и неуместно и совершенно нереально. Во-вторых, если бы такой договор действительно имел место, в исторических источниках можно было бы обнаружить какие-то упоминания о потомках Ислам-Гирея и их участии в политических процессах в Западной Черкесии. Между тем, кроме Магомед-Гирея и Аслан-Гирея, отца и деда автора «Записок о Черкесии», остальные его предки вплоть до Ислам-Гирея – это ничем не известные анонимы. В-третьих, сам договор в редакции Хан-Гирея выглядит как назойливая и ничем, кроме принадлежности к роду Гиреев, не подкрепленная претензия на статусное превосходство над князьями Хамышеевского удела Бжедугии. Пункты первый, третий и четвертый в разных словах повторяют постулат об этом династическом превосходстве и желании сохранить «преимущества своих предков – потомков Ханов Крымских» в «чинопочитании и обхождении». Но пункт второй договора, якобы предоставляющий Ислам-Гирею и его потомкам «пользоваться внутри Хамышейского племени всеми правами владения и власти Хамышейских князей» прямо противоречит остальным пунктам. Не ясно чего добивался легендарный Ислам-Гирей, уравнения в правах с хамышевскими князьями Бжедугии или низведения их до статуса

«младших союзников»? Бжедугские князья не были Иналидами, но своим упорным и единодушным сопротивлением их гегемонизму единственные из всех династов феодальной Черкесии добились равного с Иналидами статуса. Собственно даже признание хамышеевскими князьями *равенства* с Ислам-Гиреем в *политических правах* по управлению собственным наследственным уделом можно было бы расценить как беспримерную в истории Черкесии уступку. Такой шаг должен был иметь очень веские основания и без выделения Ислам-Гирею и его потомкам внушительного личного удела в рамках хамышеевского владения лишался реальной социально-экономической базы. Добровольное же признание хамышеевскими князьями себя «младшими союзниками» Ислам-Гирея и его потомков, их обязательство во всех внутренних и внешних делах признавать первенство фактически своего нового сюзерена, совершенно невероятно с точки зрения феодальной этики. Такие перевороты могут произойти лишь в результате упорной борьбы, которая, безусловно, найдет отражение и в устных преданиях и в исторических источниках. При всем уважении к Хан-Гирею, его версия «договора» Ислам-Гирея с хамышеевскими князьями Бжедугии совершенно неубедительна, в отличие от той цитаты из неопубликованной статьи, которая прямо свидетельствует о необходимости для последних *хъаныкъуэ* из рода Гиреев жить «*под тенью оскорбительной снисходительности Черкесских князей*».

Не претендуя на полное освещение проблемы, масштаб которой требует обширной исследовательской работы, мы можем сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, Чингизиды Крымского ханства в течение нескольких веков были прочно интегрированы с феодальной элитой Черкесии в основном посредством династических и аталыческих связей.

Во-вторых, в период независимости Крымского ханства длительное пребывание в Черкесии совершеннолетних *хъаныкъуэ* было связано с исключительными обстоятельства-

ми – изгнание, вражда с более удачливыми соперниками из числа членов правящего рода, ослабление социальных позиций в Крыму и т.д. Нам неизвестны достоверные случаи длительного, на протяжении нескольких поколений, проживания *хъаныкъуэ* в Черкесии до конца эпохи относительной независимости (в рамках Османской империи) Крымского ханства. Черкесия для совершеннолетних султанов была исключительно транзитным пунктом на пути к государственным должностям в Крымском ханстве. Ситуация принципиально изменилась лишь после ликвидации Крымского государства в 1783 г.

В-третьих, основным источником высокого социального статуса *хъаныкъуэ* в Черкесии было военное могущество Крымского ханства, чью правящую династию они представляли, уважение к знатности происхождения, а также династические и аталыческие связи с высшей черкесской аристократией.

В-четвертых, несмотря на длительность симбиоза высшей политической элиты Крымского ханства и Княжеской Черкесии, *хъаныкъуэ* так и не стали органичной частью ее *политической системы*. В сведениях «О правах высших сословий в Кубанской и Терской областях», собранных в 80-х годах XIX в., этот факт отражен предельно ясно: «...Султаны не имели ни поземельной собственности, ни подвластных у себя народов; *будучи же потомками крымских ханов, пользовались как почетные гости от всех таким же уважением, как и кабардинские князья, в особенности же они были почитаемы среди соплеменных ногайцев.* Как почетные гости султаны не принимали, да и не могли принимать непосредственного участия в событиях, касавшихся судеб тех племен, у которых они нашли себе гостеприимство. По этой же причине они, *не сливаясь с туземными сословиями,* сохранили в своих семействах свои особые обычаи, по которым живут и по настоящее время. Между их обычаями *обращает на себя особенное внимание тот, по которому между султанами не допускается*

тумак (т.е. *тумэ* – Иналид, родившийся в результате мезальянса – К.З.); *все дети султана, от кого бы они рождены ни были, считаются султанами и равноправными между собой* (курсив наш – К.З.)» [Сборник документов по сословному ... 2003: 143–144]. В этом отрывке нет ни одной лишней детали, всё к месту. И отсутствие у крымских султанов прочной социально-экономической базы в регионе (земельной собственности, подвластных народов); особенное почтение к султанам со стороны ногайцев – тюркского кочевого народа, единственного на Северном Кавказе для которого «чингизизм» был органичен; фактическое уравнивание социальных статусов *хъаныкьюэ* и кабардинских князей, как самых последовательных представителей иналидского максимализма в Княжеской Черкесии, что особенно ярко проявлялось в их гипертрофированных представлениях о «чистоте крови». Через столетие с небольшим после вытеснения из Кабарды последних *хъаныкьюэ* произошла такая аберрация исторической памяти, что информаторы давали уже крайне искаженную информацию об относительно недавнем периоде инфильтрации Чингизидов в самое восточное черкесские княжество: «Первые пришедшие на Кавказ султаны водворились *на Ходзе, между абазинцами и бесленевцами*, откуда впоследствии перешли к тем туземным племенам, к которым принадлежали их воспитатели (атальки), вследствие чего и составились различные роды султанов. *Войны крымских татар с кабардинцами отразились в том обстоятельстве, что султаны никогда не жили среди кабардинцев и даже до последнего времени не имели с ними родственных союзов и не приезжали в Кабарду из опасения кровомщения* (курсив наш – К.З.)» [Сборник документов по сословному... 2003: 144]. Обострение кабардино-крымских отношений в первой трети XVIII в., серия крупномасштабных военных конфликтов, в которых крымские Гирей то выступали союзниками соперничающих княжеских домов, то, как Каплан-Гирей в 1708 г. или Саадет-Гирей в 1720 г., пытались подчинить Крымскому

ханству всю Кабарду, как мы видим, не уничтожили в последней общечеркесских практик интеграции *хъаныкъуэ* в высшую аристократическую среду (династические союзы, аталычество). Но интенсивность социально-политических процессов в Кабарде первой половины XVIII в., гегемонистские, в рамках региона, претензии ее высшей политической элиты, а также дипломатический нажим со стороны русского правительства привели к полному освобождению кабардинцев от инвазий крымских Гиреев, даже на уровне исторической памяти.

Таким образом, социально-политические системы Крымского ханства и Княжеской Черкесии оказались не конгруэнтны для органичной инкорпорации *хъаныкъуэ* в социальную иерархию черкесов. Образно выражаясь, «чингизизм» Гиреев нашел в Черкесии адекватный ответ в виде условного «инализма», преодолеть который *хъаныкъуэ* не смогли даже в период максимального могущества Крымского ханства. Вплоть до конца независимости Черкесии, *хъаныкъуэ* оставались почетными гостями в стране, уважаемыми за знатность происхождения, но чужими в *политической системе*. И ярче всего это демонстрирует неординарная, но трагическая судьба самого Султана Хан-Гирея.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ПОХОД (БАХЪШЫСЭРЕЙ ЗЕКІУЭ): ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ

В отечественной историографии Бахчисарайский поход до сих пор не стал предметом специального исследования, хотя фольклорные тексты, связанные с ним, давно введены в научный оборот. Возможно, это связано с тем, что нет ни одного письменного источника, упоминающего об этом не рядовом по масштабу событии из истории военного противостояния Кабарды и Крымского ханства. А делать какие-то конкретные выводы, опираясь только на устные предания, многим исследователям кажется не вполне корректным. Академические научные издания традиционно игнорируют этот сюжет военно-политической истории Кабарды [История Кабардино-Балкарской... Т. 1. 1967; История народов... 1988]. Даже Ш.Б. Ногмов, который писал свою «Историю адыгейского народа» по черкесским историческим преданиям, обошел его своим вниманием [Ногмов 1994]. Однако, на наш взгляд, изучение общеисторического контекста и особенно косвенных свидетельств письменных источников, позволяют приступить к решению заявленной проблемы без риска впасть в серьёзные погрешности. Одной из первых попыток ввести фольклорный сюжет о Бахчисарайском походе в академическое адыговедение, было отражение этого предания в историческом разделе «Адыгской (черкесской) энциклопедии» [Кожев 2006: 175].

Во втором томе «Адыгского фольклора» содержатся как оригинальные прозаические тексты, так и историко-героическая песня, посвященная Бахчисарайскому походу и сложенная его участниками [Адыгэ ІуэрыІуатэхэр. Т. 2. 1970: 164–168]. Она вошла также в первую часть третьего тома «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов» [Народные песни и инструментальные наигрыши... Т. 3. Ч. 1. 1986: 51–54]. Историческое предание и поэтический текст «Песни о Бахчисарайском походе», несмотря на свой незначительный объем, содержат принципиально важную

информацию, позволяющую задать надежные хронологические рамки описываемого события, оценить его масштаб. Во-первых, историческая память сохранила потомкам имя полководца и военного предводителя Бахчисарайского похода. Это Талостан Жанхотов – представитель третьего поколения Иналидов в Черкесии, младший брат Беслана Жанхотова [КРО. Т. 1. 1957: 383–386]. Последний под именем Беслана Тучного (*Беслэн ПцIанцIэ*) – *пцышхуэ* Кабарды, часто фигурирует в черкесском фольклоре как современник и антагонист Андемиркана – князя-бастарда (*тумэ*) и одновременно идеального рыцаря черкесского Средневековья [КъэрдэнгъуцI 2009: 273–280].

Благодаря русским архивным источникам, в первую очередь, составленным в середине XVII в. «Родословным кабардинских князей и мурз», мы знаем, что время жизни и деятельности четвертого поколения Иналидов в Кабарде падает примерно на третью четверть XVI в. Самый известный из этой генерации Иналидов – Кемиргоко Идаров, уже будучи *пцышхуэ* – великим князем Кабарды, в 1557 г. выступил с инициативой установления дипломатических и политических связей с правительством Ивана IV Грозного (1547–1584), а через четыре года стал царским тестем [КРО. Т. 1. 1957: 5, 9–10, 383–385].

Соответственно, считая разницу между поколениями примерно в 20–25 лет, мы можем определить период активной военной и политической деятельности Талостана Жанхотова и его современников примерно второй четвертью XVI в. Составители первой части третьего тома «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов» в аннотации к «Песне о Бахчисарайском походе», кратко описав его фабулу, не пытаются даже приблизительно датировать это событие и лишь определяют самыми широкими рамками время жизни ключевой фигуры – Талостана Жанхотова: «По преданию, кабардинцы во главе с князем Таусултаном (Татлостаном) Янхотовым (историческое лицо, жил в первой половине XVI в.) предприняли поход в Крым. Они

переправились через Керченский пролив, дошли с боями до Бахчисарая (столицы ханства) и окружили его. Хан вынужден был просить мира и выплатить большую дань – сто возов тонких тканей, что дало возможность кабардинцам снять свои грубые рубашки и заменить их более тонкими. Предание гласит, что песню сложили участники похода на обратном пути» [Народные песни и инструментальные наигрыши... Т. 3. Ч. 1. 1986: 54].

На первый взгляд, сюжет о вторжении многочисленного кабардинского войска в самый центр крымских владений, осада столицы ханства и, в итоге, получении большого выкупа может вызвать серьезные сомнения в достоверности, как исторического предания, так и самой песни, посвященной Бахчисарайскому походу. Однако внимательное знакомство с историей крымско-черкесских отношений или, в более широком плане, взаимоотношений черкесских политий позднего Средневековья с татарскими государствами – осколками Золотой Орды, позволяют развеять эти сомнения. В том, что касается взаимоотношений с Крымом, наверное наиболее иллюстративным и ярким является, ставшее классическим, описание генуэзцем Джорджио Интериано, прожившим в Черкесии много лет, военной напряженности на черкесско-татарском фронтире на рубеже XV–XVI вв:

«Они (черкесы – *К.З.*) постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор (т.е. Керченский пролив – *К.З.*) вплоть до Херсонеса Таврического (нынешний Севастополь – *К.З.*) ... *Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает* (курсив наш – *К.З.*), чтобы грабить жителей скифов (т.е. татар – *К.З.*), и горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости» [АБКИЕА 1974: 50]. Свидетельство очевидца о регулярности и ординарности черкесских вторжений, фактически набегов, вглубь

Крымского полуострова, их впечатляющая география – «вплоть до Херсонеса Таврического», то есть да крайней западной оконечности Крыма, позволяют судить о степени военного давления на ханство со стороны Черкесии в начальный период его истории. Возможно, это было связано с тем, что Крым в определенной степени был для черкесов сакральной территорией. Генеалогические предания Иналидов – черкесской княжеской династии позднего Средневековья и Нового времени, устойчиво называют Крым «транзитным» пунктом на пути переселения легендарных предков с Ближнего Востока на Кавказ. Кроме того в Крыму с нач. XV в. вплоть до османского завоевания в 1475 г. существовало небольшое княжество со смешанным населением и черкесской по происхождению династией, уничтоженное османами одновременно с генуэзскими колониями (См. **Крымские мотивы...**). Если завоеванная османами Кафа из центра генуэзских колоний в Северном Причерноморье превратилась в центр нового османского вилайета, то территория Мангупского княжества («Крымской Готии») была включена в состав Крымского ханства. И регулярные набеги вглубь Крымского полуострова, зафиксированные Дж. Интериано на рубеже XV и XVI вв., можно рассматривать как своеобразную месть черкесской правящей элиты, в первую очередь Иналидов, по отношению к государству, уничтожившему одну из черкесских политий позднего Средневековья. Особое внимание следует обратить на замечание Дж. Интериано о том, что черкесы *«охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает»*. Иными словами, несмотря на «зимние предпочтения», связанные с очевидными преимуществами свободного доступа черкесской конницы на территорию Крыма по надежному ледовому покрытию Керченского пролива, походы осуществлялись и в весенне-летний период, пусть и не столь «охотно». Очевидно также, что для этого необходимо было комбинировать действия сухопутных сил (конницы, возможно пехоты) и флота. Наличие развитой мореходной

традиции у причерноморских черкесов, начиная с античности, делало такие походы пусть и гораздо более сложными в организационном плане, но технически вполне возможными [Мирзоев 2014: 3–10].

Объективные интересы Иналидов, продолжателей политики своего предка по созданию самостоятельной государственно-политической и династической традиции, сталкивали их с осколками Золотой Орды, которые пытались в той или иной степени поддерживать претензии на имперский статус. Хотя бы по той причине, что почти везде (за исключением Ногайской Орды) у власти оказались представители «Золотого рода», то есть Чингизиды. Однако острые противоречия между политическими наследниками Золотой Орды позволяли черкесским политиям играть самостоятельную роль в региональной политике. Примерно в это же время, на рубеже XV–XVI вв., по фрагментарным данным русских письменных источников черкесы приняли активное участие в разгроме Большой Орды, которая под военным давлением с их стороны была вынуждена оставить свои кочевья в степном Предкавказье и искать спасения на правом берегу Дона. Так в июле 1498 г. русский посол в Крыму Б.Челищев сообщал: «Приходили Черкасы на Большую Орду, да побиили... татар Большой Орды добре много. И царю ... Маахмату (большеордынскому хану Сейид-Мухаммеду – К.З.) под Черкасы прожити не мочно, он мыслит пойти на сю (т.е. правую – К.З.) сторону Дону» [СРИО. Т. 41. 1884: 255]. Такая ситуация сохранялась вплоть до окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г. [СРИО. Т. 41. 1884: 358, 418].

После прочного включения Крымского ханства в государственную систему Османской империи в 1475 г., его военно-политические позиции в Северном Причерноморье замено окрепли. Южный берег Крыма с бывшим центром генуэзских колоний в регионе – Кафой, Таманский полуостров вошли в новый вилайет Османской империи. Наместники Кафы активно включились в борьбу с черкесскими полити-

ями Западного Кавказа, но очень долго эта борьба велась с переменным успехом. Так в 1501 г. по свидетельству русского посла в Крыму Ф. Ромодановского, османский наместник Кафы Мухаммед предпринял поход на черкесов, но потерпел сокрушительное поражение [СРИО. Т. 41. 1884: 357]. Преодолевая активное сопротивление местного населения, Османская империя продолжала укреплять свои позиции на черкесском побережье, и это косвенным образом повышало безопасность Крымского полуострова от черкесских набегов. С 1502 г. в качестве портового города с османской администрацией и пункта сбора торговых пошлин начинает функционировать крепость Тамань [СРИО. Т. 41. 1884: 408]. В 1515 г., османские власти заложили на границе Черкесии две крепости – Темрюк в устье Кубани и Кизил-Таш на острове Адахун, ограниченном Кубанью, р. Адагум и морским побережьем. По свидетельству письменных источников, основным назначением этих укреплений была защита от черкесских набегов не только османских подданных Таманского полуострова, но и территории Крымского полуострова. По видимому, возможность дальних зимних походов черкесов по льду Керченского пролива вглубь Крымского полуострова и через сорок лет после завоевания Крыма и Тамани рассматривалась османскими властями как вполне актуальная угроза. Новые крепости должны были исключить беспрепятственную переправу черкесской конницы на Тамань и далее в Крым. Возведение новых крепостей под прикрытием многочисленных крымско-татарских контингентов продолжалось до августа 1519 г. Так весной 1519 г. для прикрытия фортификационных работ к устью Кубани был направлено 8 тыс. крымское войско под командованием царевичей Казы-Гирея и Бабея [СРИО. Т. 95. 1895: 667–668; Челеби 1979: 46, 49].

Оборонительные мероприятия сочетались с широко-масштабными наступательными действиями османско-крымских сил. Летом 1518 г. сын крымского хана Мухаммед-Гирея (1515–1523) Бахадыр-Гирей совершил поход на

черкесские земли, но, по свидетельству русского посла в Крыму И. Челищева, потерпел поражение, стоившее ему двух третей армии. Состояние крымско-черкесских отношений в первые десятилетия XVI в., лучше всего можно охарактеризовать словами этого крымского царевича, который в своей дипломатической переписке с Великим князем Московским Василием III (1505–1533) писал: «Ежегодная у нас война Черкасы» [СРИО. Т. 95. 1895: 516–517, 607]. Эти слова, конечно же, не стоит понимать как свидетельство тотальной войны между татарами и черкесами. Еще совсем недавно татары и значительная часть черкесов сосуществовали в единой империи – Золотой Орде. На протяжении многих поколений их связывали общие государственно-политические и служебные интересы, родственные связи и культурные особенности. Однако, в период развала общего имперского пространства и борьбы различных региональных элит за свое место в радикально меняющемся геополитическом пространстве, черкесские Иналиды, как лидеры новой, динамично развивающейся государственно-политической традиции феодальной Черкесии, не могли не сталкиваться с крымскими Гиреями и другими линиями Чингизидов, которые претендовали на имперский статус, не всегда обладая реальными ресурсами даже для полноценной независимости. Черкесские Иналиды, опираясь на военно-политический потенциал своих северокавказских владений, зачастую имели возможность не только отвергать властные притязания крымских или астраханских Чингизидов, но и реально влиять на внутривнутриполитические процессы своих татарских соседей. Так, летом 1532 г. черкесские войска взяли Астрахань, убили хана Касима многих знатных татарских мурз и возвели на астраханский престол царевича Ак-Кубека, который был зятем одного из кабардинских князей [ПСРА. Т. 13. Ч. 1. 1904: 61–62; ПСРА. Т. 20. Ч. 1. 1965: 413]. Черкесское влияние в Астрахани имело реальный характер и гораздо позднее. В 1546 г. черкесы вновь захватили Астрахань, прогнали Ак-Кубека

и посадили на ханский престол другого своего ставленника – Ямгурчи, который не смог долго удерживаться у власти [Некрасов 1990: 109]. При помощи своих черкесских сторонников Ямгурчи примерно в 1550 г. еще раз занял Астрахань, но вскоре вновь был свергнут с престола конкурентами, и бежал в Кабарду [Некрасов 1990: 109].

Татарские письменные источники даже упоминают о гибели Мухаммед-Гирея – одного из самых удачливых крымских ханов, организатора успешных походов на Москву и Астрахань, в войне «с черкесами и дадианами» [Некрасов 1990: 93]. Этот источник – «История Кипчакской степи» Ибн-Ризвана, далеко не безупречен. На самом деле Мухаммед-Гирей был убит своими союзниками ногайцами у стен взятой им Астрахани. Это привело к политическому кризису в Крыму и разорению ногайцами приазовских владений ханства [Карамзин Т. VII. 1989: 77–78]. Но сам факт упоминания в татарской историографии «войны с черкесами» в связи с гибелью одного из самых знаменитых крымских ханов весьма показателен. Версия Ибн-Ризвана о гибели Мухаммед-Гирея из «Истории Кипчакской степи» позволила нам в одной из своих работ предположить, что это отражение в исторической памяти татар вторжения черкесов в Крым в ходе Бахчисарайского похода: «События, запечатленные в песне и предании, могли произойти только в период политической смуты, наступившей после смерти Мухаммед-Гирея, иначе они бы нашли отражение в русских дипломатических источниках. Мухаммед-Гирей погиб весной 1523 г., следовательно, Бахчисарайский поход с большой долей вероятности можно датировать второй половиной 1523 г.» [Кожев 2006: 175].

В настоящее время это предположение нам представляется необоснованным, хотя хронологически двадцатые годы XVI в. можно уверенно включить в период жизни и деятельности Талостана Жанхотова и его современников. Есть одно обстоятельство, которое надежно задает возможную нижнюю хронологическую границу Бахчисарайского

похода – это дата основания Бахчисарая в качестве столицы ханства и резиденции крымских Гиреев. После гибели Мухаммед-Гирея новым крымским ханом стал Саадет-Гирей, назначенный османским султаном Сулейманом I (1520–1566) [Некрасов 1990: 86, 94]. Его правление было относительно недолгим, так как Саадет-Гирею не удалось нейтрализовать губительные последствия смерти Мухаммед-Гирея и последовавших за этим смут внутри ханства. Уже в 1532 г. он добровольно отказался от ханского престола и был отозван в Стамбул. Без санкции османского султана крымский престол занял его племянник Ислам-Гирей. Правление последнего продолжалось пять месяцев, пока из Стамбула не прибыл его дядя Сахиб-Гирей (1532–1551), который в 1521–1523 гг. – в период максимальных внешнеполитических успехов Мухаммед-Гирея, успел побывать ханом в Казани. Прибывшие с ним янычары и артиллерия позволили Сахиб-Гирею временно одержать победу над внутренними противниками и утвердиться на ханском престоле [Некрасов 1990: 100; Гайворонский. Т. 1. 2007: 187–188].

Именно Сахиб-Гирей в 1532 г. перенес ханскую резиденцию из селения Саларчик на 2 км ниже по течению реки Чурюк-Су. Эта новая столица и получила знаменитое в будущем название Бахчисарай (досл. «Сад-дворец») [Гайворонский. Т. 1. 2007: 187–189]. Привязка крымского похода Талостана Жанхотова к названию новой ханской резиденции, на наш взгляд, принципиальна. Название новой крымской столицы не только отражено в названии историко-героической песни, но и прямо упоминается в прозаическом предании, и, что особенно важно, в поэтическом тексте: «*Бэхъшысэрейри а махуэм къуэпблт* («Бахчисарай в тот день о семи углах был», т.е. большой, широко раскинувшийся)» [Народные песни и инструментальные наигрыши ... Т. 3. Ч. 1. 1986: 53–54; КъэрдэнгъушцІ 2009: 273].

Верхняя хронологическая точка, ограничивающая возможную датировку Бахчисарайского похода, связана с дру-

гим знаковым событием военно-политической истории Кабарды. Это масштабная феодальная война с участием практически всех черкесских владений, закончившаяся Кызбрунским сражением, в котором по преданию и погиб Талостан Жанхотов [Ногмов 1994: 104–105; Кожев 2011: 23–28]. В самых общих чертах, политическая коллизия состояла в конфликте между Идаром Иармасовым, представителем старшей линии кабардинских Иналидов, после смерти отца воспитывавшимся в Западной Черкесии, и Жанхотовыми – фактически правившими в Кабарде. И те и другие имели своих сторонников среди Иналидов как в Кабарде, так и в других княжествах феодальной Черкесии. Конфликт, завершившийся масштабным сражением и поражением Жанхотовых можно датировать примерно одним десятилетием между 1530 и 1540 гг. (См. **Кызбрунское сражение...**) [Кожев 2011: 26].

Еще более предметно сузить хронологические рамки возможной датировки Бахчисарайского похода позволяет, как это ни странно звучит на первый взгляд, способ переправы черкесской конницы с Тамани в Крым. И предания, и поэтический текст свидетельствуют, что это был не традиционный, описанный Дж. Интериано зимний поход по льду замерзшего Керченского пролива, а переправа с использованием флота: *«И пцІэгъуэлэшхуэри кхъухъышхуэ пхашІэкІэ нътхузэрашэри»* («Его (т.е. предводителя Талостана Жанхотова – К.З.) белого коня большого на днище корабля большого взят») [Народные песни и инструментальные наигрыши ... Т. 3. Ч. 1. 1986: 53–54; КъэрдэнгъуцІ 2009: 273]. Необходимо отметить, что общий военный потенциал Крымского ханства многократно превосходил военный потенциал Кабарды. Например, крымские войска, вторгшиеся в черкесские земли в 1539 г., наряду с артиллерией и отрядом янычар, насчитывали 40 тыс. татарских всадников [Некрасов 1990: 104]. Различные уделы Кабарды, по источникам середины XVII в., могли выставить около 7–8 тыс. всадников, треть которых была профессиональными военными – уорками. Детальные оценки военных сил

основных уделов Кабарды (кроме Джиляхстанея) в середине XVII в., составляют 2055 дворян-уорков и примерно в два раза больше простой конницы – «черных людей». Если предположить, что военные силы Джиляхстанея, самого слабого кабардинского удела, были равны потенциалу Идарея, можно добавить к этому числу еще 300–350 уорков и 700 человек простой конницы. В итоге мы получим примерно 7200 человек. Учитывая, что на момент Бахчисарайского похода от Кабарды еще не отделился Бесленей, итоговая цифра может быть увеличена еще примерно на тысячу всадников [КРО. Т. 1. 1957: 384–387].

Эти данные, на наш взгляд, вполне репрезентативны и для более раннего периода. С такими силами даже зимнее вторжение в Крым, с гарантированной возможностью отступления по льду Керченского пролива, было предприятием крайне опасным с минимальными шансами на успех в столкновении со всей полевой крымской армией. Что же касается морской переправы через пролив между Таманью и Крымом, то в стратегическом плане это было просто самоубийственным решением. В случае малейшей неудачи отрезанные от материка на полуострове, надежно блокированном со стороны суши укреплениями Перекопа, черкесы оказались бы обречены на истребление. Кроме того, переправа на кораблях 7–8 тыс. всадников даже через относительно узкий Керченский пролив (в настоящее время от 4,5 до 15 км) была за пределами логистических возможностей феодальной по духу военной культуры Черкесии. Она требовала совершенно другого уровня военной организации. Если усреднить дальность переправы до 10 км, с учетом обратного пути, времени на погрузку и разгрузку, относительно низкой скорости и грузоподъемности традиционного для черкесов гребного флота, опасностей ночного плавания и т.д. такая переправа, даже при наличии большого числа гребных судов у таманских и других причерноморских черкесов, растянулась бы на недели, создавая прямую угрозу всему войску, лишенному мобильности и разделен-

ному морским проливом. Должны были сложиться исключительные условия, чтобы предводитель конного войска решился на подобную морскую переправу. И такие условия сложились именно в первые годы правления Сахиб-Гирея.

Фактически с первых же дней своего правления Сахиб-Гирей столкнулся со скрытым противодействием племянника Ислам-Гирея, который был назначен калгой (вторым после хана сановником в Крыму) и получил в свое непосредственное управление Перекоп и Очаков. Недовольный смещением с ханского престола Ислам-Гирей уже летом 1534 г. открыто выступил против действующего хана и попытался выбить его из столицы. Потерпев поражение, он отступил в Перекоп и, тем не менее, провозгласил себя ханом [Гайворонский. Т. 1. 2007: 194–196.]. Судя по тому, что ему удалось удерживаться там до лета 1537 г., у него была серьезная поддержка среди крымской и ногайской знати [Гайворонский. Т. 1. 2007: 194–198]. Новый калга, назначенный Сахиб-Гиреем, Ахмед-Гирей (1535–1537) – племянник хана и сын Саадет-Гирея I (1524–1532), также вызвал подозрения в измене и был убит в 1537 г., а должность калги перешла к старшему сыну хана Эмин-Гирею. Только после этого летом 1537 г. Сахиб-Гирею удалось нейтрализовать своего взбунтовавшегося племянника и выбить его из Перекопа. В августе 1537 г. Ислам-Гирей, скрывавшийся в ногайских улусах, был выслежен и убит [Гайворонский. Т. 1. 2007: 196–199]. Именно в эти годы фактического междуцарствия и крайнего ослабления стабильности политической системы Крымского ханства могло произойти такое событие как Бахчисарайский поход. Несколько лет Крымское ханство не имело легитимного правительства, крымская знать перебежала из одного лагеря в другой, происходила открытая вооруженная борьба за ханский престол между сторонниками Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея, а османские власти предпочитали не вмешиваться в нее. Очевидно, после того, как эта ситуация перестала быть свежей новостью для соседей, такой амбициоз-

ный военный лидер как Талостан Жанхотов, войдя в соглашение с таманскими и другими прибрежными черкесами, а может быть и с врагами Сахиб-Гирея в Крыму, организовал неожиданный для противника весенне-летний поход с морской переправой через Керченский пролив относительно немногочисленной (до 2–3 тыс. всадников), но хорошо подготовленной уоркской кавалерии. Таких сил было вполне достаточно для быстрого наступления на Бахчисарай и военного грабежа резиденции непопулярного хана, а морская переправа войск в Крым и обратно на Тамань становилась посильной логистической задачей. Риск был оправданным. Военные силы Сахиб-Гирея без поддержки крымской и ногайской знати не могли быть значительны. Все северные ногайские улусы Крымского ханства надежно контролировал Ислам-Гирей, сидевший в Перекопе. Мы ничего не знаем о контактах Талостана Жанхотова с противниками Сахиб-Гирея, кровно заинтересованными в смерти или политическом унижении непопулярного хана. Но принимая во внимание тесные династические и политические связи крымской и черкесской элиты, нельзя исключить их полностью. Тогда становится понятен и объясним стратегический расчет Талостана Жанхотова. Иначе вторжение в самый центр крымских владений могло обернуться военной катастрофой. Османские силы в Крыму были относительно невелики. В начале XVI в. османский наместник Каффы располагал всего 500 всадников, из которых 200 были наемными черкесами [СРИО. Т. 41. 1884: 357]. Отсутствие в Крыму общепризнанного хана нейтрализовывало возможное участие даже этих скромных сил в отражении черкесского вторжения. Очевидно, так и произошло – османы предпочли ограничиться пассивной обороной собственных владений в Крыму. Если бы Сахиб-Гирей мог собрать хотя бы четверть обычной крымской полевой армии (т.е. около 10 тыс. всадников), у Талостана Жанхотова и его войск могли возникнуть серьезные затруднения. Но предводитель черкесского войска пра-

вильно рассчитал, что даже в этом случае, потерпев неудачу в Крыму, он сможет организованно отступить, так как Сахиб-Гирей, фактически изолированный в своей столице, не отважится на активное преследование, оставляя у себя в тылу мятежного Ислам-Гирея. Момент был выбран очень удачно, и мы можем оценить стратегический талант Талостана Жанхотова, который сумел трезво оценить ситуацию и использовать ее для дерзкой, но хладнокровно подготовленной, организованной и проведенной демонстрации военных возможностей Кабарды. Тем не менее, Бахчисарайский поход был связан с большими рисками, удачный исход был далеко не очевиден для его участников, о чем мы можем судить по некоторым косвенным намекам, содержащимся в поэтическом тексте:

«... И сэмыркъом шу хутыкъуахэри дишыжырт.

Его (т.е. Талостана Жанхотова – К.З.) шутки всадников, духом павших, поднимали» [Народные песни и инструментальные наигрыши... Т. 3. Ч. 1. 1986: 53–54].

Самым сложным в подготовке и организации Бахчисарайского похода, безусловно, была морская переправа через Керченский пролив. Наличие целого гребного флота у таманских и других прибрежных черкесских этносоциальных групп в первой половине XVI в. не подлежит сомнению. Но с ними нужно было договориться, мобилизовать ресурсы и оперативно использовать их. Примечательно, что устные предания и поэтический текст просто упоминают о факте морской переправы, как будто это обыденное событие в ряду других во время похода. При этом подробно описываются консультации Талостана Жанхотова со старейшинами, изобретение и изготовление сотни повозок, запряженных лошадьми для перевозки предполагавшейся добычи – тонких тканей, которыми был богат Крым. Собственно сам поход по фольклорной версии был организован для добычи в Крыму тонких тканей после жалобы кабардинских женщин на традиционные грубые сукна, которые они вынуждены изготавливать и в кото-

рые вынуждены одеваться [КъэрдэнгъушI 2009: 270–273]. Конская упряжка не использовалась черкесами и в целом народами Кавказа вплоть до второй половины XIX в. и появления в регионе удобных шоссейных дорог, в первую очередь, из-за особенностей горного ландшафта. Однако само это техническое «новшество» было известно на Кавказе как минимум с эпохи бронзы. В устном предании о Бахчисарайском походе, на наш взгляд, весьма любопытный случай аберрации фольклорного сознания и исторической памяти, когда по-настоящему сложная логистическая проблема организации морской переправы большого конного войска подменена курьезной проблемой обеспечения быстрой перевозки добычи, которую еще надо было взять с бою. Сохранилась лишь своеобразная «транспортная» семантика фольклорного текста в части, касающейся подготовки и организации Бахчисарайского похода.

Таким образом, учитывая исторический контекст, опасности осенне-зимней навигации на Черном море, мы можем с большой долей вероятности датировать Бахчисарайский поход весной-летом 1535 или 1536 гг., когда Сахиб-Гирей находился в крайне стесненных обстоятельствах. Уникальность внутривосточной ситуации в Крыму на протяжении 1535/1536 гг., и то, что она могла радикально измениться в любой момент, также объясняют такой нетрадиционный способ организации Бахчисарайского похода, как морская переправа. Возможно, Талостан Жанхотов решил использовать ситуацию и принять организационные риски, связанные с использованием флота в качестве транспортного средства, а не ожидать восемь-десять месяцев установления надежной ледовой переправы с Тамани в Крым в условиях, когда ситуация междуцарствия в Крыму могла неожиданно закончиться победой одного из претендентов. Уже в период консолидации Сахиб-Гиреем властных полномочий и военных сил накануне победы над Ислам-Гиреем в 1537 г. даже теоретически массовое вторжение черкесской конницы в Крым с использованием морской

переправы через Керченский пролив стало невозможно. А с весны-лета 1539 г. начинается череда крупномасштабных походов в Черкесию самого Сахиб-Гирея, причем официальным поводом для первого из них послужило нападение черкесских отрядов на османские крепости Таманского полуострова [Некрасов 1990: 104]. Сахиб-Гирей во главе крупных соединений (до 40 тыс.) татарской конницы, подкрепленных отрядами янычар и артиллерией, вторгнулся в Черкесию еще несколько раз – весной и осенью 1545 г., в 1546 г. и последний раз – перед его отставкой и убийством – в 1551 г. [Некрасов 1990: 104, 109–111]. Возможно, одной из причин того упорства, с которым Сахиб-Гирей добивался покорности от черкесских княжеств, являлась психологическая травма, полученная им в осажденной столице. Черкесы во главе с Талостаном Жанхотовым сражались с крымцами в предместьях ханской резиденции. Поэтический текст песни о Бахчисарайском походе содержит ясные намеки на военный грабеж, даже мародерство, и оскорбление татарских святынь:

«И пщцэгъуэлэшхуэри кхъухышхуэ пхащцэкIэ
къытхузэрашэри,

И хъэрзынашэмэ къуэбыдэ шытхри неубэри.

... Бэхъшысэрей гушэри къуэпиблти,

Мы гъушцI пщэхъуиблыр хъаныжь гъумым пщцэхэвдзэ.

Хъаныжьмэ ипхъутэкъэ Кустэхъан дахэри,

Щауэ хэплъыхъти дышцэ тахътэм и щхъэм щогъуэг.

Пщцэгъуалэжьыдзэри хы тIуащцIэми ныдошэсыкIри.

– Зы сэбэп къыхэмык Iынуми, мэжджыт хужьыжьым са-
фIекIуэлIэнцI! – жиIащ Андемыркъан.

Его белого коня большого на днище корабля большого
возят,

Его добро (т.е. добычу – К.З.) везущие непроходимого ущелья края утаптывают.

...Бахчисарай о семи углах был,
Эти семь [железных] ошейников недоброму хану толстому на шею накиньте!

Недоброго хана дочь Кустахан-красавица,
В женихах разборчивая, на золотой тахте рыдает.

На белых конях могучее войско из Междуморья¹ выступает.

– Пусть пользы не будет, но к белой мечети большой пробьюсь! – сказал Андемиркан» [Народные песни и инструментальные наигрыши... Т. 3. Ч. 1. 1986: 54].

Черкесские исторические предания сохранили память об этом событии, не нашедшем отражения в официальных крымских хрониках. Возможно, дальнейшие исследования с привлечением османских архивов позволят внести корректировку в предложенную нами датировку и интерпретацию Бахчисарайского похода.

¹ Междуморье (Хы тӀыуащӀэ) – метонимическое обозначение Кабарды.

КЫЗБУРУНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (КЫЗБРУН ЗАУЭ) ПО ЧЕРКЕСКИМ ПРЕДАНИЯМ В ИЗЛОЖЕНИИ Ш.Б. НОГМОВА

Одной из основных проблем в изучении ранней политической истории феодальной Черкесии является скудость источниковедческой базы. Османские архивы плохо изучены, русские архивные источники дают содержательные материалы по политической истории Черкесии лишь с середины XVI в. Весь ранний период политогенеза позднесредневековой державы Инала и его ближайших наследников мы можем реконструировать опираясь почти исключительно на генеалогические росписи Иналидов, составленные уже в XVII–XVIII вв., и исторические предания черкесов. Первый историографический опыт подобного рода принадлежит перу Ш.Б. Ногмова. Его «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев», конечно же, не лишена недостатков. Этот труд появился в эпоху, когда академическая историография только начала формироваться. «История» Ш.Б. Ногмова полна противоречий и анахронизмов. Опираясь на весь комплекс исторических знаний, накопленных современным кавказоведением, мы отчетливо осознаем эти недостатки, противоречия, фактические ошибки автора [Кожев 2011]. Тем не менее, детальное изучение «Истории адыгейского народа», как ценного источника исторических преданий черкесов, записанных автором в первые десятилетия XIX в., на наш взгляд, не потеряло актуальности и по сей день. Особенно это касается сюжетов из политической истории Кабарды и всей Княжеской Черкесии первой пол. XVI в. – эпохи непосредственно предшествовавшей установлению интенсивных дипломатических, политических, военных связей с русским государством, нашедших адекватное отражение в синхронных летописных и дипломатических письменных источниках Московского царства. Это позволяет полнее раскрыть эвристический потенциал черкесских исторических преда-

ний, коррелируя их с данными архивных источников, в первую очередь, русских.

Одним из таких сюжетов является история первого крупного междоусобия князей Иналидов, завершившегося сражением у «...Кызбуруна, на правой стороне реки Баксана», как пишет Ш.Б. Ногмов в своем труде [Ногмов 1994: 104]. Главным героем этого события выступает князь Идар, родоначальник широко известного по русским источникам XVI–XVII вв. княжеского дома Идаровых, к которому принадлежали пщышхуэ – великий князь Кабарды и тесть Ивана IV Грозного (1533–1584) Кемиргоко Идаров и его дочь Гуашаней, в крещении Мария Темрюковна Черкасская, а также многие другие политические деятели, как Черкесии, так и Московского царства [КРО. Т. 1. 1957: 5, 9–10, 384]. Глава, посвященная князю Идару – «Повесть о князе Идаре и уничтожении Тмутараканского княжества (не дошедшая до русских бытописателей)», содержит баснословные сведения об его участии в войнах с Хазарским каганатом и Тмутараканским княжеством, делает Идара современником легендарного Редеди [Ногмов 1994: 101–102]. Это явный анахронизм и неубедительная попытка автора придать своему персонажу подчеркнуто выдающуюся роль в черкесской истории. Время жизни Идара мы можем уверенно датировать первой пол. XVI в., так как его сыновья хорошо известны как активные участники политической жизни Кабарды с 1557 г. [КРО. Т. 1. 1957: 5]. А Хазарский каганат и Тмутараканское княжество прекратили свое существование ещё в XI–XII вв. Ш.Б. Ногмов также не точен в генеалогических преданиях. Например, князя Идара он называет внуком Инала – родоначальника правящей династии почти всей феодальной Черкесии XV–XIX вв. Кроме того, Ш.Б. Ногмов неверно указывает имя отца Идара: «...Инал был женат три раза. От третьей жены у него осталось два сына Унармес и Кирлиш. Унармес оставил сына Тохтамышша, владевшего Кабардой. Кирлиш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к ро-

дичу своему Хамишеву. Будучи у него она родила сына, которого назвали Идаром» [Ногмов 1994: 101].

На самом деле, как мы можем судить по сохранившимся генеалогическим росписям Иналидов Кабарды, в первой пол. XVI в. в Восточной Черкесии правило уже второе и третье поколение Иналовичей. То есть Идар был не внуком, а уже правнуком Инала Светлого / Сиятельного [КРО. Т. 1. 1957: 38 3–384]. По данным черкесских преданий он, вероятно, действительно трижды был женат. Во всяком случае, Ш.Б. Ногмов в своем труде несколько раз повторяет эту информацию [Ногмов 1994: 96, 101]. После смерти Инала, созданное его усилиями государственное объединение было разделено на уделы многочисленными сыновьями. По классическому сценарию развития раннефеодальных государств держава Инала стала распадаться. «Должно полагать, – пишет Ш.Б. Ногмов – что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств, они разделились на три части: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду» [Ногмов 1994: 90]. Такое троичное деление – Хегак, как крайний запад, низовья Кубани; Кемиргой, как центр и великокняжеский домен; и Кабарда, как крайний восточный предел государства Иналидов, выглядит закономерной и объективно обусловленной естественно-географическими факторами формой освоения пространства Черкесии. Кроме того, деление державы Инала на три части совпадает с преданием о трех браках великого князя и, соответственно, о трех линиях сводных братьев от разных жён. По некоторым косвенным данным, мы можем судить, что старшей линией Иналидов были именно кемиргоевские князья. Из Кемиргоя, согласно черкесским преданиям, выделились княжеские дома Жанея и Хатукая, которые известны османско-крымским письменным источникам со второй трети XVI в. [Некрасов 1990: 104, 107, 110–111; Ногмов 1994: 96–97]. Однако Болотоковы – старший линидж кемиргоевских Иналидов, вплоть до XIX в. удержали в своем владении географический центр Княже-

ской Черкесии – бассейн р. Белой (в равнинной части современной Адыгеи) и сохранили репутацию «князей из князей» («*пщым я пщыж*») [Нэгумэ 1958: 114; Ногмов 1994: 97]. К сожалению, подробные генеалогические росписи Иналидов Западной Черкесии историческому кавказоведению неизвестны, изыскания в этом направлении – это дело будущего и задача кропотливого исследования. Генеалогические же росписи Иналидов Кабарды, благодаря инкорпорации некоторых из них в состав высшей аристократии Московского царства, известны примерно с 40-х годов XVII в. [КРО. Т. 1. 1957: 383–387]. Это ценный исторический источник, который позволяет скорректировать черкесские исторические предания в редакции Ш.Б. Ногмова. Неточности, допускаемые автором «Истории адыгейского народа» в определении генеалогического происхождения князя Идара вполне объяснимы. Линидж Идаровых в Кабарде прервался за несколько поколений до рождения Ш.Б. Ногмова [Налоева 2015: 13]. Отсутствие прямых потомков закономерно снижало возможности точного сохранения всех нюансов генеалогического предания о происхождении Идаровых.

Опираясь на известные генеалогические росписи «кабардинских и черкесских мурз и князей» мы можем уверенно утверждать, что первое поколение Иналидов в Кабарде состояло всего из двух человек – братьев Табулы (или Табулду) и Беслана, весьма вероятно, рожденных последней, младшей из трех жен Инала. У Табулы было четыре сына – Инармес, Жанхот, Минбулат, Кирклыш, а у Беслана – один сын Каноко. Князь Идар же был единственным сыном именно Инармеса – самого старшего из поколения внуков Инала в Кабарде [КРО. Т. 1. 1957: 383–384]. Судьба Идара, а также всего третьего поколения кабардинских Иналидов и является сюжетообразующей в предании о Кызбурунской битве (*Къызбрун зауэ*).

Итак, Идар родился уже после смерти отца, в доме своего деда по матери бжедугтского князя Ельжера Хамишева. Фактически он превратился в князя-изгоя, лишённого удела

в Кабарде. Эпизоды, связанные с юностью и легендарными подвигами Идара в войнах с Тмутараканью и Хазарией мы рассматривать не будем как явные анахронизмы. Однако оценка историческим преданием неординарности личности Идара, очевидно, имеет веские основания, иначе он не смог бы реализовать свои права старшего среди кабардинских Иналидов и вернуть полноценный княжеский статус: «За его хороший характер и отличные способности дед его Хамишев Бжедугский, князь Эльжеруко и весь адыгейский народ, несмотря на юные его лета, страстно его любили и питали к нему особенное уважение. *Все находили в нем по приветливости и добродетелям великое сходство с князем Иналом* (разрядка наша – К.З.)» [Ногмов 1994: 101]. Сравнение с практически обожествленным предком – Иналом Светлым / Сиятельным, весьма характерно и косвенным образом подтверждает неординарность князя Идара в глазах современников и его выдающиеся личные качества. Тем не менее, несмотря на поддержку со стороны бжедугов, родственников с материнской стороны, уважение к его происхождению и личным достоинствам со стороны других черкесов, Идар решается заявить о своих правах только через два года после того, как в Кабарде начинается междоусобная распря. На наш взгляд, это могло произойти только после смерти Беслана Жанхотова – знаменитого Беслана Тучного (*Беслэн Тучанццэ*), который в предании о Кызбурунском сражении уже не упоминается, в отличие от его младшего брата Талостана [Ногмов 1994: 104]. Из Кабарды изгнали семью Тохтамышша Кирклышева, родоначальника фамилии Тохтамышшевых, которые, единственные из Иналидов, в последующем постепенно утратят полноценный княжеский статус [Налоева 2015: 1]. В целом, Ш.Б. Ногмов верно передает суть конфликта, как столкновение двоюродных братьев за высшую политическую власть в Кабарде: «Каждый из них хотел властвовать один над кабардинским народом» [Ногмов 1994: 103].

Идар, находившийся в Бжедугии, на правах старшего формально выступил как миротворец и защитник прав

изгнанного из Кабарды Тохтамыша. Таким его изображают черкесские предания в редакции Ш.Б.Ногмова. Однако претензии на отцовское наследство, очевидно, были основным мотивом активного вмешательства князя Идара во внутривосточную распря в Кабарде. Старшинство Идара Инармасова среди других Иналидов Кабарды Ш.Б. Ногмову неизвестно, но в уста его послов к кабардинским князьям автор «Истории адыгейского народа» вкладывает следующие предложения: «Князь Идар желает примирить враждующих князей, чтобы они впредь жили дружелюбно и спокойно. Сверх того, *он желает справедливого раздела кабардинского народа и требует себе и своим родным одну часть* (курсив наш – К.З.)» [Ногмов 1994: 104].

Свои предложения Идар Инармасов выдвинул, опираясь на широкую коалицию союзников и родственников со стороны матери. По преданию для похода в Кабарду он собрал «...из кахов (т.е. *кахаэ* – досл. «низовых» черкесов – К.З.) или чапсогов, хегаков, бжедухов, махошев и прочих закубанских племен многочисленное войско» [Ногмов 1994: 103]. Под шапсугами в этом перечне западночеркесских или *кяхских* субэтносом, на наш взгляд, следует подразумевать жанеевцев, чьи земли и демографический потенциал шапсуги унаследовали в XVIII в. В XVI–XVII вв. шапсуги среди черкесских субэтносом неизвестны синхронным письменным источникам даже по имени [Волкова 1974: 17–21]. В войске Идара конкретно не упомянуты контингенты кемиргоевцев и хатукаевцев, хотя их участие в столь представительном ополчении более чем вероятно. Для того, чтобы сложилась такая широкая коалиция *кяхских* князей одних родственных связей с бжедугским владетельным родом Хашишевых было недостаточно, тем более, что они даже не были Иналидами [Султан Хан-Гирей 2009: 157–163]. Бжедугский контингент в армии Идара был далеко не основным. Историко-героическая песня о Кызбурунском сражении особо подчеркивает как военную доблесть, так и малочисленность бжедугской конницы [Ног-

ма 1956: 59]. Следовательно, основные силы армии Идара Инармасова состояли из контингентов *кяхских* Иналидов. А для этого в их среде должен был сложиться консенсус по поводу легитимности феодальных прав князя Идара Инармасова на наследственный отцовский удел в Кабарде. Кроме того, была необходима прямая санкция со стороны самых влиятельных княжеских семей, в-первую очередь, кемиргоевских Болотоковых, которых статус *пцым я пцыж* («князя из князей») обязывал быть главными защитниками наследственного права в рамках разросшегося рода Иналидов. Войско Идара Инармасова оказалось настолько значительным, что кабардинские князья, не решаясь на открытое полевое сражение и готовясь к обороне, «...послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз» и собрали около 3 тыс. абазинской пехоты [Ногмов 1994: 104]. Генеральное сражение между противоборствующими сторонами произошло на правом берегу р. Баксан у горы Кызбурун: «Тут кабардинцы, соединив свои войска, сразились с войсками Идара. Кровопролитие было ужасное, жители, покрытые пеплом, и весь народ во время сражения производили страшный крик и вопль, проливая ручьями слезы. Предание говорит, что на этом месте погибло с обеих сторон неисчислимое множество людей» [Ногмов 1994: 104]. Описанию самого сражения посвящена историко-героическая песня «Къызбрун зауэ». В «Истории адыгейского народа» содержится авторский перевод этой песни [Ногмов 1994: 105–107]. Аутентичный текст на черкесском языке, подстрочный и поэтический переводы Г.Ф. Турчанинова изданы в первом томе «Филологических трудов» Ш.Б. Ногма [Ногма 1956: 57–63]. С небольшими отличиями от оригинала, адаптированный к нормам современного литературного кабардино-черкесского языка, текст песни «Къызбрун зауэ» содержится также в варианте «Истории адыгейского народа», изданном на черкесском языке в переводе З.П. Кардангушева [Нэгумэ 1958: 124–125]. Вот аутентичный текст песни в оригинальной редак-

ции, с сохранением особенностей кабардинского диалекта черкесского языка первой половины XIX в. и литературный перевод Г.Ф. Турчанинова.

*Ды Къызбурунмэ лъыпсые бзагэхэр даушэ!
Ды нарт шухэр IумпIэкIэ къызэрыдош.
ХъымыщкIэ Елжэры лъыхъ[y]
Айдар у[ы] къаны сэхъ[y]щ,*

*Пици сэхъур Елжэрыкъуэпиц, жанитIымэ укъыродалъэ,
Лъахъуэдыгъ[y] пчIэгъуэлащхъуэр къалэбжэм
къэщэубгъунж,
Къанокъуэмэ и таджыр зауэгъуэмэ къахалыдыкI,
Пхъуэбгъу бырухэр зэбгъузэнатIэ
Багъырсокъуэ Алтаймэ и натIэр шэкIэр[э] итхъуиц.*

*ХъымыщкIэ Елжэры лъыхъ[y]
Айдар у[ы] къаны сэхъ[y]щ,
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэпиц, бырумэ унелъэ-къелъэ
КIэсэбихэ я Акъсакъалмэ и джатэпэ къытх[y]эйгэжэн
И майдэ къыгъэжэнамкIи къалэбжэ[mэ]
къыхуипчIыкIиц;
Кургокъуэхэ ЖэнджэриифIыри ды дзэ зэшэнымэ
хэмыкI,*

*ХъымыщкIэ Елжэры лъыхъ[y],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[y],
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэпиц, икIыгуэмэ зэ[къы]
щэубгъунж,
ПицыцIыкIу и къуитIумэ я жъакIэ Iэ къытхудалъэ:
«ГатэIэмэкIэ лъыпсхэр догъэгъуиц».
БагъырсокъуитIмэ брумэ зыщагъэбыддэц:
«Псогуэры ды Iэрыубыдиц» – жаIэрий я гатэпIэр
зыралъхъэж.*

*ХъымыщкIэ Елжэры лъыхъ[y],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[y],*

*Пцы сэхьур Елжэрыкьуэпц, бжырыбжыйхэр
зиуннэма[х]уэ.*

*Мы Багьырсэ ета мафI[э]уэ зэдычIагьанэ,
Дигулибгьуэй жылэхэр губгьуэ дзэкумэ цокьугьхэр,
Си Хуэшые кьыдэкIи лъэсхэмэ я цэнэкьхэр ялыгьыжхэц.
Шыпшмэ и тэгялыер зэрыхэульагьуэ,
Дзэпиблмэ я гухэр гатэтэкIэ нызадарелъ.*

*ХьымыщкIэ Елжэры лIыхь[у],
Айдар у[ы] кьаны сэхь[у]щ,
Пцы сэхьур Елжэрыкьуэпц, зауэтэмэ умылIыгьэни[э]т.
Бжэдыгьу шухэр мацIэти, емынэ нэфт,
Кьанокьуэ нэфмэ и жылэр рилъэфэкIуэжи,
Бзылхугьмэ и кьабзэхэмэ чIакIуэхэр задияшатырхэц,
Дохьшокьуэмэ и тэгялыер кьуэраишхэмэ кьейгьэлажьэ,
Кьанокьуэхэ кьуэрылху шухэр Кургьокьуэхэ*

ятрагьажэ,

*Бжэдыгьу шухэмэ хакIуэжыхэр мафI[э]кIэ ягьэблаш,
[А]базэ лъэсхэмэ лыгьэгьуэхэр чIыбкIэрэ зырахьэ,
[Айдар] и дыщэ мэлур цэуэфкIэрэ арегьэкьутэ,
Идар пц[ы]мэ, хахуэжьыгьэр ШыпщыкIэрэ Сэмэгу [е]йщ.*

*Реки кровавые льются у нас в Кызбуруне,
Всадники наши коней под уздцы словно нарты выводят.
Мужеством, славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.*

*Саблей двуострой грозишься ты князь Ельжеруко,
Конь тляходугский у врат крепостных опрокинут,
Всех затемняя, сверкает в сражении шлем у Каноко,
А у досчатой ограды четырехугольной
Лоб Багирсоко Алтая стрела мимолетом задела.*

*Мужеством славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Ельжеруко – герой.*

*Князь Ельжеруко, ты прыгаешь взад и вперед над
оградой,*

Саблю свою Аксакаль Касабий против нас заостряет,
Дверь крепостную своим бердышем отрубает,
А Жангери наш Кургоко всегда и везде среди войска.

Мужеством, славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Ельжеруко – герой.
На переправе твой конь опрокинулся, князь Ельжеруко,
Пшицника двое сынов в удовольствии бороды гладят,
Кровь на руках рукояткою сабельной сушат,
А Багирсоковы братья у самой стены укрепившись,
«Мы победим», – говоря, свои сабли в ножны опустили.

Мужеством, славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Ельжеруко – герой.
Князь Ельжеруко, копыя острие твоя радость и счастье,
Бурей пожара охвачен аул Багирсоков,
На поле люд Дигулебгский среди войска рыдает,
А из Хошея что вышли мои – их оружие вилы.
Шипшев мундир среди других выделяется всюду.
Сабель клинками сердца семи войск вырезают.

Мужеством, славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Ельжеруко – герой.
Князь Ельжеруко, среди сильных ты воин первейший,
Всадников мало бжедугских хотя, но неистово смелы,
Люд свой отвел одноглазый Каноко в селенья,
Стали палатками бурки для женщин прекрасных,
Поистрепал тегелей свой Докшоко, ныряя в бурьяне,
Всадники внуки Каноко коней обгоняет Кургоко,
Под верховыми бжедугскими лошади пламенем пышут,
Не расстаются с копченой грудинкой в бою абазины,
Молнией будто расколотый щит золотой у Идара,
Шипшев Самог ты не князь, но смелее Идара [Ногма
1956: 57–63].

Литературный перевод Г.Ф. Турчанинова не всегда точно передает нюансы смысла, но выгодно отличается от того русскоязычного варианта, который содержится в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова. Текст песни весьма информативен. Имена Ельжера Хамишева, а также его внука и воспитанника (*къан сэхьу(а)* – досл. «воспитанник преотважный/мужественный») Идара Инармасова повторяются в песне как постоянный рефрен. Вряд ли дед князя Идара, в силу преклонного возраста, принимал непосредственное участие в походе и генеральном сражении. По нашему мнению, еще один центральный персонаж песенного текста – «князь Ельжеруко – герой» (Ельжеруко досл. значит «сын Ельжера») не кто иной, как сын владетельного князя Хамышейской Бжедугии, родной дядя Идара Инармасова с материнской стороны. Кроме политических и военных лидеров коалиции княжеских князей в песне упоминаются наиболее отличившиеся воины – Багирсоко Альтай, братья Багирсоковы, Касабий Аксакал, Жангери Кургоко, братья Пшицук, Шипш Самог. Возможно это самое раннее упоминание в исторических преданиях фамилий известных черкесских аристократов XVII–XIX вв., в том числе представителей отрасли бжедугского владетельного дома – мохошевских князей Богорсоковых [Султан Хан-Гирей 2009: 148]. Песня о Къызбрун зауэ особо выделяет бжедугов – *Бжэдыгьу шухэр мацIэти, емынэ нэфт* (досл. «Немногочисленные бжедугские всадники (подобны) слепой чуме»). Вплоть до XIX в. немногочисленность, как и характерная свирепость в бою, будут отличительными маркерами этого относительно небольшого черкесского субэтноса. Авторы песни не оставляют без внимания и тех, кто прячется от битвы – *Дохьшокьуэмэ и тэгэлыер къуэрашхьэмэ къейгъэлажьэ* (досл. «Тегелей (т.е. стеганный доспех) Докшоко истрепал(ся) бурьяном»).

По тексту историко-героической песни Къызбрун зауэ мы можем судить о некоторых деталях битвы. Судя по упоминаниям о «вратах крепостных», «досчатой ограде четырехугольной», противники Идара Инармасова сделали опорой

своей оборонительной позиции некие полевые укрепления, или один из княжеских замков – *пицыкІэу*. Со стороны обороняющихся в сражении приняли участие массы плохо вооруженных крестьян («их оружие вилы»), но в целом, песня характеризует простолюдинов как страдательных участников событий («на поле люд... средь войска рыдает»). Примечательно, что авторы песни, как апологеты феодальной рыцарской этики, намеренно принижают статус абазинской пехоты, которая была вынуждена на себе переносить походную пищу-*гъуэмьлэ* – [А]базэ лъэсхэмэ лыгъэгъуэхэр чІыбкІэрэ зырахъэ (досл. «Абазы пешие на спинах (своих) сушеное мясо носят»).

Судя по описанию Ш.Б. Ногмова, основанному на народных преданиях, Къызбрун зауэ ярко запечатлелась в сознании кабардинцев как грандиозная битва («ужасное побоище»), в которой приняли участие войска практически всей Княжеской Черкесии от Хегака до Кабарды. Численность противоборствующих войск точно определить невозможно, но по репрезентативным данным середины XVII в., оценивающим мобилизационные ресурсы всех княжеских владений Черкесии в 64 тыс., учитывая, что в дальний поход Идар Инармасов мог взять с собой только отборное конное войско, речь может идти, по меньшей мере, о 10–12 тыс. человек с каждой стороны [Эвяя Челеби 1979: 56, 63, 64, 73, 75, 78, 86, 97]. В битве погибло пять князей, и в их числе Талостан Жанхотов – лидер самой могущественной патронимии Иналидов Кабарды, Тохтамыш Кирклышев и его сын Калиш [Ногмов 1994: 104]. Гибель лидеров линиджа Кирклышевых имела фатальные последствия для всего будущего рода Тохтамышевых. В родословной «кабардинских князей и мурз» А.М. Пушкина Кирклыш даже не упоминается среди детей Табулы («Табуду-мурзы»). В родословной же книге, А.И. Лобанова-Ростовского, которая содержит самую подробную роспись Иналидов Кабарды (Идаровых, Жанхотовых, Минбулатовых), Кирклыш упомянут, но о его потомках нет ни

одного слова [КРО. Т. 1. 1957: 383–387]. Для последних Къызбрун зауэ стала «пирровой победой», от которой они так и не смогли оправиться. Потомки Тохтамышша не только оказались исключены из числа претендентов на титул *пщышхуэ*, как Минбулатовы /Джилыхстановы. К XVIII в. Тохтамышевы утратили полноценный княжеский статус и в 1744 г. упоминаются уже как вассалы князей Хатокшоко (Атажукиных) [Налоева 2015: 1, 14].

Реальный победитель в Къызбрун зауэ – Идар Инармасов, получил право поселиться в Кабарде где ему угодно, «...кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем ему повиноваться» [Ногмов 1994: 105]. Идар переселился в Кабарду, которой и правил некоторое время в качестве *пщышхуэ* – великого князя, «...собственная его часть (бассейн Черека – К.З.) называлась Идарией» [Ногмов 1994: 105]. Еще одним последствием Къызбрун зауэ стало выделение владений Каноко Бесланова – *Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рилъэфжгуэжц* (досл. «Каноко косою свое общество /племя отволок») [Ногма 1956: 59, 63]. С 200 семей он переселился за Кубань в долину Урупа [Ногмов 1994: 106]. Очевидно, речь идёт о 200 уоркских семей с подвластным населением. Так началось отделение от кабардинского этнического массива и постепенная кристаллизация субэтнической группы бесленевцев.

Датировка Кызбурунской битвы укладывается в очень узкие рамочные ограничения. Старший сын Идара – Кемиргоко, с 1557 г. известен русским источникам в качестве *пщышхуэ* Кабарды, следовательно, его отец мог претендовать на этот титул примерно на двадцать лет раньше него [КРО. Т. 1. 1957: 5]. У нас есть еще один важный маркер в определении датировки Къызбрун зауэ – это гибель Талостана Жанхотова, которому черкесские исторические предания приписывают организацию успешного похода на Бахчисарай [Къэрдэнгъушц 2009: 273–280; Народные песни и наигрыши... Т. 3. Ч. 1. 1986: 51–54]. Последний мог состояться, по нашему мнению, только весной-летом

1535 либо 1536 г. (См. **Бахчисарайский поход**). Учитывая, что по данным Ш.Б. Ногмова, Идар Инармасов вмешался в кабардинские междоусобия лишь через два года после их начала, складывается очень плотная ткань событий. В 1535/1536 гг. успешный поход на Бахчисарай, возможно, на фоне громких побед рост политических амбиций Талостана Жанхотова и изгнание семьи Тохтамыша Кирклышева из Кабарды, а в 1537/1538 гг. выступление Идара Инармасова и общечеркесская междоусобная война, завершившаяся Кызбурунской битвой. Уже в 1539 г. в Черкесию совершает свой первый крупномасштабный поход крымский хан Сахиб-Гирей (1532–1550). Период относительного затишья в крымско-черкесских отношениях, наступивший после смерти Мухаммед-Гирея I (1515–1523), заканчивается, и начинается период жесткого противостояния Княжеской Черкесии крымской агрессии [Некрасов 1990: 104–111]. В новых условиях возникновение широкой коалиции *кяхских* владетелей с целью возвращения популярному князю-изгою наследственных владений в Кабарде стало бы непозволительной роскошью.

КЕМИРГОКО ИДАРОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

Одной из наиболее известных исторических личностей Кабарды, несомненно, является Кемиргоко Идаров – *пщышхуэ* (великий князь) Кабарды (вторая половина 50-х гг. XVI в. – 1570 г.), тесть Ивана IV Грозного (1547–1584). Благодаря усилиям отечественных историографов, не всегда беспристрастных, инициатор первого кабардинского посольства в Москву (1557 г.) и отец русской царицы Марии (Гуашаней) Темрюковны Черкасской под именем Темрюка Идарова прочно вошел в сознание многих поколений адыгов как символ политической лояльности Кабарды России. Впервые в научный оборот имя знаменитого исторического деятеля Черкесии второй половины XVI в. ввел Н.М. Карамзин. В VIII томе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин в контексте первых дипломатических контактов черкесских владетелей с Русским государством упоминает Темрюка [Карамзин. Т. VIII. 1989: 139–140]. Но уже в IX томе в описании женитьбы Ивана IV на кабардинской княжне в 1561 г. будущий царский тесть, «один из знатнейших Черкесских владетелей», выводится под именем Темгрюк [Карамзин. Т. IX. 1989: 19]. Такие разночтения у уважаемого автора имеют объективные причины. Если обратиться к первоисточнику – русским летописям XVI в. и архивам, в которых зафиксирована история установления дипломатических контактов адыгов с Россией, можно обнаружить обе формы имени *пщышхуэ* Кабарды: Темрюк и Темгрюк. Первая форма этимологизируется достаточно просто – *темир* (тюрк, «железо»), *кьуэ* (адыг. «сын»). Однако в таком случае остается непонятным параллельное существование формы «Темгрюк», с совершенно немотивированной с точки зрения адыгского или тюркских языков фонемой «г». Причем вторая форма имени великого князя Кабарды встречается в первоисточниках значительно чаще ставшей общеупотребительной формы «Темрюк» [КРО. Т. 1. 1957: 5–30]. В ро-

дословных списках кабардинских князей, составленных в 40-х годах XVII в., также имеются разночтения. В варианте списка, принадлежавшего А.М. Пушкину, старшим сыном Идара назван Кермургука. В этом списке употребляется и форма Комургун, в которой угадывается искаженная переписчиками первооснова [КРО. Т. 1. 1957: 383]. Родословная книга из личного архива князя А.И. Лобанова-Ростовского дает другой вариант имени старшего Идаровича – Темрюк [КРО. Т. 1. 1957: 384].

Первый адыгский историограф Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» упоминает «сыновей князя Идара Кемиргоко и Темируко». Ш.Б. Ногмов описывает военные подвиги Кемиргоко и Темируко в войне с дагестанскими владетелями («хан уцмей»), поездку их в Москву (чего никогда не было) для заключения союза с Иваном IV и т.д. [Ногмов 1994: 116–123]. Затем, пишет автор, «со времени своего возвращения (из Москвы – З.К.) Идаровы жили в Кабарде. Кемиргоко в непродолжительном времени умер и по завещанию зарыт в землю на коне и в полном вооружении. Место, где погребено его тело, находится между реками Чегемом и Баксаном; над ним вместо памятника насыпан курган» [Ногмов 1994: 123]. Похоронив Кемиргоко Идарова – пщышхуэ Кабарды, Ш.Б. Ногмов сосредотачивает все свое внимание на Темрюке Идарове, якобы унаследовавшем титул и власть старшего брата. Дальнейшее повествование автора «Истории адыгейского народа» об отправке в Москву «на воспитание» сына и дочери, борьбе с крымским ханом Девлет-Гиреем, ранении в сражении с крымцами на р. Ахупс и т.д. находит подтверждение в российских архивах и летописях, касающихся взаимоотношений Кабарды и России в период правления старшего Идаровича.

Очевидно, что книжная образованность сыграла с Ш.Б. Ногмовым недобрую шутку. Он писал свой труд, опираясь на адыгский фольклор, но широко использовал доступные ему письменные источники. В том числе и «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Так, харак-

теристика Ш.Б. Ногмовым Темрюка Идарова почти буквально совпадает с классическим летописным описанием Святослава Игоревича, которое приводит Н.М. Карамзин в своем труде [Ногмов 1994: 121–122]. Несмотря на то, что род Идаровых в Кабарде в начале XVIII в. пресекся, адыгская фольклорная традиция сохранила имя старшего сына Идара в аутентичной форме – Кемиргоко (*КІэмыргукъуэ*, досл. «кемиргоевский сын»). Искажение адыгского имени и фиксация его в письменных источниках в форме Темрюк (Темрюк) вполне объяснима. В XVI–XVII вв. фактически вторым дипломатическим языком России был татарский. Непонятное и сложное в произношении имя кабардинского князя было просто адаптировано русско-татарской языковой средой. Точно так же в XVIII в. кемиргоевцы (*кІэмыргуей*) превратились в темиргоевцев русских и крымско-турецких источников. Ш.Б. Ногмов был адыгом, и у него не могло возникнуть проблем в понимании и интерпретации имени Кемиргоко. Но авторитет Н.М. Карамзина оказался столь весом для Ш.Б. Ногмова, что в целях примирения фольклорной и «академической» версий он из одного исторического деятеля создал двух, затем с честью похоронил одного из них, а все заслуги перед Отечеством, явные или мнимые, приписал «Темрюку Идарову». Вслед за Н.М. Карамзиным и Ш.Б. Ногмовым абсолютное большинство отечественных кавказоведов априори приняли форму имени Темрюк как единственно правильную [Броневский 1823: 80–81; История Кабардино-Балкарской ... Т. 1. 1967: 112–115; Дзамихов 2001: 86–93]. Однако для Р. Трахо, автора выпущенной им в эмиграции монографии «Черкесы», истинное имя старшего Идаровича не было секретом [Трахо 1992: 26–30]. Всякий, кто без предвзятости обратится к первоисточникам и проведет элементарный сравнительный анализ летописных и архивных текстов, без труда убедится в том, что адыгская фольклорная традиция, зафиксированная Ш.Б. Ногмовым, сохранила настоящее имя старшего Идаровича [Кожев 2006: 180]. Давно пора вер-

нуть его адыгскому историческому и общественному сознанию и забыть о «Темрюке Идарове» как об историографическом казусе. Именно Кемиргоко – старший сын Идара Инармасова, в 1557 г. отправил первое кабардинское посольство в Москву, а через четыре года выдал за Ивана IV свою младшую дочь.

Имя человека, а тем более исторического деятеля – не пустой звук. Оно может многое рассказать о его происхождении и той историко-культурной среде, в которой ему довелось выйти на политическую арену. В случае с Кемиргоко Идаровым это проявляется особенно ярко и значимо. Семья Идаровых, как и все кабардинские княжеские семьи, вела свое происхождение от Инала Нэху (Светлого / Сиятельного). Жизнь и деятельность Инала приходятся на конец XIV – первую пол. XV вв. Генеалогические предания адыгов, как известно, возводят Инала к легендарному Араб-хану. Достоверность предыстории династии Иналидов и ее гипотетические ближневосточные (Египет, «Вавилония») корни не являются предметом нашего исследования. Для нас важнее историческая достоверность самого Инала и основанной им княжеской династии, которая осуществляла верховную политическую власть в Черкесии на протяжении почти четырех столетий. Длительные и разносторонние контакты кабардинской княжеской элиты с Россией оставили большой корпус архивных данных – бесценный источник по истории Кабарды. К сожалению, история западночеркесских Иналидов почти неизвестна. Это связано не только с отсутствием подробных и достоверных письменных источников по истории кемиргоевских, хатукаевских, бесленеевских, жанеевских княжеских династий. Их гегемония в Западной Черкесии была ослаблена общественными и демографическими процессами уже в XVIII в. Катастрофа Кавказской войны и насильственного выселения адыгов в пределы Османской империи довершила падение княжеских династий Западной Черкесии. Многие из них совсем пресекались. Тем больший интерес представляет то немно-

гое, что мы можем извлечь из письменных источников и адыгского фольклора по ранней истории династии Иналидов в Черкесии.

Согласно Ш.Б. Ногмову, Инал «вступал три раза в брачный союз и оставил после себя пять сыновей: от первой жены Жайхота, от второй Минболата и Беслема; а от третьей – Унармеса и Кирмиша... Должно полагать, что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств, они разделились на три части: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду. От этих сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние кабардинские, кемиргоевские и бесленеевские князья» [Ногмов 1994: 96]. Родословные росписи «черкасских князей и мурз», составленные в XVII в., несколько иначе рисуют генеалогическое древо высшей адыгской аристократии. В них есть некоторые разночтения, но в главном они сходятся – из пятерых перечисленных Ш.Б. Ногмовым персоналий лишь Беслан прямой потомок Инала. А четверо – Инармас, Жанхот, Минболат, Кирклыш (в порядке старшинства) – внуки Инала от одного из его сыновей – Табулы или Табулду [КРО. Т. 1. 1957: 383–384]. Так что и Беслан, и четверо его племянников от старшего брата, перечисленные Ш.Б. Ногмовым как прямые наследники Инала – как раз та отрасль Иналидов, которые «ушли в Кабарду» и дали начало кабардинским, а позднее и бесленеевским княжеским династиям. Другие Иналовичи – родоначальники кемиргоевских, хатукаевских, хегакских и части жанеевских княжеских династий, к сожалению, неизвестны ни Ш.Б. Ногмову, ни российским родословным росписям.

Идаровы вели свое происхождение от старшего сына Табулы-мурзы – Инармаса. Ш.Б. Ногмов и в этом случае несколько путается в персоналиях и начинает свою «Повесть о князе Идаре и уничтожении Тамтаракайского княжества» следующим образом: «Предание сохранило нам занимательное повествование о внуке знаменитого Инала (на самом

деле – правнуке – З.К.), князе Идаре... Инал был женат три раза. От третьей жены у него осталось два сына: Унармес и Кирмыш, которые женились на адыхских княжнах. Унармес оставил сына Тохтамыша, владевшего Кабардой. Кирмыш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к родителю своему Хамишеву» [Ногмов 1994: 101]. Ш.Б. Ногмов допускает явный анахронизм, делая Идара современником событий, имевших место в XII в., а именно – ликвидации Тмутараканского княжества. Кроме того, отцом Идара он называет не Инармаса, а Кирмиша (Киркыша). Такая неточность в связи с генеалогией Идаровых вполне объяснима. Когда писалась «История адыгейского народа» (30–40-е гг. XIX в.), носителей родовых преданий Идаровых давно не было в живых, а сами они стали частью далекого прошлого Кабарды. Но продолжение «Повести о князе Идаре» Ш.Б. Ногмова гораздо интереснее в свете исследуемой темы и вполне адекватно историческим реалиям первой половины XVI в., известным по другим источникам. Согласно адыгским преданиям в передаче Ш.Б. Ногмова, Идар (по «Родословным росписям» – сын Инармаса, старшего сына Табулы) воспитывался в доме своего деда по матери – бжедугского князя Эльжера Хамишева. Уже будучи зрелым мужем, зарекомендовавшим себя в качестве удачливого военного и политического лидера, Идар вмешался в междоусобные распри кабардинских князей, каждый из которых «хотел властвовать один над кабардинским народом» [Ногмов 1994: 103].

Описываемые события относятся примерно ко второй четверти XVI в. Мы исходим из простого расчета. Старший сын Идара – Кемиргоко с 1557 г. известен русским летописям как пщышхуэ Кабарды, один из старейших кабардинских князей, имеющий взрослых детей (сыновья Мамстрюк, Доманук, Булгайрук, Солтанук; дочери Малхуруб, Алтынчач, Гушаней). Следовательно, Идар Инармасов был в расцвете лет, когда решил вмешаться в междоусобные распри кабардинских князей с надеждой восстано-

вить утраченные права на отцовское наследство примерно между 1530 и 1540 гг. В Кабарде в этот период, очевидно, власть делили двоюродные братья, потомки Жанхота, Минбулата, Киркльша, а также потомки Беслана – будущие родоначальники бесленеевских князей. Расстановка сил внутри Кабарды не вполне ясна и повествование Ш.Б. Ногмова годится лишь для определения общей канвы событий. Видимо, основными претендентами на верховную власть в Кабарде традиционно выступали Жанхотовы. Об этом можно судить по некоторым косвенным данным. Адыгский фольклор приписывает братьям Жанхотовым – Беслану Тучному (*ПцIанцIэ*) и Талостану целый ряд знаковых достижений в военно-политическом становлении Кабардинского княжества. Это кодификация обычного права, создание судебной системы, окончательное оформление сословной структуры кабардинского общества, удачные войны с соседями (взятие Астрахани в 1532 г., успешный поход в Крым, т. н. «Бэжъшысэрей зекIуэ», военная активность в Прикаспии и Северном Дагестане и т.д.) [Ногмов 1994: 125–127. Народные песни и инструментальные наигрыши ... Т. 3. Ч. 1. 1986: 51–54; Некрасов 1990: 125–127]. Минбулатовы и Киркльшевы уже с раннего периода истории Кабарды могут рассматриваться как явные аутсайдеры. Минбулатовы стали родоначальниками фамилии Джилыхстановых. За всю историю Кабарды ни один из них не был избран великим князем [КРО. Т. 1. 1957: 383–387]. Потомки Киркльша – Тохтамышевы со временем были даже лишены княжеского достоинства [Налоева 2015: 1]. «Родословная кабардинских мурз и князей» А.М. Пушкина даже не упоминает о Киркльше и его потомках. «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского известен только сам Киркльш [КРО. Т. 1. 1957: 383–384]. Беслановы, в первую очередь их лидер Каноко, предпочли отделиться от многочисленного потомства Табулы и основать свое владетельное княжество в восточном Закубанье, где уже с середины XVI в. источники упоминают Бесленей [КРО. Т. 1. 1957: 3, 5, 389–390]. Со-

гласно фольклорной версии событий, отделение Бесленея от Кабарды стало возможно именно в результате широкомасштабного военного конфликта, спровоцированного стремлением Идара Инармаса вернуть отцовское наследство. Судя по тому, что в этих событиях не упоминается Беслан Жанхотов, очевидно, политический кризис в Кабарде произошел уже после его смерти. Возможно, конфликт был связан с неурегулированностью вопроса избрания нового пщышхуэ и желанием Талостана Жанхотова – героя Бахчисарайского похода и самого харизматичного лидера среди кабардинских князей, узурпировать верховную власть вопреки обычному праву.

Черкесские предания называют Каноко Бесланова и Тохтамыша Кирклышева (Ш.Б. Ногмов ошибочно считает его сыном Инармаса) сторонниками Идара. Кроме того, Идара Инармаса поддерживали западноадыгские владельцы. Ш.Б. Ногмов пишет: «Идар собрал из кахов или чапсогов (шапсугов – З.К.), хегаков, бжедухов, махошев и прочих закубанских племен многочисленное войско и пошел в Кабарду с намерением усмирить враждующих князей и взять свою долю из наследства отца» [Ногмов 1994: 104]. Кемиргоевцы в составе этого объединенного войска Ш.Б. Ногмовым не упомянуты, но их участие в нем в числе «прочих закубанских племен» весьма вероятно. Крупномасштабный конфликт, в который оказались втянуты практически все княжеские владения Черкесии, завершился лишь после Кызбурунского сражения, сопровождавшегося «ужасным кровопролитием» [Ногмов 1994: 104]. В битве особенно постарались ради своего «племянника» бжедуги во главе с князем Эльжеруко и мохошевцы (часть бжедугов, оформившаяся позднее в самостоятельный субэтнос) во главе с князьями Богорсоковыми. Безымянный автор песни о Кызбурунском сражении обессмертил малочисленную дружину бжедугских всадников, «чья храбрость подобно невидимой чуме нагоняет ужас на души противников» («Бжъэдыгыу шухэр маццэти ямынэ нэфт»), и «косого Каноко»

(«Къанокъуэ нэф»), который «не желая войны удалился с многими кабардинцами» [Ногмов 1994: 106] (См. **Къызбурунское сражение...**). Весьма характерно, что междоусобица утасла, во всяком случае, на какое-то время, лишь с гибелью в Кызбурунском сражении двух претендентов на титул великого князя – Тохтамышша – союзника Идара Инармасова и Талостана Жанхотова – его основного соперника [Ногмов 1994: 104]. Это «ужасное побоище», как определяет его Ш.Б. Ногмов, опиравшийся на адыгский фольклор, кончилось миром на следующих условиях: «... Чтобы князь Идар поселился в Кабарде, где ему угодно. Кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем ему повиноваться; противящихся же его воле решено было казнить. По окончании переговоров и единогласного утверждения мирного трактата, войска разошлись по домам. Князь Идар прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась Идарией» [Ногмов 1994: 105].

Столь пространное цитирование Ш.Б. Ногмова, который далеко не безупречен в качестве исторического источника, применяется нами для того, чтобы ярче проиллюстрировать то впечатление, которое на долгие века оставили в исторической памяти кабардинцев события, связанные с водворением в Кабарде Идара Инармасова в качестве великого князя. Род Идаровых так и не смог преодолеть это негативное впечатление, связанное с их новоприобретенным статусом и политическими амбициями. Идар «прибыл в Кабарду» с семьей, то есть с взрослыми сыновьями. Во всяком случае, старший его сын – Кемиргоко – должен был быть уже вполне сформировавшимся юношей. Для Черкесии воспитание княжичей вдали от родной семьи было общим правилом. Матерью Идара Инармасова была бжедугская княжна из рода Хамишевых. Песня о Кызбурунском сражении именуется им, кроме того, воспитанником Эльжера Хамишева [Ногмов 1994: 105]. Кемиргоко Идаров, судя по имени, мог быть либо «племянником» (по матери),

либо воспитанником кемиргоевских князей. Впрочем, одно не исключает другого. Этнокультурная дистанция между западными и восточными черкесами была не настолько ощутима, чтобы помешать естественной ассимиляции Идаровых в кабардинской среде. Тем более, что они были Иналидами, которые рассматривали всю Черкессию, и даже более широко, весь Западный и Центральный Кавказ, как свое общее родовое владение. Иначе такая широкая коалиция западночеркесских владетелей в целях урегулирования междоусобной распри в отдельном адыгском княжестве была бы невозможна. Но метод водворения в Кабарде нового пщышхуэ во главе с многочисленным семейством, тесно связанным с бжедугской и кемиргоевской аристократией, на «чужих штыках» не мог добавить ему популярности. По одной из «Родословных» Идар даже погиб насильственной смертью: «А у Инармаса-мурзы дети: Идар-мурза да убит» [КРО. Т. 1. 1957: 383].

Со смертью Идара Инармасова соперничество его наследников с Жанхотовыми закономерно обострилось. Последние распались на две ветви, родоначальниками которых стали Кайтуко Бесланов и Тапсаруко (Тепсаруко) Талостанов. Кайтуко Бесланов, по-видимому, был избран пщышхуэ Кабарды после смерти Идара Инармасова. Устная традиция сохранила память о его правлении, но в русских источниках второй половины XVI в. он не упоминается. Зато его сыновья – Пшеапшоко и Асланбек Кайтукины – хорошо известны как активные конкуренты Кемиргоко Идарова в борьбе за власть и политическое влияние в Кабарде [КРО. Т. 1. 1957: 11, 13, 17, 21].

Семейство Идаровых было многочисленно. Идар имел возможность оценить горечь своего одиночества, ведь он был «вдовый сын», единственный наследник своего отца. У самого Идара (по родословному списку А.И. Лобанова-Ростовского) было пять сыновей [КРО. Т. 1. 1957: 384–385]. В Кабарду он попал зрелым мужем, достигшим возраста, позволяющего претендовать на старшинство среди бра-

тьев – князей Иналовичей. Значит, все Идаровы родились и выросли за пределами Кабарды. Следовательно, они имели прекрасные династические, аталыческие, личные связи в Западной Черкесии, но испытывали острый дефицит «психологической легитимности» в Кабарде. В первую очередь, среди политического класса княжества – **пши-уорков**, которые до поражения в Кызбурунском сражении не желали делиться властью с «вдовьим сыном» и его потомками. После смерти Идара, Кемиргоко, как новый глава Идаровых и Идарея, оказался в сложном положении. Крайняя напряженность отношений между Идаровыми и Жанхотовыми (Кайтукиными и Талостановыми) несомненна. Между этими фамилиями лежала неотомщенная кровь и непримиримые противоречия – претензии на верховную власть в Кабарде.

Вплоть до установления прочных кабардино-русских отношений и появления целого корпуса русских письменных источников о Черкесии, мы вынуждены опираться на фрагментарные данные и адыгский фольклор в анализе событий и оценке деятельности Идаровых в Кабарде. Она выглядит крайне неоднозначно. Во-первых, адыгский фольклор упоминает Идаровых – Кам(н)булата и Биту, как организаторов и активных участников предательского убийства Андемиркана – идеального рыцаря черкесского Средневековья. Место действия – слияние рр. Черек и Хеу, т.е. территория исторического Идарея, также явно свидетельствует против Идаровых и их лидера [Народные песни и инструментальные наигрыши... Т. 3. Ч. 1. 1986: 87–88]. Андемиркан – знаковая фигура черкесской истории. Идеальный рыцарь, князь-бастард (*пшы тумэ*), участник Бахчисарайского похода, взятия Астрахани (1532) и всех масштабных военно-политических событий 30–40-х гг. XVI в., **Андемиркан практически всегда упоминается вместе с Бесланом и Талостаном Жанхотовыми**, как их боевой соратник, а иногда антагонист, превосходящий мужеством и силой своих собратьев князей с «незапятнан-

ной» родословной. С его смертью заканчивается великая эпоха черкесской Реконкисты Центрального Предкавказья. Предательское убийство Андемиркана лежит несмываемым пятном на репутации Идаровых, в том числе и их лидера – Кемиргоко, хотя он не принимал в нем непосредственного участия. Во всяком случае, адыгский фольклор об этом не упоминает.

Еще раз в истории Кабарды первой половины XVI в. Идаровы упоминаются в связи с походом крымского хана Сахиб-Гирея (1532–1551). Согласно рассказу татарского хрониста Реммал-хаджи, в Крым приехал кабардинский князь Элбозду с просьбой об оказании помощи против своего двоюродного брата [Некрасов 1990: 107]. В описываемое время (1545 г.) среди кабардинских князей был только один Элбозду (Елбузду) – один из младших братьев Кемиргоко Идарова [КРО. Т. 1. 1957: 383]. Подробности внутривосточной борьбы в Кабарде, опираясь на данные татарского хрониста, выяснить невозможно. По приглашению Элбозду Идарова Сахиб-Гирей собрал 60–70 тыс. воинов и через Азов степями двинулся в Кабарду. В районе Пятигорья (на р. Малка) крымская армия последовательно разгромила кабардинцев и бжедугов, которые под охраной своих воинов собирали урожай. Любопытно упоминание «людей племени буждук» в этих событиях. Их ежегодные, судя по данным татарского хрониста, появления в Кабарде для посева и сбора урожая, возможно, были формой оплаты Идаровыми за слуг бжедугов в Кызбурунском сражении, а также способом прочно интегрировать в Кабардинское княжество хотя бы часть своих наиболее лояльных западночеркесских союзников. Тем более выглядит роль Элбозду Идарова в крымском походе 1545 г. По сообщению Реммал-хаджи, только его советы помогли Сахиб-Гирею избежать поражения и разгромить в упорном ночном сражении бжедугов [Некрасов 1990: 107–108]. Дальнейшая судьба Эльбозду Идарова не ясна. Он несколько раз мелькает в документах середины XVI в., но заметной роли в истории Кабарды не играет.

Старший из Идаровичей, напротив, становится с середины XVI в. знаковой фигурой в истории Кабарды и всей Черкесии. Это связано, во-первых, с переходом великого княжения в Кабарде к Кемиргоко Идарову (не позднее середины 50-х гг.), а во-вторых, с началом эпохи устойчивых русско-черкесских связей, в развитие которых он вложил так много сил. Московское направление черкесской внешней политики открыло первое посольство 1552 г. Инициаторами дипломатической активности, имевшей принципиальное для истории Черкесии последствие, были бесленеевский и абазинский владетели («Маашук-князь» Каноков и «князь Иван Езбуздуков») [КРО. Т. 1. 1957: 3–5]. Эту инициативу вскоре (в 1555 г.) поддержали жанеевские князья. Предметом переговоров, судя по данным русских летописей и общему историческому контексту, были условия заключения широкомасштабного русско-черкесского альянса, направленного против экспансии в Северном Причерноморье и на юге России Османской империи и Крымского ханства [КРО. Т. 1. 1957: 3–5]. Отечественная историография традиционно рассматривала кабардинское посольство 1557 г. как одно из звеньев дипломатической активности черкесских владетелей на Московском направлении. Однако, цепь событий, последовавших после первого адыгского посольства, ясно свидетельствует, что в основе дипломатической активности западчеркесских и кабардинских правителей были совершенно различные по целям и задачам политические стратегии. Период сближения Жанея и Бесленея с Москвой оказался кратковременным. Жанеевские и бесленеевские князья – Кансауковы и Каноковы – искали сильных союзников для борьбы против Османской империи и Крымского ханства. Россия оказалась не заинтересована в активной наступательной политике на южном направлении. После присоединения Астраханского ханства в 1556 г. и практически синхронного разорения западными черкесами Темрюка и Тамани – турецких крепостей в устье Кубани, правительство Ивана IV перешло к обороне, а его на-

ступательная активность оказалась переориентирована на Запад – в 1558 г. началась многолетняя Ливонская война (1558–1583) [КРО. Т. 1. 1957: 4]. Бесперспективность русско-черкесского политического союза, как средства активного противодействия османско-крымскому военному давлению, стала очевидна для западноадыгских владетелей. Они были вынуждены в целях нормализации отношений со своими могущественными и агрессивными соседями признать номинальную зависимость от Крымского ханства [Кожев 2006: 181].

Пщышхуэ Кабарды Кемиргоко Идаров реализовывал совершенно другую стратегию. Военное давление со стороны Крымского ханства и Османской империи ощущалось в Кабарде не столь остро как в княжествах Западной Черкесии. Во всяком случае, Кемиргоко Идаров обратился к Ивану IV с просьбой о помощи против Шамхальства Кази-Кумухского – сильного государственного образования Северо-Восточного Каказа, объединявшего значительную часть Приморского и Нагорного Дагестана. Османско-крымская угроза, как и средства противодействия ей, судя по русским источникам, даже не обсуждались [КРО. Т. 1. 1957: 5]. Обращает на себя внимание и форма организации первого кабардинского посольства прибывшего в Москву в июле 1557 г. Его возглавил «Канкльч (Кавкльч) Кануков», т.е. один из бесленеевских владетелей Каноковых, которые первыми проложили дорогу в столицу русского государства. Возможно, этот факт отражает сохранение близких отношений между Каноковыми и Идаровыми, ведь их отцы были фактическими союзниками в Кызбурунском сражении. В русских летописях упоминается, что черкесские послы были уполномочены вести переговоры и от лица как минимум одного из восточно-грузинских царств – Картли или Кахети: «...С карбатинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа» [КРО. Т. 1. 1957: 5]. Еще одно свидетельство неактуальности для посольства 1557 г. проблемы противодействия крымской угрозе.

Кабардинские князья «были пожалованы» русским государем по примеру жанеевских и бесленеевских владетелей. В октябре 1558 г. в Москву прибыло очередное кабардинское посольство от лица пщышхуэ Кемиргоко Идарова, которое возглавляли его сыновья – Булгайрук и Солтанук (Салтан, Салнук). Младший из них остался в Москве фактически в качестве аманата – залога политической лояльности своего отца [КРО. Т. 1. 1957: 7]. В дальнейшем, благодаря активности Кемиргоко Идарова, кабардино-русские отношения развивались стремительно. Уже в первой половине 1560 г., видимо, реализуя принятые договоренности, русские войска из Астрахани на судах совершили поход в Дагестан и разорили зимнюю резиденцию шамхала – прибрежный город Тарки [КРО. Т. 1. 1957: 8]. Конечно же, особое значение для укрепления политических связей Кемиргоко Идарова с Иваном IV имел династический союз между пщышхуэ Кабарды и русским царем. История сватовства Ивана IV в Черкесии и заключение им второго брака ярко иллюстрирует разницу в политических целях, преследовавшихся Идаровыми в Кабарде и Кансауковыми в Жанее [КРО. Т. 1. 1957: 9–10]. Реально оценив потенциальные выгоды и риски военно-политического альянса с Москвой против внешней угрозы – империи османов и Крымского ханства, жанеевские князья предпочли уклониться от установления династического союза с русским царем. Идаровы имели обширные матримониальные связи с самыми знатными аристократическими домами. Дочери Кемиргоко Идарова – Алтынчач и Малхуруб, были замужем соответственно за астраханским царевичем Бекбулатом и Тенехматом – сыном правителя Большой Ногайской Орды Измаила [Налоева 2015: 2]. Вектор династических связей Кемиргоко Идарова явно антикрымский. Астраханское ханство и Большая Ногайская Орда всю первую половину XVI в. были принципиальными соперниками Крымского ханства в борьбе за ордынское политическое наследство. Отдавая младшую дочь за Ивана IV, пщышхуэ Кабарды приобретал гораздо более могущественного союз-

ника, способного стать его политическим покровителем. Но антикрымская направленность этого нового династического союза далеко не очевидна. В том, что между Московским царством и Крымским ханством были противоречия антагонистического характера, связанные, в первую очередь, с борьбой за власть над Казанью и Астраханью – древними провинциями улуса Джучи, сомнений нет. Дальнейшие события заставляют усомниться в другом. В том, что внешнеполитические угрозы Кабардинскому княжеству со стороны могущественных соседей были для пщышхуэ Кабарды Кемиргоко Идарова проблемами первостепенной важности, для решения которых он и развивал столь активно отношения с Московским царством. Напротив, значение Ивана IV как сильного союзника оценивалось Кемиргоко Идаровым, в первую очередь, в контексте острых внутривластных проблем, с которыми столкнулась его фамилия с момента своего водворения в Кабарде. Об этом красноречиво свидетельствуют русские летописи: «А которые черкасские князи к Темгрюку-князю были непослушны, и те, заслыша царское жалование к Темгрюку-князю, что царь и великий князь Темгрюка-князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темгрюку-князю учили быти послушны и дани ему учили давати и во всей учинилися в Темгрюкове княжой воле (курсив наш – К.З.)» [КРО. Т. 1. 1957: 10]. Последняя фраза не оставляет сомнений в том, что пщышхуэ Кабарды рассматривал кабардино-русские отношения как важнейший ресурс укрепления своей личной власти в княжестве.

Однако одной демонстрации «царского жалования», то есть благоволения Ивана IV к своему тестю, оказалось явно недостаточно для приведения в «Темгрюкову княжью волю» конкурирующих с Идаровыми владетельных кабардинских фамилий. Поэтому практически сразу же московский царь по просьбе Кемиргоко Идарова предоставил последнему внушительную военную силу, вооруженную огнестрельным оружием – 500 стрельцов и 500 казаков, с тем, чтобы «от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми,

куды ... Темгрюк-князь учнет посылати» [КРО. Т. 1. 1957: 10–11]. Насколько Идаровы нуждались в военной помощи для подавления политической оппозиции внутри княжества можно судить по тому, что встречать союзное русское войско Кемиргоко с сыном Домануко выехал в ... Астрахань! Идаровы, вместе со своими союзниками в течение декабря 1562 г. вели успешные боевые действия в Кабарде против «недругов» великого князя [КРО. Т. 1. 1957: 11]. Военно-политический эффект от разгрома (возможно сильно преувеличенного русскими летописцами) Кайтукиных и Талостановых в 1562 г. оказался незначителен. Уже в июне 1565 г. в Москву в качестве посла пщышхуэ Кабарды прибыл Мамстрюк – сын Кемиргоко Идарова. Вновь последовали жалобы на «многие тесноты от черкас», которые «непослушны во всем» и просьбы о прямой военной помощи [КРО. Т. 1. 1957: 12]. Очевидно, речь шла именно о «кабардинских черкасах», так как западные черкесы не находились в сфере властных полномочий пщышхуэ Кабарды и претензий по поводу их «непослушания» у него быть не могло. То есть, либо политический класс Кабарды (пши-уорки) отказывался признавать фактически законную власть пщышхуэ Кемиргоко Идарова, либо, что более вероятно, последний, опираясь на свои династические связи с Москвой и военный потенциал Русского государства, *пытался существенно расширить ее рамки*. Военная помощь Кемиргоко Идарову была вновь незамедлительно оказана. Русские войска (дворянская поместная конница, стрельцы, казаки) весной 1566 г. прибыли в Кабарду и вместе с войсками Идарея нанесли серьезное поражение политическим противникам Кемиргоко Идарова, в первую очередь, Пшепшоко Кайтукину [КРО. Т. 1. 1957: 12–13].

Военные успехи Кемиргоко Идарова, опиравшегося на войска своего царственного зятя, не могли делегитимизировать традиционную феодальную конституцию всей Княжеской Черкесии и Кабардинского княжества в частности. Она предполагала сохранение баланса сил различных кня-

жеских домов династии Иналидов; их формально равные права на титул пщышхуэ – великого князя; порядок избрания нового верховного правителя всем политическим классом. При этом титул пожизненно избираемого пщышхуэ и связанные с ним властные полномочия переходили в рамках феодального владения от одного княжеского дома к другому. Исходя из этого, становится понятной беспрецедентная инициатива Кемиргоко Идарова, который обратился к Ивану IV с просьбой основать на территории княжества – «на реке Терке» у впадения в нее Сунжи, крепости с постоянным гарнизоном для «береженья от недругов» [КРО. Т. 1. 1957: 13]. В феврале 1567 г. по приказу Ивана IV на Северный Кавказ были отправлены войска, мастера, материалы, необходимые для возведения крепости, и она была сооружена в кратчайшие сроки [КРО. Т. 1. 1957: 13–14]. С точки зрения нейтрализации внешнеполитических угроз, основание русской военной базы на крайнем востоке Кабардинского княжества не имело решающего значения. Терский город мог служить опорным пунктом распространения кабардинского военно-политического влияния на Нижнем Тереке в борьбе с Шамхальством. Но наиболее актуальные для Кабарды внешнеполитические задачи военного прикрытия с Крымского – северо-западного и Ногайского – северного направлений, Терская крепость решить не могла. В данном случае Кемиргоко Идаров действовал не только в духе типичного феодального государя, который легко приносит общественный интерес в жертву интересам собственного удельного княжества и владетельного дома. Прикрытие восточного направления для Идарея – одного из восточных уделов Кабарды, было стратегически важной задачей, не актуальной для Кайтукиной Кабарды. Гораздо важнее то, что Кемиргоко Идаров сознательно вводил в политическую систему Кабардинского княжества принципиально новый элемент – город, более того – чужой город – средоточие самой передовой для той эпохи военной силы (пехота, вооруженная огнестрельным оружием, артилле-

рия). Непосредственная власть над этой силой находилась в столице другого государства, и использовать военный потенциал Терской крепости можно было только при условии лояльности правителю Московского царства. Кемиргоко Идаров не видел в этом проблемы, или не имел иной возможности сохранить свою власть и статус рода Идаровых в Кабарде.

Весьма характерно, что активное участие русских войск во внутривосточном конфликте Идаровых с Кайтукиными и Талостановыми происходило на фоне серьезных внешнеполитических угроз. В их нейтрализации русская военная помощь ни разу (!) не была оказана. В 1566 г. кабардинцами было разгромлено вторгнувшееся в страну войско Буда-шамхала, который погиб в сражении [Белокуров 1889: 9]. Ранней осенью 1567 г. кабардинцы успешно отразили крымские войска калги Мухаммед-Гирея [КРО. Т. 1. 1957: 16–17, 19]. В обоих случаях военная помощь со стороны Русского государства и даже просьбы о ней со стороны пцццшхуэ Кабарды в источниках вообще не упоминаются. Единственный раз в годы княжения Кемиргоко Идарова кабардинские и русские войска совместно сражались против внешнего врага в 1569 г. во время отражения османско-крымского похода на Астрахань Касим-паши. Но и в этом случае имели место не согласованные действия союзников в соответствии с общей стратегией и планами военных действий. Просто после неудачной осады Астрахани, дезорганизованные османско-крымские войска, отступая по «Кабардинской дороге» через Центральное Предкавказье, подверглись активным атакам со стороны кабардинцев и других черкесов [Карамзин Т. IX. 1989: 76]. Возможно, Кемиргоко Идаров осознавал ограниченность военных ресурсов Русского государства, особенно на Северном Кавказе, и не хотел ими рисковать вне задач первостепенной важности. А таковыми, если судить о политических приоритетах пцццшхуэ Кабарды по его деятельности, были усиление личной власти и политического веса в княжестве рода Идаров-

вых. С учетом инициативы Кемиргоко Идарова по созданию в Кабарде мощной опорной точки в виде русской военной базы, не исключены амбициозные планы по изменению характера функционирования института великого княжения с целью добиться, как минимум, приоритета рода Идаровых, а как максимум – монополизации Идаровыми статуса пщышхуэ Кабарды. Консолидировав под своей властью Кабардинское княжество, Кемиргоко Идаров получал возможность для реализации куда более масштабных политических проектов в рамках всего региона. Такие амбиции у Кемиргоко Идарова явно были, иначе он не вмешался бы при первой же возможности во внутривластную борьбу западочеркесских владетелей. Детали событий опять же не ясны из-за скудости источников. Русские летописи упоминают внутренние распри черкесских князей, вмешательство в них крымского царевича Алди-Гирея и его поражение от кемиргоевцев [КРО. Т. 1. 1957: 21–22]. Конфликт приобрел общечеркесский масштаб с вмешательством в него Кемиргоко Идарова. Ш.Б. Ногмов, несколько путаясь в персоналиях (вместо царевича Алди-Гирея упоминает хана Девлет-Гирея (1551–1577), Кемиргоко Идарова традиционно называет Темрюком), передает фольклорную версию событий [Ногмов 1994: 123]. Несмотря на это, фольклорный сюжет Ш.Б. Ногмова во многом совпадает с данными русских летописей. В июле 1570 г. на р. Ахупс «близ Тамани» (по-видимому, Афипс) войско Кемиргоко Идарова дало бой крымской армии под началом царевича Алди-Гирея (См. **Сражение на реке Афипс...**). Место действия (во второй половине XVI в. р. Афипс – это приграничье Кемиргоя и Бжедугии с Жанеем), упоминание в летописях о том, что Кемиргоко Идаров приходил помогать «Баазытцким черкесам» (возможно, бжедугам), демонстрируют поразительную устойчивость традиционных связей рода Идаровых в Западной Черкесии [КРО. Т. 1. 1957: 22; Ногмов 1994: 123]. Однако, если в Кызбурунском сражении этот альянс привел союзников к победе и возвышению Идаровых, то сра-

жение на Ахупсе, несмотря на неясный военный результат, закончилось для семьи Кемиргоко Идарова катастрофой: «Темрюк ... князь с бою съехал ранен, а дву сынов Темрюковых Мамстряка да Беберюка царевич Алди-Гирей на бою взял и привел ... в Крым» [КРО. Т. 1. 1957: 23]. Сыновья пщышхуэ Кабарды позднее были выкуплены из плена и хорошо известны русским источникам последней четверти XVI в. А вот Кемиргоко Идаров более в русских летописях и дипломатических документах не упоминается. Скорее всего, от своей раны он уже не оправился. В следующем, 1571 г., как известно, крымский хан Девлет-Гирей совершил успешный поход на русские земли и даже сжег Москву. Одним из последствий этого было решение Ивана IV ликвидировать Терский город в Кабарде. Политический проект Кемиргоко Идарова потерпел фиаско. Его планы по консолидации Кабардинского княжества с опорой на внешние силы оказались нереализуем. Во всяком случае, при его жизни. Однако политические идеи имеют свойство переживать своих создателей. Уже в 1578 г. младший брат Кемиргоко – Кан(м)булат Идаров, ставший к этому времени пщышхуэ, во главе кабардинского посольства прибыл в Москву и фактически возобновил политический союз с Москвой на старых условиях, одним из которых стало возведение новой русской крепости на старом месте: «...На Терке реке усть-Сюенча» [КРО. Т. 1. 1957: 34]. В истории Кабарды Камбулат Идаров первый и единственный великий князь, который лично возглавил посольскую миссию! Это так же характеризует ослабление политических позиций Идаровых в Кабарде, как и цель посольства – практически пщышхуэ добивался для себя отношений прямого протектората со стороны Московского царя. А восстановление русской военной базы на территории Кабарды должно было облечь политический протекторат со стороны Русского государства в осязаемые формы. Идаровы долгое время пытались воплотить в жизнь политический проект своего лидера, пожертвовав независимостью Кабарды ути-

литарным задачам усиления управляемости кабардинским социумом и поддержания собственного политического доминирования в княжестве. Их борьба за его осуществление составляет целую эпоху истории Кабарды и заканчивается лишь в середине XVII в.

Несмотря на неудачу в реализации своих амбициозных планов, Кемиргоко Идаров оставил в памяти адыгов заметный след. Именно поэтому Ш.Б. Ногмов, отредактировав фольклорное предание о старшем сыне Идара и даже «похоронив» его с тем, чтобы без помех перейти к «академически достоверному» Темрюку, все же оставляет самую красноречивую характеристику посмертного отношения кабардинцев к своему знаменитому пщышхуэ – амбициозному политику, способному действовать в сфере неопределенности, бороться за власть, рисковать: «Кемиргоко ... умер и по завещанию зарыт в землю на коне и в полном вооружении ... над ним вместо памятника насыпан курган» [Ногмов 1994: 123].

СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ АФИПС (1570 г.): ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Третья четверть XVI в. является уникальным временем в истории феодальной Черкесии. Это десятилетия интенсивных, разновекторных дипломатических, династических и военно-политических контактов четвертого и пятого поколения Иналидов с наиболее могущественными монархиями Восточной Европы – Крымским ханством, Московским царством, Великим княжеством Литовским, Ногайской Ордой. Масштаб личностей, определявших основные тенденции политической жизни государств региона – крымского хана, разорителя Москвы (крымско-тат. *Taht Alğan* «Взявший Трон») Девлет-Гирея I (1552–1577), первого русского царя, покорителя Казани и Астрахани Ивана IV Грозного (1547–1584), пщышхуэ (великого князя) Кабарды Кемиргоко Идарова (1557(?)–1571(?)), оставившего по себе долгую память, также соответствует грандиозности событий, имевших место на протяжении относительно небольшого отрезка времени, но во многом обусловивших основные тенденции государственно-политического развития всех субъектов исторического процесса. Для феодальной Черкесии, классической страны ороакустической культуры с господством устной традиции, этот период интересен также тем, что впервые появляется корпус достоверных и весьма подробных письменных источников, которые позволяют детализировать исторические события во всей их сложности и своеобразии. Русские летописные и дипломатические документы проливают свет на важнейшие события черкесской истории и в комплексе с устными историческими преданиями дают исследователю богатый материал для научного анализа.

В первом томе сборника архивных документов и материалов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» в числе многих других ценных источников был опубликован отрывок из статейного списка русского посла в Крыму А.Ф. Нагова:

«Июля в 30 день (1570 г. – К.З.)... приехал деи из Черкас Алди-Гирей царевич, а воевал деи черкасы Баазытцкие. И Темрюк (Кемиргоко Идаров – К.З.) деи князь з детьми Баязытцким черкасом приходил помогати, и был деи Темрюку-князю со царевичем бой, и Темрюк деи князь з бою съехал ранен, а дву сынов Темрюковых Мамстряка да Беберюка царевич Алди Гирей на бою взял и привел с собою ко царю (т.е. хану Девлет-Гирею – К.З.) в Крым» [КРО. Т. 1. 1957: 22–23].

Этот лапидарный текст содержит крайне важную информацию. Локализация, точная дата, состав участников, чисто военные параметры и результат сражения не ясны, но ранение в бою пщышхуэ – великого князя Кабарды – одного из крупнейших черкесских княжеств, да еще и пленение двух его сыновей, событие явно не рядовое. Составители «Кабардино-русских отношений» ограничились, на наш взгляд, поверхностным и весьма неудачным отождествлением «баазытцких черкесов» с северокавказскими абазинами. Во-первых, статейный список А.Ф. Нагова, касающийся событий, предшествующих сражению крымского царевича Алди-Гирея с черкесами, рисует картину затяжного внутриполитического конфликта среди черкесских князей, в которой оказалось вовлечено и Крымское ханство:

«Марта в 20 день (1570 г. – К.З.) ... прислали деи ко царю из Черкас Исламбек-мурза да Капшюк-мурза (Асланбек и Пшеапшоко Кайтукины – К.З.) меньшова своего брата просити Алди-Гирея царевича, а царь бы Алды-Гирею царевичю велел воевати Ташрука да Темрюка (Тепсаруко Талостанов и Кемиргоко Идаров – К.З.), а Ташрук деи у Исламбека убил сына, и царь деи царевича отпускает в Черкасы.

... И марта в 21 день ... приехал деи ко царю из Черкас Муртоза-мурза Буштуков сын просити Алди-Гирея царевича для того, которые деи черкасы были у царя в прикладе, и те деи промеж себя завоевались, и царь деи посылает в Черкасы Алди-Гирея царевича поугрозити и помирити, а людей со царевичем в Черкасы посылает немногих.

... Того ж дни (17 июня 1570 г. – К.З.) ... царевич деи Алди-Гирей посылал от себя посылку в Черкасы в Кумук (Кемиргой – К.З.), а велел воевати, и черкасы деи Алди-Гиреевых царевичевых татар побили. А Алди-Гирей де царевич прислал ко царю, чтоб к нему прислал пищальников, а хочет деи на них сам итти. И царь деи к нему пищальников не послал и ему ходити не велел, а велел ему к себе быти» [КРО. Т. 1. 1957: 21–22].

Несмотря на то, что события, имевшие место в Черкесии весной–летом 1570 г. нашли адекватное отражение в русских письменных источниках, отечественная историография долгое время ограничивалась простым упоминанием факта сражения, в результате которого культовая фигура в истории Кабарды, великий князь, олицетворявший мифологему «добровольного присоединения» к России, был ранен. Не делалось даже попыток точно определить место сражения, состав его участников. Так, например, в первом томе «Истории Кабардино-Балкарской АССР» авторы ограничились лишь упоминанием того, что «в начале 1570 г. Темрюк Идаров умер от раны, полученной в битве с крымцами», хотя известие об этом сражении датируется 30 июля, т.е. далеко не началом года [История Кабардино-Балкарской...1967: 155].

В обобщающем труде «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» этот сюжет дан с еще большими хронологическими неточностями, битва с крымцами локализуется на территории Кабарды и совмещается с отступлением части турецко-татарской армии из под Астрахани после неудачного похода 1569 г. [История народов... 1988: 318–319]. В новейшей черкесской историографии некоторые авторы пытались сопоставить сведения архивных источников с описанием неудачной для Идаровых битвы и противоречивые данные Ш.Б. Ногмова о сражении черкесов с крымцами на реке Ахупс, приводимые им в «Истории адыгейского народа» [Ногмов 1994: 128–129;

Дзамихов 2001: 92–93; Карданов 2001: 36–37]. Интерпретация гидронима Ахупс как искаженного названия левого притока Кубани р.Афипс была предложена нами как рабочая гипотеза в историческом очерке «Адыгской (черкесской) энциклопедии» [Кожев 2006: 184–185]. Однако во всех этих случаях и сражение, и исторический контекст, и оценка военно-политической стратегии противоборствующих сторон оставались за рамками исследовательского интереса. Между тем, письменные источники позволяют удовлетворительно разрешить большую часть этих вопросов.

Из информации, скрупулезно собранной русским дипломатом, проступают контуры цепи событий, логическим завершением которых и стало крупномасштабное военное столкновение некоей коалиции черкесских князей – «баазытских черкесов» и кабардинского пщышхуэ Кемиргоко Идарова, с крымским войском, возглавляемым одним из старших сыновей хана царевичем Алди-Гиреем. Последнего приглашали и в Кабарду (князя Кайтукины), чтобы свести счеты с Талостановыми и Идаровыми, и в Западную Черкесию некие «завоевавшиеся» черкесские князья, ранее бывшие «у царя в прикладе», т.е. ориентировавшиеся во внешней политике на Крымское ханство. Определенно в этих событиях приняли участие кемиргоевцы, которые в первой половине июня 1570 г. разбили присланный Алди-Гиреем отряд. То есть локализация событий предшествующих итоговому сражению и ранению Кемиргоко Идарова говорит скорее о Западной Черкесии, территории как минимум западнее Лабы, которая была условной восточной границей кемиргоевских владений.

Кроме этих соображений, вытекающих из анализа письменного источника, есть еще одно обстоятельство, исключаящее интерпретацию «баазытских черкесов» как северокавказских абазин. Это сюжет из «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, в основных чертах совпадающий с сообщением А.Ф. Нагова:

«Крымский хан Девлет-Гирей ... собрал войско с намерением совершенно истребить пятигорских кабардинцев. Князь Темрюк Маремшаович Идаров собрав многочисленное войско из кабардинцев и других адыгейских племен, двинулся к *реке Ахупсу и при впадении ее в Кубань, близ Тамани (?)* (выделено нами – К.З.), построил крепость и там ожидал неприятеля. Девлет-Гирей сначала вторгся в землю чапсогов (т.е. шапсугов – К.З.), разграбил и опустошил ее, а потом уже двинулся к тому месту, где ожидал его Темрюк. В первом сражении князь наш был ранен, но войско стояло крепко и битва завязалась жестокая. Кабардинцы, хотя не разбили неприятеля, но своим упорным мужеством лишили его надежды победить их. Оттуда Девлет-Гирей пошел к пределам России, в надежде хоть там поживиться богатой добычей» [Ногмов 1994: 123–124]. Далее автор приводит русский перевод песни, посвященной этому неудачному для черкесов сражению. Текст мало информативен, но помимо некоторых незначительных подробностей, упоминания имен наиболее отличившихся воинов, содержит название реки, на берегах которой произошло сражение – Ахупс [Ногмов 1994: 124]. Двойное упоминание гидронима и в устном предании и в поэтическом тексте, наряду с тем, что мы можем извлечь из архивных данных по предыстории битвы, на наш взгляд, позволяют уверенно интерпретировать Ахупс кабардинских преданий как Афипс, левый приток Кубани, впадающий в нее, с точки зрения неискушенных в кяхской топонимике восточных черкесов «близ Тамани». Река Афипс в середине XVI в. была географическим рубежом, отделявшим Жанеевское княжество от тесно связанных генетически и политически Кемиргоя и Хатукая. Подобная интерпретация позволяет также идентифицировать «баазытских черкесов» как позднесредневековых бжедугов. Последние в середине XVI в. уже начали свое движение на северные равнины, осваивая долину реки Псекупс, расположенную на восток сразу за долиной Афипса. Бжедуги были традиционными союзниками Ида-

ровых, так как их родоначальник Идар Инармасов был по матери «бжедугским племянником». В свое время вокняжение Идара Инармасова в Кабарде было связано с активной поддержкой его кандидатуры родственниками и союзниками из числа западных черкесов – бжедугов, хегаков и кемиргоевцев [Кожев 2011]. В 40-х годах XVI в. письменные источники упоминают ежегодные посещения бжедугами Пятигорья для обработки выделенных им в Кабарде земель [Некрасов 1990: 107–108]. Очевидно, Идаровы очень ценили своих бжедугских родственников и союзников, стремились опереться на их военно-политический потенциал и, в свою очередь, поддерживали их в затруднительных случаях. Дальний поход на запад кабардинского пщышхуэ и сражение с общим врагом на границах владений традиционных союзников обретают смысл и значение.

Ш.Б. Ногмов как всегда небезупречен в передаче подробностей описываемых исторических событий. Он называет старшего сына Идара Темрюком Маремшаовичем, упоминает о шапсугах, якобы разгромленных крымцами, что для XVI в. выглядит явным анахронизмом, во главе татарского войска ставит самого хана Девлет-Гирея и объединяет события, связанные с ранением в битве пщышхуэ Кабарды со знаменитым походом 1571 г., когда крымцы сожгли и разорили Москву. Связь между этими событиями, на наш взгляд, несомненна и мы коснемся этого ниже, но они разделены во времени десятью месяцами и являются двумя самостоятельными компаниями, объединенными единой стратегией. Однако факт ранения Кемиргоко Идарова автор передает верно, несмотря на объяснимые попытки смягчить его значение якобы неясным исходом самого сражения. Ранение предводителя и пленение его старших сыновей по стандартам феодальной войны означают катастрофический разгром, даже если войско сумело удержать позиции и не обратиться в беспорядочное бегство. Как мы знаем, известие о ранении Кемиргоко Идарова это последнее упоминание о нем в русских письменных

источниках. Сообщение Ш.Б. Ногмова о его выздоровлении и даже попытках собрать войско с тем, чтобы идти на помощь Ивану Грозному следует признать недостоверным [Ногмов 1994: 124–125]. Ранение в несчастном сражении на р. Афипис / Ахупс, по-видимому, стало причиной преждевременной смерти Кемиргоко Идарова, что очевидно кстати и для первого черкесского историографа: «... Этот добрый, храбрый, и лучший из всех князей наших умер от разболевшейся старой раны» [Ногмов 1994: 124–125].

Превосходная степень оценки личности пщышхуэ Кабарды, на наш взгляд, не объясняется исключительно очевидными прорусскими симпатиями Ш.Б. Ногмова. Несмотря на то, что Идаровы как владетельный род пресеклись в начале XVIII в., память об их самом знаменитом представителе пережила века. Для того, чтобы оценить масштабы его личности, а также последствия неудачного для черкесов сражения во второй половине июля 1570 г. на р. Афипис, необходимо рассматривать это событие в ряду предшествовавших и последующих событий и фактов политической биографии Кемиргоко Идарова, истории Черкесии, Крымского ханства и Московского царства.

Пщышхуэ Кабарды одним из последних в ряду черкесских Иналидов открыл для себя московское направление во внешней политике, но использовал его с энергией и последовательностью, завоевавшими ему исключительное положение в русско-черкесских отношениях. Кабардинское посольство появилось в Москве только в 1557 г. К этому времени русско-черкесские отношения уже имели за спиной несколько лет совместной борьбы с Крымским ханством, в Москву выехали и приняли крещение несколько жанеевских и бесленеевских аристократов со своими уорками, а черкесское военное присутствие в столице Русского государства использовалось царской дипломатией как фактор устрашения внешнеполитических противников [КРО. Т. 1. 1957: 4–7]. В октябре 1558 г. в Москву прибыло второе кабардинское посольство во главе с сыновьями Кемиргоко Идарова – Бул-

гайруком и Солтануко (Салтан). Последний принял крещение и под именем Михаила Темрюковича Черкасского остался при дворе Ивана IV [КРО. Т. 1. 1957: 4–7]. Конец 50-х начало 60-х годов XVI в. стали своеобразным рубежом в истории развития русско-черкесских отношений. Западная Черкесия искала в лице Москвы надежного союзника против Османской империи и Крымского ханства. Фактический отказ Ивана IV от прямой военной помощи черкесам против османов и начало Ливонской войны (1558–1583) в Прибалтике резко сузили перспективы военного союзничества жанеевского, бесленеевского и других владетельных княжеств с Русским государством. Осознав бесперспективность союза с Москвой в деле сдерживания османского и крымского военно-политического давления, Иналиды Западной Черкесии предпочли вернуться к традиционной политике признания номинальной власти татарских ханов. Уже в начале 1561 г. жанеевские князья отказали сватам Ивана Грозного, овдовевшего в августе 1560 г. [КРО. Т. 1. 1957: 8–9]. А через два года, осенью 1563 г. послы от жанеевцев прибыли в Бахчисарай «на Черкасское государство царевича просить» и Девлет-Гирей отпустил с ними своего внука Ислам-Гирея [ПСРА. Т. 29. 1965: 274–275; Белокуров 1889: 60]. В конце 60-х годов в Жанее в качестве воспитанников (*къан*) владетельных князей находились два внука Девлет-Гирея – сыновья крымского калги Мухаммед-Гирея Сафа-Гирей и Ширван [Кушева 1950: 266]. Наиболее последовательные противники Османской империи и Крыма из числа черкесских аристократов покинули Москву и переселились в Великое княжество Литовское и Польшу [СРИО, Т. 71. 1892: 156; Хотко 2001: 212–213].

Если на западе Черкесии крымское влияние с начала 60-х годов последовательно возрастало, то в Кабарде происходили противоположные процессы. Особенно они усилились после женитьбы Ивана IV в августе 1561 г. на дочери Кемиргоко Идарова Гошаней – в крещении Марии Темрюковне Черкасской [КРО. Т. 1. 1957: 7, 9–10, 391].

Пщышхуэ Кабарды сделал ставку на тесный союз, в том числе династический, с Иваном Грозным, что было связано с особенностями внутривосточного положения Идаровых, их традиционным соперничеством с Талостановыми и Кайтукиными – потомками Талостана и Беслана Жанхотовых (См. *Происхождение и историческая судьба...*).

Русские летописи особо акцентируют внимание на этой внутривосточной коллизии, неустойчивости власти пщышхуэ в Кабарде и его стремлении конвертировать династический союз с могущественным русским царем в усиление своей владетельной власти в княжестве: «И Темгрюк-князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе. А которые черкасские князи Темгрюку-князю были непослушны, и те, заслыша царское жалование ... учили быти послушны и дани ему учили давати и во всей учинился в Темгрюкове княжой воле» [КРО. Т. 1. 1957: 10]. Уже через год, в декабре 1562 г. Кемиргоко Идаров получил 1000 человек, оснащенных «вогненным боем», то есть вооруженных огнестрельным оружием и нанес поражение своим противникам в Кабарде. Краткое описание боевых действий и перечисление городков, селений и местностей, ставших театром боевых действий, позволяют предположить, что Кемиргоко Идаров преследовал своих противников вплоть до высокогорных ущелий от Баксана до Терека, где от царских стрельцов пытались укрыться «непослушные» амбициозному пщышхуэ Кабарды князья [КРО. Т. 1. 1957: 11]. В 1565 г. он добился от Ивана IV присылки еще более значительного военного контингента из стрельцов, казаков и детей боярских против «непослушных черкас». Летом 1566 г. Кемиргоко Идаров, используя русские отряды и собственные феодальные дружины разгромил своих противников. [КРО. Т. 1. 1957: 12–13].

Политика Кемиргоко Идаров демонстрировала не только обычную для феодальной этики готовность привлечь третьи силы во внутривосточную борьбу. Как верховный правитель Кабарды он проявил способность к проектному

мышлению и долгосрочной стратегии. Наглядный пример Крымского ханства, получившего в обмен на ограничение суверенитета неисчерпаемый источник экономических и военных ресурсов Османской империи и стабилизацию внутривосточного положения верховной власти хана, был перед лицом политической элиты феодальной Черкесии. Крымское ханство, до подчинения османам в 1475 г. было таким же страдательным объектом для черкесских и ногайских набегов, как и Астрахань накануне своего падения в 1556 г. [Интерьяно 1974: 50]. Но только Кемиргокко Идаров попытался реализовать схожий сценарий для Кабарды. Понимая значение войск нового типа, вооруженных огнестрельным оружием, для обуздания феодальной вольницы, он пошел на беспрецедентный шаг и обратился к правительству Ивана IV с просьбой санкционировать постройку в Кабарде крепости с постоянным гарнизоном русских стрельцов. В начале 1567 г. на Северный Кавказ были отправлены воеводы А.С. Бабичев и П. Протасьев «со многими людьми», пушками, пищалями и всеми необходимыми для строительства материалами. В течение года крепость была построена в месте слияния Сунжи и Терека и занята двухтысячным гарнизоном. Попытки Девлет-Гирея противодействовать Кемиргокко Идарову в его планах получить постоянную военную силу для укрепления своей власти и влияния в Кабарде и на всем Северном Кавказе оказались неудачны. Крымские войска во главе с калгой Мухаммед-Гиреем летом 1567 г. совершили поход в Кабарду, но были отбиты с большим уроном [КРО. Т. 1. 1957: 13, 17–20]. Опасность появления русской крепости в стратегически важном регионе была очевидна и в Бахчисарае и в Стамбуле. Дипломатический нажим на правительство Ивана IV с целью заставить его ликвидировать Терский город ни к чему не привел. Русское правительство мотивировало постройку Терского города «челобитьем» Кемиргокко Идарова, в чьих владениях он был возведен с целью защиты последнего от недругов, в первую очередь, «непослушных черкас»

[АИГИ, Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 4–25]. В условиях крайнего обострения противоречий между Московским царством и Османской империей, султанским правительством был санкционирован грандиозный поход кафинского наместника Касим-паши с целью захвата Астрахани. Реализация этого плана означала конец всей политической стратегии Кемиргоко Идарова, но поход, во многом благодаря саботажу Девлет-Гирея, закончился неудачей, отступлением и фактическим разгромом османских сил в аръергардных боях. Очевидец отступления, Семен Мальцев, находившийся в турецком войске пленником, сообщал: «И шли... от Асторохани месяц до Азова, царь [Девлет-Гирей] их волочил под Черкасы Кабардинскою дорогою по безводным местом, томил их нароком: царю ... опять к Асторохани и крымским людям добре не хочется. И многие ... турки з голоду померли, и лошади померли, и черкасы у них людей покрали и лошадей много, и Казыевы люди и крымские лошади крали и людей грабили...» [Исторические записки Т. 22. 1947: 157].

Несмотря на неудачу похода Касим-паши на Астрахань и неблагоприятное впечатление от разгрома османских сил, собственно крымское влияние в Черкесии и в 1570 г. продолжало оставаться весьма актуальным. Об этом свидетельствуют приведенные выше выдержки из статейного списка А.Ф. Нагова с данными об активных дипломатических контактах влиятельных черкесских князей с Девлет-Гиреем и старшими крымскими царевичами. Именно в этот момент, критический для всей конфигурации внутривосточных сил в Иналидской Черкесии и вокруг нее, происходит сражение на р. Афипс. Кемиргоко Идаров, стремясь развить стратегический успех кабардино-русского союза и нейтрализовать сторонников крымской внешнеполитической ориентации рискнул поддержать коалицию западночеркесских владетелей, выступивших против Алди-Гирея. Состав этой коалиции невозможно точно определить. Но вероятное участие в нем кемиргоевцев, бжедугов и пщцш-

хуэ Кабарды делает ее весьма представительной. Общий мобилизационный ресурс бжедугов и кемиргоевцев в середине XVII в. составлял соответственно 3 тыс. и 10 тыс. человек [Челеби 1979: 75, 78]. Старшие крымские царевичи в случае ведения военных действий обычно располагали примерно половиной крымской полевой армии, насчитывавшей, как правило, 40–50 тыс. человек. Крымские «пищальники», по-видимому, в сражении на р. Афипс участия не принимали, но то, что, судя по устному преданию, черкесы придерживались оборонительной тактики, свидетельствует в пользу численного превосходства крымских войск, которые должны были насчитывать не менее 20 тыс. человек. Пщышхуэ Кабарды был ограничен в своих военных возможностях враждебной позицией Кайтукиных, которые еще в марте 1570 г. прямо приглашали Алди-Гирея для расправы с Талостановыми и Идаровыми, и в лучшем случае мог оперировать войсками собственного удела при поддержке Тепсаруко Талостанова. По репрезентативным данным 40-х годов XVII в. речь может идти примерно об 1 тыс. дворянской – *юркской* панцирной конницы, подкрепленной простой недоспешной кавалерией из «черного народа» численностью до 2 тыс. человек [КРО. Т. 1. 1957: 385–386]. Ставки в этой борьбе были крайне высоки. Тем не менее, Кемиргоко Идаров рискнул ... и проиграл все!

Тяжелое ранение щышхуэ и пленение его старших сыновей настолько ухудшили расклад внутривластных сил в Кабарде, что уже в марте следующего 1571 г. Иван IV в грамоте османскому султану Селиму II (1566–1574) официально пообещал уничтожить Терский город [КРО. Т. 1. 1957: 27–28]. Очевидно, после поражения Кемиргоко Идарова – главного бенефициария постоянной военной помощи в лице царских стрельцов, даже снабжение продовольствием многочисленного гарнизона Терского города, располагавшегося вдали от безопасных морских коммуникаций, стало неразрешимой проблемой. Русское правительство начало переговоры с крымцами по поводу выкупа

из плена сыновей Кемиргоко Идарова, а укрепленный город на Тереке был оставлен [КРО. Т. 1. 1957: 26–29, 30–33]. Но это не спасло Ивана IV, лишившегося своего основного союзника, сковывавшего крымские силы на Северном Кавказе. Девлет-Гирей весной 1571 г. начал крупномасштабный поход на русские земли, страна и войско, ослабленные многолетним опричным террором, оказались неспособны к эффективной обороне. 24 мая Девлет-Гирей со всей крымской армией подошел к Москве и зажег посады [КРО. Т. 1. 1957: 33]. Свидетельство очевидца, опричника немецкого происхождения Генриха Штадена рисует картину страшного опустошения: «...За шесть часов выгорели начисто и город, и кремль, и опричный двор, и слободы. Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать» [Штаден 1925: 107].

Получив передышку после отступления крымских войск, Иван Грозный обрушил новые репрессии на свое окружение. В числе первых был казнен Михаил Темрюкович Черкасский, обвиненный в сговоре с крымским ханом. По данным Генриха Штадена: «Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурин великого князя (т.е. Ивана IV – К.З.), стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами» [Штаден 1925: 98]. Примечательно, что Генрих Штаден также озвучивает любопытную версию крымского похода 1571 г.: «...Крымский царь пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли – свойственником великого князя» [Штаден 1925: 107].

Участие Кемиргоко Идарова в походе Девлет-Гирея и разорении Москвы было физически невозможно хотя бы из-за его ранения. Но упоминание пщышхуэ Кабарды в одном ряду с Девлет-Гиреем, наверное, самым грозным и удачливым правителем Крыма, во-первых, свидетельствует о масштабе его личности в глазах современников, а во-вторых, демонстрирует, что версия, озвученная Генрихом Штаденом, была в свое время весьма популярна в Москве. Присутствие черкесских контингентов, в том числе и из

Кабарды, в армии Девлет-Гирея несомненна. Кемиргоко Идаров не мог этому воспрепятствовать после поражения в битве на р. Афипис. Жители русской столицы были хорошо знакомы с черкесами, которые начиная с 1552 г. сотнями подолгу жили в Москве. Ощутимое присутствие черкесских воинов в крымской армии в дни пожара и разорения Москвы не прошло мимо внимания москвичей и наверняка послужило поводом для обвинения Кемиргоко Идарова в организации похода, а Михаила Черкасского в предательстве. Двусмысленность сложившейся ситуации усугублялось тем, что племянница Кемиргоко Идарова – дочь одного из его младших братьев Желегота, известная в русских источниках как «Айшефат Масалтан царица», была одной из жен Девлет-Гирея I, о чем хорошо знал и русский царь [АИГИ. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 26; Налоева 2015: 2]. Позднее, трезво оценив ситуацию, Иван IV осознал, что прямой вины Идаровых в катастрофе мая 1571 г. не было. Во всяком случае, уже в июне 1571 г. русская дипломатия пыталась скрыть факт бессудной казни Михаила Темрюковича Черкасского перед его братьями, находящимися в плену, и представить смерть их близкого родственника как трагическую случайность. Во второй половине 1571 г. даже продолжались переговоры о выкупе двух царских шуринов из крымского плена [КРО. Т. 1. 1957: 33–34].

Как известно, в следующем 1572 г. русские войска во главе с князем М. Воротыньским и Д. Хворостининым взяли реванш у Девлет-Гирея, наголову разгромив крымско-османскую армию на подступах к Москве в битве при Молодях [Карамзин, Т. IX. 1989: 119–120]. Это спасло Русское государство от крупных территориальных потерь, но для Кабарды и рода Идаровых события 1570–1572 гг. стали поворотным пунктом. Несмотря на амбициозность, умение трезво оценить меняющееся геополитическое окружение Иналидской Черкесии, обрести в нем новые ресурсные возможности для развития государственности Кабарды, способность к риску, Кемиргоко Идаров не сумел реализовать

свой политический проект. Город так и не стал органичной частью социально-политического ландшафта Кабардинского княжества и всей Иналидской Черкесии. Пщышхуэ крупнейших княжеств, не находя точку опоры в борьбе с феодальной вольницей за централизацию верховной политической власти, так и не стали полноценными выразителями централизаторских тенденций.

Позднее, уже в 1588 г. после очередного посольства Идаровых, русское правительство восстановило Терский город. На новом месте, в 30 верстах от устья Терека, на его протоке Тюменке, была основана крепость, просуществовавшая до 20-х гг. XVIII в. [КРО. Т. 1. 1957: 49–54, 388, 399; РЧО 1997: 7] Но новый Терский город, построенный на дальнем пограничье Кабарды, вдали от основного массива черкесского населения, навсегда остался чужеродной ксенией, имеющей минимальное влияние на функционирование политических институтов Кабардинского княжества.

БИТВА НА МАЛКЕ (1641 г.): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Кабарда XVI–XVIII вв. находилась в эпицентре сложных геополитических конфликтов великих держав того времени – Османской империи и ее вассала Крымского ханства, Ирана, Русского государства. Поэтому в ее политической и военной истории немало ярких страниц, привлекающих внимание профессиональных историков. Однако, как это часто бывает с историографией государственно-политических образований, поглощенных Российской империей на Северном Кавказе, она все еще подчинена генеральной линии построения общероссийского историографического дискурса, в котором этатистские сюжеты, связанные с социально-политическим развитием региональных субъектов, не имеют самостоятельного значения, остаются в тени более широких интеграционных процессов. Отражение Битвы на Малке 1641 г. в отечественной историографии может послужить ярким образчиком того, как масштабное событие, имевшее долгую предысторию и эффект кардинального воздействия на последующие внутри- и внешнеполитические процессы в Кабарде, не получило должного внимания в исследовательской работе специалистов-историков.

Справедливости ради стоит сказать, что первый черкесский историограф Ш.Б. Ногмов, опиравшийся на фольклорные данные, ничего об этом событии не пишет. В отличие от сюжетов, связанных с другими великими битвами черкесского позднего Средневековья и Нового времени – *Къызбрун зауэ*, *Къэрэжъэщкъэтау зауэ*, *Къулкъужын зауэ*, *Къэнжал зауэ*, – битва на Малке 1641 г., спустя два века, черкесским историческим сознанием была, по-видимому, благополучно забыта [Ногмов 1994: 101–111, 114–120, 131–133, 146–147]. Это легко объяснимо спецификой фольклорного сознания. Битва на Малке имеет очень сложный внутривнутриполитический контекст и не укладывается в простую схему победы над внешним противником, преодоления угрозы подчинения

его власти. Ни слова об этом сражении не приводит и автор «Исторических сведений о кабардинском народе», хотя один из главных акторов, погибший в битве на Малке – Келемет Куденетов, в очерке упоминается как один из кабардинский князей, пользовавшихся в 30-х гг. XVII в. особым доверием и покровительством Михаила Федоровича Романова (1613–1645) [Кудашев 1991: 48]. Профессиональное изучение истории Кабарды уже в XX в. привело к качественному изменению академического адыговедения, особенно после введения в научный оборот обширного корпуса русских письменных источников – издания в 1957 г. двухтомного сборника архивных материалов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», приуроченного к 400-летию «добровольного присоединения» Кабарды к России [КРО 1957]. Мир феодальных владений Северного Кавказа и Кабарды, благодаря извлеченным из русских архивов документам и материалам, стал обретать реальные черты, исторический процесс стало возможным реконструировать в деталях. Однако первые упоминания о битве на Малке в монографиях и обобщающих трудах по истории Кабарды и Северного Кавказа долгое время носили малоинформативный характер. Так Е.Н. Кушева в своей монографии «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.)» лишь вскользь упомянула о гибели «в 1641 г. в неудачном походе на кабардинцев» Айдемир-шамхала – владельца крупнейшего феодального владения Северного Кавказа Шамхальства Кази-Кумухского [Кушева 1963: 311]. В обобщающем коллективном труде «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах», авторы дали самый общий контур произошедших событий: «В 1641 г. Шолоховы (род Талостановых – К.З.) выступили против Казыевых (потомки Кази Пшеапшокова рода Кайтукиных – К.З.) с сыновьями Куденека (род Идаровых ветви Камбулатовичей – К.З.), с Большими Ногаями и дагестанским шамхалом Айдемиром; из Терского города на помощь Куденековичам был послан с отрядом стрелецкий

голова Артемий Шишмарев. Казыевы в свою очередь призывали на помощь Малый Ногай. Битва произошла в июне 1641 г. на берегу р. Малки, левого притока Терека и для Шолоховых и их союзников окончилась поражением. Кельмамет Куденекоев, шамхал Айдемир, Артемий Шишмарев, а также многие кабардинские мурзы были убиты» [История Кабардино-Балкарской... 1967: 125]. Причем необъяснимым образом даже дата этого сражения была дана с серьезной погрешностью – июнь вместо 12 июля [История Кабардино-Балкарской ... 1967: 125; КРО. Т. 1. 1957: 204]. Причины возникновения столь представительных и разнородных коалиций противников также остались за рамками исследования, которое и не могло в обобщающем труде углубляться в детали политической и военной истории Кабарды по каждому частному случаю. Еще более странным и необъяснимым выглядит полное игнорирование битвы на Малке 1641 г. в коллективной монографии «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», тем более, что этот сюжет выходит за рамки военно-политической истории Кабарды и касается всех активных участников события – черкесских, ногайских, дагестанских владетелей, представителей русской военной администрации на Кавказе [История народов... 1988].

В небольших, написанных в соавторстве монографиях «Средневековая Кабарда» и «Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.)» авторы на основе опубликованных архивных документов впервые представили общую канву событий, непосредственно предшествовавших битве на Малке, краткое описание самого сражения и его результаты. Однако общая концепция борьбы «прорусских» князей с «прокрымскими», на наш взгляд, не позволила авторам приблизиться к ясному пониманию статистического содержания произошедших событий [Мальбахов, Эльмесов 1994: 292–305; Мальбахов, Дзамихов 1996: 151–152]. В монографии Ч.Э. Карданова «Путь к России», представляю-

щей собой собрание кратких исторических очерков по персоналиям наиболее известных кабардинских князей XVI–XIX вв., также содержится предыстория и самой битвы на Малке 1641 г. [Карданов 2001: 111–112]. Несколько более подробно обстоятельства битвы на Малке 1641 г. представлены в монографии К.Ф. Дзамихова «Адыги в политике России на Кавказе», причем автор ссылается не только на опубликованные архивные материалы первого тома «Кабардино-русских отношений», но и на документы, которые в этот сборник не вошли и хранятся в качестве отдельного тома в Архиве ИГИ КБНЦ РАН [Дзамихов 2001: 112–113; АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. ЛЛ. 149–153]. Еще одна монография К.Ф. Дзамихова – «Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв.», **содержит одну из первых попыток представить в развернутом виде общеполитический контекст, предысторию, описание самой битвы на Малке и ее последствий** [Дзамихов 2007: 54–63]. Не менее важной заслугой автора является и то, что он впервые ввел в научный оборот несколько очень важных архивных документов, не публиковавшихся ранее и хранившихся в фондах ИГИ КБНЦ РАН [Дзамихов 2007: 204–215]. Специальную статью, посвященную битве на Малке, в 2010 г. опубликовала Ф.А. Озова [Озова 2010]. Из числа последних обобщающих работ по истории Черкесии, в которых сюжеты, связанные с битвой на Малке упомянуты более или менее подробно, стоит также упомянуть «Адыгскую, (черкесскую) энциклопедию» [Кожев 2006: 193].

При столь скромной историографии данного события, трудно найти в истории Кабарды, да и всего Северного Кавказа XVII в. событие настолько масштабное и в то же время, имеющее реальный потенциал детального реконструирования на основе архивных источников. Вовлеченность во внутривосточный конфликт второй четверти XVII в. в Кабарде почти всех крупных этнополитических субъектов Центрального и Северо-Восточного Кавказа, и особенно русских континентов из Терской крепости, пре-

допределила активную дипломатическую переписку между центральным русским правительством, представителями его военной администрации на Северном Кавказе, а также членами местных владетельных домов [КРО. Т. 1. 1957: 144, 181–183, 187–192, 203–205, 260, 385, 408, 417].

Уже введенные в научный оборот архивные данные позволяют подробно рассмотреть несколько аспектов, связанных с битвой на Малке. Во-первых, это предыстория конфликта, которая насчитывала не менее двух десятилетий. Причем конфигурация конкурирующих за высшую политическую власть в Кабарде княжеских группировок нередко кардинально менялась. Пожалуй, неизменным оставалось только одно – прочные связи Идаровых с Москвой и их попытки компенсировать слабость своих политических позиций в Кабарде военной помощью со стороны русского государства. После смерти в 1616 г. Шолоха Тапсарукова (род Талостановых – К.З.) титул *пцъишхуэ* – великого князя Кабарды, перешел к представителю рода Идаровых – Куденету Камбулатову. Он получил царскую жалованную грамоту и признание остальных кабардинских князей, что позволило племяннику Кази Пшеапшокова (род Кайтукиных – К.З.) Алегуко Шогенукову – новому лидеру Казиевой Кабарды, при поддержке 3 тыс. крымского войска расправиться с Талостанеем. После военного поражения Талостановы – Карашай Шолохов (лидер Талостановых – К.З.) и два его брата, попытались найти убежище в Джиляхстановой Кабарде, но были убиты князьями Мударом Алкасовым и Ахло Айтековым [КРО. Т. 1. 1957: 90–94, 386–387, 405, 406, 407]. Это не мешало впоследствии Казиевым и Талостановым быть военными союзниками против Идаровых и стоявшего за их спиной Московского государя. Царское правительство добилось подтверждения лояльности Талостановых и Кайтукиных и выдачи аманатов лишь в конце 1622 г., после совместного похода на их владения Идаровых и отряда русских войск из Терков [КРО. Т. 1. 1957: 97–98, 102–103, 406].

Дальнейшие события можно трактовать как попытку

Идаровых и их внешнеполитических покровителей кардинально изменить порядок функционирования института высшей политической власти в Кабарде и закрепить право на титул *пцъышхуэ* исключительно за Идаровыми в обход владельческих прав остальных княжеских домов. В 1624 г. после смерти Куденета Камбулатова царское правительство выдало жалованную грамоту на княжение его брату Пшимахо, но права последнего на титул *пцъышхуэ* не были признаны в Кабарде. Несмотря на острые противоречия Талостановы и Кайтукины долгое время солидарно выступали против политики Идаровых, направленной на укрепление своего политического статуса в ущерб интересов фактической независимости Кабарды [КРО. Т. 1. 1957: 108]. Однако, у Идаровых уже не было выбора. Они должны были либо смириться с безвозвратной утратой доминирования во внутривластной жизни страны, либо продолжить использовать связи с Москвой как мощный рычаг давления на своих политических конкурентов. Совместные военные акции Идаровых и их русских союзников продолжились и в 1626 г. и в 1630 г. [КРО. Т. 1. 1957: 109–110, 129–131, 408]. В 1631 г. после смерти Пшимахо Камбулатова царскую жалованную грамоту на княжение получил третий подряд представитель рода Идаровых – Наршов Елбузлуков, но его права на титул и статус *пцъышхуэ* в Кабарде, так же как и в случае с его предшественником, не признали [КРО. Т. 1. 1957: 135–138, 385]. То есть фактически сложилась ситуация кризиса института высшей политической власти в Кабарде. Политика Идаровых и стоявшего за ними русского правительства привела к тому, что титул *пцъышхуэ* в Кабарде лишился реального значения. Не признаваемые в Кабарде, лишённые в глазах остальных князей-соправителей легитимного права старшинства, последние *пцъышхуэ* из числа Идаровых не имели возможности воспрепятствовать процессам политической дезинтеграции и обособлению Талостанея и Джиляхстанея. Казиева Кабарда, возглавляемая двоюрод-

ными братьями Алегуко Шогенуковым и Хатокшоко Казиевым, была сильнейшим феодальным владением. Ее лидеры проявляли ясные претензии на доминирование в стране, и нейтрализовать их исключительно с помощью внешнеполитической поддержки Идаровы оказались не в силах. Кроме того, владения самих Идаровых стали предметом острого соперничества между различными ветвями этого княжеского дома. Наследников Сунчалаея Канклычева, умершего в 1625 г., поддержали Кайтукины. Эти княжеские семьи породнились. Шолох Сунчалеевич Черкасский, а после его смерти в 1636 г. – брат Муцал Сунчалеевич, по обычаю левирата, женились на сестре Алегуко Шогенукова [КРО. Т. 1. 1957: 144; Дзамихов 2001: 109]. Более слабую демографическими и военно-политическими ресурсами ветвь Камбулатовичей поддержали Талостановы и Джиляхстановы. Союзники Муцала Сунчалеевича в Кабарде были связаны с враждебными России Крымским ханством и Малым Ногаем. Военное преимущество было на стороне Сунчалеевичей и их союзников. Поэтому в 1639 г. они изгнали из спорных владений своих соперников. Самостоятельная политика Сунчалеевичей и лидеров Казиевой Кабарды вызвала резко негативную реакцию царского правительства, вставшего на сторону Камбулатовых. В 1640 г. Муцал и Будачей Сунчалеевичи Черкасские были обвинены в государственной измене, арестованы и сосланы в Россию. Попытки дипломатическими методами воздействовать на правительство Михаила Федоровича не привели к успеху, и конфликт перешел в финальную стадию [КРО. Т. 1. 1957: 181–183, 187–192, 260, 417].

Вторым кейсом, доступным детальному изучению, является прелюдия к битве на Малке, связанная с гибелью в мае 1641 г. Мудара Алкасова – **родственника и союзника Камбулатовичей**. Его племянник Келемет Куденетович – лидер Камбулатовых, другие родственники и союзники Камбулатовых предприняли попытку отомстить за убийство Мудара Алкасова. Детали подготовки к военному столкновению

позволяют прояснить документы № 127 (1641 г. мая 31 – «Челобитная кабардинского кн. Нарчова (Нартшао – К.З.) Елбузлукова»), № 131 (1641 г. сентября 12 – «Отписка терского воеводы С.И. Шаховского в Посольский приказ...» о битве на Малке 12 июля 1641 г.) и особенно один документ из Архива ИГИ КБНЦ РАН (1641 г. между августа 2 и сентября 14 – «Отписка астраханского воеводы Н.И. Одоевского с товарищи в Посольский приказ» о битве на Малке 12 июля 1641 г.) [КРО. Т. 1. 1957: 197–198, 203–205; АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 149–153].

Собственно военное столкновение на берегу Малки между противоборствующими сторонами является третьим самостоятельным аспектом проблемы. Благодаря детальным отчетам терского и астраханского воевод, составленным со слов уцелевших участников этого сражения, мы знаем дату сражения (12 июля 1641 г.), локализацию места сражения (левый берег Малки, по-видимому, в районе Зольских пастбищ), название места («под Кабардою... урочище Ить-Алмас»), подробное описание самой битвы с оценкой численности различных контингентов, что само по себе является большой редкостью для черкесского Средневековья и Нового времени. На стороне Камбулатовичей сражались дружины Джиялхстановых, Талостановых, войска Айдемир-шамхала (в совокупности 3500 человек), ногайских мурз Салтанаша Аксакова и Хорошая Чюбармаметова (1200 человек), а также русский отряд из боярских детей, стрельцов, служилых окочан, гребенских и терских казаков (500 человек), выделенный терскими воеводами для охраны владений Камбулатовичей [КРО. Т. 1. 1957: 197–198, 203–205; АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 149–153]. Объединенные силы Алегуко Шогенукова, Хатокшоко Казиева, Алегуко Сунчалеевича Черкасского и мурз Малого Ногая насчитывали более 2000 человек [АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 149–153]. Весьма характерно, что «Отписка в Посольский приказ» астраханского воеводы Н.И. Одоевского гораздо подробнее и даже составлена и отправлена

в Москву намного раньше аналогичной «Отписки» терского воеводы С.И. Шаховского. Очевидно, астраханский воевода, непосредственно не втянутый в военный эксцесс со столь представительным составом участников, в отличие от своего терского коллеги, не имел причин вводить в заблуждение московское правительство или утаивать информацию. Камбулатовичи потерпели сокрушительное поражение. В бою погибли их лидер Келемет Куденетов и многие союзники – Айдемир-шамхал, Эльдар Ибаков (род Талостановых), командир русского отряда А. Шишмарев и другие [КРО. Т. 1. 1957: 181–183, 203–205; АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 149–153].

Наконец, последним пунктом в комплексе проблем, связанных с битвой на Малке 12 июля 1641 г., является всесторонняя оценка последствий данного события на дальнейшее государственно-политическое развитие Кабарды. Несмотря на свою решительную победу, князя Казиевой Кабарды и их союзники из числа Идаровых (будущая Большая Кабарда), избегая репрессий со стороны русского правительства, переселились с подвластными за Кубань и установили тесные политические связи с Крымским ханством. Чтобы окончательно не потерять свои позиции в Кабарде, правительство Михаила Федоровича было вынуждено отступить. Будачей и Муцал Сунчалеевичи Черкасские получили амнистию и право вернуться в Терки, а Муцал Сунчалеевич был восстановлен в качестве князя-правителя владений Идаровых в низовьях Терека. При посредничестве Муцала Сунчалеевича начались переговоры с Алегуко Шогенуковым. Этот сюжет истории Кабарды заслуживает особого внимания и детального рассмотрения всех этапов подготовки и проведения процедуры формального примирения сторон. Русские архивные материалы позволяют детально реконструировать и этот своеобразный эпилог грандиозного с точки зрения региональной истории события – битвы на Малке 12 июля 1641 г. – сражения, в котором столкнулись не только лучшие войска чуть ли не половины

феодалных владений Северного Кавказа, но и две принципиально различные стратегии развития Кабардинского княжества [КРО. Т. 1. 1957: 208–209, 211–238, 286–287; АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 167–175].

БИТВА НА МАЛКЕ (1641 г.): КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ФЕОДАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

В истории феодальной Кабарды найдется не много событий, сопоставимых по значимости с битвой на Малке 12 июля 1641 г. Это событие выделяется своим масштабом, значением для дальнейшего развития княжества и, что немаловажно, хорошей источниковой базой, что позволяет избрать его в качестве яркой иллюстрации политических процессов, протекавших в Кабарде в эпоху позднего Средневековья и на заре Нового времени. К сожалению, историография битвы на Малке обширна не настолько, насколько заслуживает это событие. Многие знаковые работы ранней черкесской историографии и даже обобщающие работы по истории Кабарды и Северного Кавказа либо обходят молчанием это событие, либо упоминают его с грубыми хронологическими погрешностями [Ногмов 1994; Кудашев 1991; История Кабардино-Балкарской ... 1967: 125; История народов... 1988]. В новейших работах по черкесской историографии битва на Малке занимает заметное место, появилось несколько специальных статей, посвященных ей [Мальбахов, Эльмесов 1994: 292–305; Мальбахов, Дзамихов 1996: 151–152; Дзамихов 2001: 112–113; Дзамихов 2007: 54–63; Карданов 2001: 111–112; Бгажноков 2005: 71; Озова 2010]. В научный оборот введены новые, ранее малодоступные архивные источники [Дзамихов 2007: 204–216]. Предыстория этого события, его политический контекст известны нам благодаря корпусу давно опубликованных русских архивных источников [КРО. Т. 1. 1957]. Правительство первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича (1613–1645) и его представители на Северном Кавказе в лице астраханского и терского воевод, служивших людей, были действующими лицами этого драматического сюжета из истории Кабарды. Переписка кабардинских князей, царских воевод с центральным правительством, родословные росписи Иналидов Кабарды содер-

жат самую подробную информацию по заявленной теме [КРО. Т. 1. 1957; Налоева 2015]. Описанию собственно военного столкновения – битве между двумя феодальными армиями на берегу Малки 12 июля 1641 г. посвящены две подробные отписки высших представителей царской администрации в регионе (терского воеводы С.И. Шаховского, астраханского воеводы Н.И. Одоевского), а также челобитная княгини Бабасупх Алкасовны, матери погибшего в сражении Келемета Куденетова из рода Идаровых [АИГИ Ф. 1. Оп.1. Ед. хр. 12. л. 149–153, 155–159; КРО. Т. 1. 1957: 203–205]. Эти документы составлены по горячим следам событий со слов его непосредственных участников. Они содержат некоторые разночтения, но в целом, совпадают в главных деталях.

Гораздо более сложна реконструкция предыстории конфликта. Её подробный разбор требует специального исследования. Однако краткое вступление к событиям 1641 г. необходимо, чтобы понять их суть и значение. Кабарда позднего Средневековья и Нового времени была обществом классической феодальной культуры. Политический класс – *пиши-урки*, представляли собой сложно организованную иерархическую систему, возглавляемую княжеской династией Иналидов. Формационные особенности феодального уклада создавали объективные условия для внутривнутриполитических конфликтов, острого соперничества княжеских семей. Одна из черкесских историко-героических песен формулирует этос привилегированного класса Кабарды, да и всей Черкесии ёмко и выразительно: «*Пицы гуцэхэр зэмыныкъ-уэжъумэ уэркъхэм я жагъуэц!*» («Когда князья не соперничают, урки [дворяне] не довольны»). История феодальных войн Черкесии не оригинальна и повторяет все типологические черты междоусобных конфликтов средневекового общества. Как Каролинги, Рюриковичи, Чингизиды, черкесские Иналиды соперничали за верховную власть и лидерство, и дело тут не в их личной неуживчивости, а в социальной организации феодального общества. Но особенностью

внутриполитической жизни Кабарды, по меньшей мере, с середины XVI в. было то, что княжество находилось в сложном внешнеполитическом окружении. Османская империя и ее вассал – Крымское ханство, Русское государство и Сефевидский Иран, как крупные геополитические акторы, соперничающие за влияние на Северном Кавказе, создавали дополнительные стимулы для конфронтационной активности черкесских, ногойских, дагестанских владетелей. В обмен на реальную или формальную лояльность по отношению к великим державам, они могли надеяться на серьезную внешнеполитическую поддержку во внутренних междоусобных конфликтах. Так, князья Идаровы, начиная со своего самого знаменитого представителя – *пцъышхуэ* Кабарды Кемиргоко, традиционно делали ставку на тесные династические, политические и военные связи с Москвой в целях подавления внутриполитических соперников и усиления собственных позиций (См. ***Происхождение и историческая судьба...***). Впрочем, они были в этом не одиноки. Во второй половине XVI – нач. XVII вв. практически все княжеские дома Кабарды в большей или меньшей степени пытались использовать ресурсы русского государства в собственных интересах. Умножение числа княжеских домов, усложнение их семейных связей, взаимных счетов, наряду с диаметрально противоположными внешнеполитическими предпочтениями, создавали мозаику той своеобразной «Игры престолов» регионального масштаба, в которой непросто найти генеральную тенденцию исторического процесса [Кожев 2006].

Тем не менее, сюжет, связанный с битвой на Малке 1641 г., предельно конкртен. В 1635 г. в Кабарде, в результате нападения Айдемира-мурзы, в будущем Шамхала Казикумухского и одного из активных участников событий июля 1641 г., погиб последний представитель рода Идаровых линии Темрюковичей (правильно Кемиргоковицей) К.З. – Клыч Саусланов [КРО. Т. 1. 1957: 161, 384–385]. Сразу же встал вопрос о наследстве – феодальном владе-

нии из одиннадцати селений с мобилизационным ресурсом в 250 дворян-уорков [КРО. Т. 1. 1957: 385]. Основными претендентами на наследство выступили две княжеские семьи Идаровых. Во-первых, потомство Желегота Идарова, его правнуки, правители небольшого вассального Московского княжества в низовьях Терека, возникшего под защитой основной русской военной базы на Северном Кавказе – крепости Терки. Это братья Шолох, Муцал, Будачей и Алегуко Сунчалеевичи. Вторым претендентом выступил Келемет Куденетов – внук Камбулата Идарова и лидер всей патринии Камбулатовых [КРО. Т. 1. 1957: 385]. Сунчалеевичи имели сильных союзников. Муцал – лидер Сунчалеевичей после гибели брата Шолоха, был женат на сестре Алегуко Шогенукова – одного из лидеров Казиевой Кабарды, крупнейшего кабардинского удела – около 50 селений с мобилизационным ресурсом «узденей добрых с тысячу с лишком, конных, да черных людей с две тысячи с лишком» [Налоева 2015: 2; КРО. Т. 1. 1957: 386]. Алегуко Шогенуков и его двоюродный брат Хатокшоко Казиев, как соправители и лидеры сильнейшего феодального удела Кабарды, имели тесные политические связи с Крымским ханством, Казиевым улусом Малого Ногай и проводили самостоятельную политику без оглядки на Москву [КРО. Т. 1. 1957: 144–146, 151]. Келемет Куденетов был самым слабым даже из числа Идаровых, которые с начала XVII в. неуклонно теряли свои позиции в Кабарде. Его владение состояло всего из четырех селений, способных выставит 35 уорков [КРО. Т. 1. 1957: 385]. Зато он имел самых высоких покровителей в Москве и могущественных родственников на Северном Кавказе. В Москве находились его родной брат Яков Куденетович Черкасский и двоюродный брат Иван Борисович Черкасский [КРО. Т. 1. 1957: 385]. Последний к тому же был двоюродным братом по матери – Марфе Никитичне Романовой, царю Михаилу Федоровичу (1613–1645) и до своей смерти в 1642 г. являлся одной из ключевых фигур русского правительствва [Дзамихов 2007: 95]. Кроме того, Келемет Куде-

нетов был сыном Бабасупх Алкасовны – родной сестры Мудара Алкасова – верховного князя Джилыхстанея, одного из влиятельных кабардинских княжеств [КРО. Т. 1. 1957: 385]. Еще одним племянником Мудара Алкасова и, следовательно, двоюродным братом Келемета Куденетова, был уже упоминавшийся Айдемир-шамхал – правитель крупнейшего на Северном Кавказе государственного образования – Шамхальства, включавшего большую часть феодальных владений и горных обществ Дагестана [КРО. Т. 1. 1957: 385].

Спор за право наследства над большей половиной Идарея столкнул две княжеские семьи, которые с конца XVI в. на протяжении многих десятилетий проявляли максимальную лояльность Москве. Но выбор центрального правительства в этом имущественном и внутривластном конфликте в пользу Келемета Куденетова заставил Сунчалеевичей выступить против решения своего сюзерена. В апреле 1639 г. союзники Сунчалеевичей – Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев, разгромили владения Келемета Куденетова, его союзника Нартшао Елбузлукова (линидж Биту Идарова) и даже захватили в плен его мать и двух сестер [АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 124–129; КРО. Т. 1. 1957: 198–199]. Будачей и Муцал за неповиновение, тайную переписку с шахским правительством Ирана были обвинены в государственной измене и сосланы с Терека в Россию, но их младший брат Алегуко ушел в Кабарду и возглавил спорные владения Идарея [Дзамихов 2007: 61; КРО. Т. 1. 1957: 385]. Лидеры Казиевой Кабарды обратились напрямую к правительству Михаила Федоровича с обоснованием своей позиции по спорному вопросу. В грамоте, посланной царю от их лица, помимо ссылок на право Дмитрия Мамстрюковича Черкасского – единственного живого представителя линиджа Кемиргоковчей, находившегося на московской службе, распорядиться спорным владением Идаровых в Кабарде, содержалась прямая угроза в случае безоговорочной поддержки Келемета и Ильдара Куденетовых перейти на

сторону «мусульманскому государю», т.е. крымскому хану [КРО. Т. 1. 1957: 181–183]. Такой независимый тон в переговорах с русским правительством был признан последним неприемлемым и посол лидеров Казиевой Кабарды Биязруко Ахмаметев в сентябре 1640 г. был отпущен с ответной грамотой. В ней артикулировалась общая позиция русского правительства по отношению к Кабарде и его претензии верховного сюзерена и арбитра, имеющего право решающего голоса по всем спорным вопросам, а также конкретные обвинения всего клана Алегуки Шогенукова и Хатокшоко Казиева в нелояльности [КРО. Т. 1. 1957: 187–192]. С большим трудом мать и сестер Камбулата Куденетова удалось выволить из плена весной 1641 г. Для этого в Кабарду прислали «ратных людей» – около 3 тыс. ногайцев Большого Ногай во главе с князем Дмитрием Горчаковым, который, не доводя до крупномасштабного столкновения, успешно исполнил свою миссию. Освобождение пленных женщин и перевод подвластного Келемету Куденетову населения в Талостаней («Шолохову Кабарду») проблему не решил [АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. лл. 141–145; КРО. Т. 1. 1957: 198–199]. Спор за наследство и нежелание признавать решение русского правительства в пользу Келемета Куденетова обострился настолько, что противная сторона прибегла к услугам наемных убийц. Бабасупх Алкасовна в челобитной царю Михаилу Федоровичу прямо обвиняла в этом другую черкесскую княгиню – мать братьев Сунчалеевичей Желегошу: «... Князь Сунчалеевская жена кнеиня Желегоша з детьми своими, с Олгук-мурзою Сунчалеевым... наговорили племянника своего роднова Кафыр-Кумыцкого (т.е. Кази-Кумухского – К.З.) Чючелова-мурзу и послали в Казыеву Кабарду к Алегуке и Хотогжук, а велели, государь, на сынишка моего Келмаметка закупить воровских людей, чтоб известь. И по ее, государь, умышленью, Алегук и Хотогжук и сын ее Алегук с тем Чючелов-мурзою закупили Малого Ногаю татарина Чинкирейка и прислали ево в нашу Кабарду и велели сынишка моего Келмаметка убить» [Дзамихов

2007: 212]. Келемет избежал смерти, оказавшись в отъезде, но от рук убийц в середине мая 1641 г. погиб («убит обманом») его дядя Мудар Алкасов [КРО. Т. 1. 1957: 201]. Чуть позднее, 29 мая 1641 г., лидеры Казиевой Кабарды вместе с союзными ногайцами совершили нападение на владения Келемета Куденетовича, а также его союзника из числа Идаровых – Нартшао Елбузлукова (линидж Биту Идарова) [КРО. Т. 1. 1957: 197–198, 385]. Военные потери Идаровых составили около 30 дворян-уорков, а противники захватили многочисленный полон (более 270 человек) и богатую добычу – лошадей, скот и пр. [КРО. Т. 1. 1957: 197–198].

Эти события вывели конфликт на финальную стадию. Поминки, «...по своей вере по Мударе Алкасове плач», собрали всех родственников и союзников Келемета Куденетова. Он развил активную деятельность по мобилизации своих сторонников. К походу на Казиеву Кабарду и Малый Ногай были привлечены мурзы Большого Ногай Салтанаш Аксаков и Хорошай Чюбармаметев. Примечательно, что ещё в мае 1640 г. лидеры Казиевой Кабарды пытались дипломатическими мерами превратить ногайцев Большой Орды в союзников. Астраханские воеводы через своих информаторов зафиксировали приезд кабардинского посольства – Хатокшоко Казиева «...с племянником своим с Алегукиным сыном», в улус Салтанаша Аксакова с предложением «быть в миру», кочевать «под Кабардой» и обещанием защиты как от русских воевод из Астрахани, так и от османских сил из Азова [АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. л. 130]. Предварительное соглашение было заключено: «И договор ... они, кабардинские мурзы, с кабардинскими черкасы, а его, Салтанаша, з братьею и улусных его людей от воинских астраханских ратных людей и от азовских казаков оберегати и стояти им, кабардинским черкасом вместе заодно, а ему, Солтанашу, кочевати с улусы своими под Кабардою. *И верился де с ними Салтанаш-мурза душою своею прямо* (курсив наш – К.З.)» [АИГИ Ф. 1. Оп. 1, Ед. хр. 12. л. 130–131]. Казалось бы, этот договор отвечал интересам

ногайцев улуса Салтанаш-мурзы Аксакова, которые кочевали на северных границах Кабарды по р. Калаус «... от Астрахани в осьми днищах, а от кабардинских черкас во днище» [АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. л. 132]. Но уже летом 1641 г. Салтанаш Аксаков охотно откликнулся на призыв Келемета Куденетова. Общие силы коалиции, мобилизованной двоюродными братьями Келеметом Куденетовым и Айдемир-шамхалом, в отписке астраханского воеводы Н.И. Одоевского оцениваются в 5200 человек. Из них 1200 воинов выставили ногойские мурзы Салтанаш Аксаков и Хорошай Чюбармаметев. Ядро союзной армии составляли 3500 черкесских и дагестанских воинов [Дзамихов 2007: 206–210]. Благодаря подробной росписи родословной «кабардинских князей и мурз», составленной незадолго до битвы на Малке, мы можем представить детально состав практически всех основных контингентов этого феодального ополчения. Главные заинтересованные лица и политические лидеры союзной коалиции могли выставить всего 105 человек – 35 урков Келемета Куденетова и 70 урков Нартшао Елбузлукова. Союзный Талостаней во главе с князьями Ильдаром и Келеметом Ибаковыми мог выставить 700 человек урковской конницы [КРО. Т. 1. 1957: 385–386]. Мобилизационный ресурс, как и количество селений Джиляхстаней в росписи «кабардинских князей и мурз» не обозначены, но мы можем его определить оценочно по репрезентативным данным XVIII в. В 1744 г. Джиляхстаней состоял из двух княжеских и 13 урковских селений [КРО. Т. 2. 1957: 115]. По оценкам родословной росписи в нач. 40-х годов XVII в. количество селений Казиевой Кабарды, Талостаней и Идарея составляло около 112 – соответственно 50, 40 и 22 феодальные вотчины-къяужэ. Первые две цифры несколько условны и представляют собой округленные данные. К 1744 г. общее количество собственно черкесских селений Большой Кабарды (бывшая Казиева Кабарда с поглощенным ею Идареем) и Талостаней составляло 117, т.е. очевидна поразительная стабильность внутренней демографической структуры княжества [КРО.

Т. 2. 1957: 114–115]. Вряд ли Джиляхстаней был в этом отношении исключением и данные 1744 г. по общей численности селений в этом уделе можно признать репрезентативными для середины XVII в. Средний мобилизационный ресурс одной феодальной вотчины-к'уажэ в Кабарде в этот период составлял примерно 20 профессиональных воинов-уорков [КРО. Т. 1. 1957: 384–386]. Следовательно, мы можем оценить мобилизационный ресурс Джиляхстаней к 1641 г. примерно в 300 человек во главе с князьями Казием Мударовым, Ахло Айтековым, Татарханом и Тонжеханом Араслановыми. То есть черкесская часть союзной армии состояла примерно из 1100 профессиональных воинов из четырех феодальных уделов Кабарды. Небольшую дружину привел Куденет Брагунский. Ее численность не могла быть большой. В 1635 г. Куденет Брагунский приезжал Терки с тремя сыновьями и 20 узденями для принятия шерти [КРО. Т. 1. 1957: 159]. Даже если предположить, что он прибыл в Терки далеко не со всеми своими личными вассалами, мобилизационный ресурс Брагунского владения, состоявшего из одного пусть и крупного селения не мог быть более 50 человек феодальной конницы. Следовательно, самый многочисленный контингент союзной армии – **войско Айдемир-шамхала**, двух его братьев и вассальных князей, составлял не менее 2350 человек.

Кроме того, к этому войску Келемет Куденетов присоединил отряд русских служилых людей из Терок во главе со стрелецким головой Артемием Шишмаревым, которых ему выделили для охраны его владений. В своей отписке правительству с отчетом о сражении на Малке от 12 сентября 1641 г. терский воевода С.И. Шаховский оценивает численность контингента, выделенного Келемету Куденетову примерно в 300 человек: 100 конных стрельцов, 18 детей боярских, 193 окочан и новокрещенных горцев [КРО. Т. 1. 1957: 204]. В отписке с сообщением о битве на Малке, отправленной в Москву астраханским воеводой Н.И. Одоевским, дается другая цифра: «... Было твоих государевых

терских ратных людей голова стрелецкой Ортемий Шишмарев с приказом да терские дети боярские *и терские и гребенские казаки человек с 500 и больши* (курсив наш – К.З.) [АИГИ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. л. 151]. Терский воевода явно лукавил, преуменьшая численность русского служилого контингента и не упоминая об участии в битве на Малке достаточно крупного отряда гребенских и терских казаков – не менее 200 человек, которые с формальной точки зрения, не были его непосредственными подчиненными, но вряд ли отправились к Келемету Куденетову по своей инициативе. С.И. Шаховский не мог не знать о планах Келемета Куденетова и, по-видимому, принял в их реализации самое активное участие, несмотря на отсутствие прямой санкции центрального правительства. Во всяком случае, в письме *post factum* он оправдывает выделение русских служилых людей Келемету Куденетову более ранним царским указом: «И мы, холопи твои, приискав тое твою государеву грамоту вычли, а в ней написано. – **Велено Кельмаметь и Илдар мурзам Куденетовичем Черкасским** давать твоих государевых терских ратных людей, как им понадобятся *для обереганья кабаков их* (курсив наш – К.З.), человек по сту и по 200, смотря по тамошному делу, и быть у них в кабаках, покамест им надобно» [КРО. Т. 1. 1957: 204].

Маршрут движения войск коалиции союзников на Малку в документах не описан, но вариантов было всего два. Первый путь из Джиляхстаненя через всю Кабарду, форсируя многоводные от летнего таяния ледников реки – Терек, Урух, Черек, Баксан и др., и рискуя подвергнуться атаке противника на переправах. Он наименее вероятный. Наиболее целесообразно было после сбора войск на Сунже форсировать Терек, выше урочища Моздок у традиционной и хорошо известной по событиям XVIII в. переправы Черешта (Жерешты) и двигаться далее на запад, на основные владения Казиевой Кабарды в Пятигорье [КРО. Т. 2. 1957: 103, 114, 115]. Одним из преимуществ этого маршрута была безопасность переправы через Терек вдали от потенциального

противника. Затем, при движении на запад, высокий берег Малки обеспечивал левый фланг союзной армии от неожиданных атак. Учитывая, что первое столкновение «на реке Балке в горах» было с ногайцами Казыева улуса Малого Ногая, скорее всего был избран именно второй маршрут, и место сражения – левый берег Малки в зоне перехода предгорий в альпийскую зону: «И как де, государь, они пришли под Кабарду, и в то же время кочевали казыевские мурзы Солтан-мурза князь Касаев сын Исламов з братьею и с улусными своими людьми под Кабардою в урочище Ить-Алмасы, и Келмамет-мурза де мурза Кудинетович *послал в загон в урочище Ить-Алмас ратных русских людей и черкас ... а сам де Келмамет-мурза з достальными ратными людьми остался назади. И твои де, государевы ратные люди казыевские улусы многие поимали и конские и животинные стада отогнали* (курсив наш – К.З.)» [Дзамихов 2007: 207]. Примечательно, что информаторы астраханского воеводы дают существенные разночтения по общему ходу боя. Один из участников событий – «Касай-мурза Казыев сын Байтерек», описывает битву на Малке как однодневное сражение [Дзамихов 2007: 207]. Предводитель же ногайцев Большой Орды, принимавших участие в сражении, Салтанаш Аксаков, напротив, дает картину растянутого во времени на два дня сражения: «И пришли де, государь, они на реку Балх, и с того урочища Ит-Алмас на казыевские улусы, и многие Казыевские улусы многие поимали и побили. А Келмамет де Куденетович и все мурзы и голова стрелецкий на реке Балху остались с небольшими людьми. А Казыевские де Солтан-мурза з братьею утекли в Кабарду к Алегуке-мурзе да к Отогожуке-мурзе, а они де в то время были в зборе. *И над другой, де государь, день Алегука и Атагожука с черкасы и казыевской Солтан-мурза з братьею и с улусными своими людьми пришли на Келмаметя безвестно* (курсив наш – К.З.)» [Дзамихов 2007: 208]. В челобитной матери Келемета Куденетова Бабасупхи Алкасовны картина битвы на Малке также распадается на два этапа, но по времени

укладывается в один день [Дзамихов 2007: 211–214]. Кроме того, она упоминает об одном характерном эпизоде, связанном с использованием противниками лазутчиков-шпионов. Мастером интриги вновь выступает мать братьев Сунчалевичей Желегоша: «А как государь, сынишка мой пошел с ратными людьми, кнеиня Желегоша послала в той же рати узденя своего Иналучку Маленькова и приказала, государь, ему узнав какое безлюдное время учинит Алегук да Хотогжук мурзам да Алегук-мурзе Сунчалееву ведамо и Иналучко Маленький рассмотрев тово как *государевы ратные люди, побив Малой Ногай, разъехались по загонам* (курсив наш – К.З.), и он, государь, в то время отъехал к Олегук и к Хотогжук мурзам и к Олегук-мурзе князь Сунчалееву и учинил им ведамо, что ратные люди все в розезде. И по той, государь, ево весте Алегук и Хотогжук Казыевы и Алегук-мурза Сунчалеев сын с своими ратными людьми на сына моего и на твоих государевых ратных людей пришли и их побили и меня, рабу твою разорили да скончанья» [Дзамихов 2007: 213]. Судя по контексту всех сообщений в первой фазе сражения на Малке не было фронтального столкновения основных сил противоборствующих сторон. Месяц июль это время выпаса скота в зоне альпийских пастбищ, и войска Келемета Куденетова били по самому уязвимому звену в обороне противника. Многочисленные стада лошадей и скота ногайцев и кабардинцев на альпийских пастбищах было сложно надежно прикрыть. Авангард армии Келемета Куденетова, Айдемир-шамхала и их многочисленных союзников сбил передовые посты Малого Ногай и увлекся грабежом – «*разъехались по загонам*». Очевидно, предводители Казиевой Кабарды ожидали такого результата, а скорее всего, умело его срежиссировали. Когда армия Келемета Куденетова и Айдемир-шамхала, дезорганизованная ожиданием легкой победы и грабежом потеряла порядок, Алегучо Шогенуков, Хатокшоко Казиев, Алегучо Сунчалеевич во главе ударного корпуса («тысячи с две и больши», как сообщают ногайские информаторы) зашли во фланг и тыл своего противника и

неожиданно обрушились на него [Дзамихов 2007: 206–210]. Нам представляется, что сражение, судя по его характерным особенностям скоротечного кавалерийского столкновения с резкими переходами преимущества от одной стороны к другой, вопреки сообщению Салтанаша Аксакова, было растянутым во времени, но все же однодневным. В донесении С.И. Шаховского дано красочное описание финальной стадии битвы на Малке: «... Разорвали порознь, и ополчиться им не дали и притеснили их к крутому и глубокому яру между гор к реке к Балку ... А ратные ... государевы и кумыцкие и черкасские люди многие попадали сами с того крутого яру в Балк на конях и пеши и от великие высоты побилися» [КРО. Т. 1. 1957: 205].

Войско Казиевой Кабарды и Малого Ногая, численностью несколько более двух тысяч человек, должно было на три пятых состоять из черкесских панцирников, которыми располагали Алегуко Шогенуков, Хатокшоко Казиев и Алегуко Сунчалеевич. Это более 1000 человек из Казиевой Кабарды, 250 – из спорных владений Идарея и отряд служилых терских узденей Муцала Сунчалеевича [КРО. Т. 1. 1957: 385–386]. Его численность мы можем определить примерно, по подворной описи населения терских слобод. В Терках проживало 59 семей «дворовых и задворных» узденей Муцала Сунчалеевича [КРО. Т. 1. 1957: 192–193]. Учитывая, что каждый двор выставлял как минимум одного воина, а меньшей мере половина уоркских семей могла выставить двух и более воинов, можно оценить численность «муцаловых узденей» в 90–100 человек, а общую численность черкесской панцирной кавалерии в войске Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева примерно в 1350 всадников. Соответственно численность ногайских воинов Солтан-мурзы Касеева из Малого Ногая в этом ударном конном войске, решившем исход сражения, видимо, не превышала 800–900 воинов. Парадоксальным образом в битве на Малке столкнулись не только две ветви рода Идаровых. Даже личные вассалы и подданные Будадея и Муцала Сунчалеевичей оказались

по разные стороны баррикад. Собственно черкесская часть вассалов Будадея и Муцала – «задворные и дворовые уздени», проживавшие в слободах под Терками, присоединились к войску Казиевой Кабарды и Алегуко Сунчалеевича. А терские «окоченя и новокрещенные», тоже вассалы и служилые люди Сунчалеевичей, в числе 193 человек по приказу терского воеводы были выделены Келемету Куденетову в качестве военной охраны и оказались вовлечены им в сражение против собственных сюзеренов [КРО. Т. 1. 1957: 204].

Победа Казиевой Кабарды и Малого Ногая была полной и безоговорочной. В сражении погибли Келемет Куденетов, Айдемир-шамхал, лидер Талостанея Ильдар Ибаков, командир русского отряда стрелецкой голова Артемий Шишмарев и многие другие знатные воины. В плен попало несколько уцелевших в бою и не успевших бежать предводителей – князя Джилыхстанея Татархан и Тонжехан Арслановы, Куденет Брагунский и др. [КРО. Т. 1. 1957: 205]. Используя слабые стороны своих противников, отсутствие единого командования и, как следствие, плохую организованность и дисциплину, очевидно слабое знание топографии театра боевых действий абсолютным большинством вражеских воинов, лидеры Казиевой Кабарды Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев продемонстрировали выдающиеся тактические способности в маневренной кавалерийской войне и одержали блестящую победу над более чем вдвое превосходящим по численности противником.

Подводя итоги исследования мы можем сделать ряд заключений.

Во внутривойсковых конфликтах княжеские семьи Кабарды проявляли типичный для феодального общества примат узколокальных, частных интересов над общими семейными. Спор за выморочное наследство в данном случае сделал врагами две ветви рода Идаровых, толкнул одну из них на союз с традиционными и принципиальными соперниками – потомками Шогенуко и Кази Пшеапшковых.

То же самое мы можем сказать о внешнеполитических предпочтениях. Даже устойчивыми многолетними лоялистскими отношениями с Москвой легко жертвовали в угоду узкосемейного интереса, понимаемого в духе феодального местничества.

Основной, даже единственной боевой силой в феодальных войнах этой эпохи выступало профессиональное военное сословие пши-уорков, формировавшее доспешное конное войско. Непривилегированные сословия к военным действиям не привлекались. Битва на Малке яркий пример тому. Будучи гораздо слабее численно, лидеры Казиевой Кабарды даже не попытались мобилизовать в войска т.н. «черных людей», которых в их владениях, а также в примкнувшей к ним части Идарея было более двух с половиной тысяч человек вполне боеспособной простой недоспешной конницы [КРО. Т. 1. 1957: 384–386]. Общий же мобилизационный ресурс Казиевой Кабарды и Идарея (в будущем Большой Кабарды) в 60-х годах XVII в. оценивался в 10 тыс. человек конницы и пехоты [Челеби 1979: 86]. При этом в войнах *pro aris et focis* («за алтари и очаги») – с Крымским ханством, степными противниками, военные контингенты, набравшиеся среди «черного народа» широко привлекались и в XVII в., и гораздо позднее вплоть до Кавказской войны. Боеспособность черкесской панцирной кавалерии была так высока, что лидеры Казиевой Кабарды, имея небольшой численный перевес в этом роде войск над противником, не посчитали нужным компенсировать общую малочисленность своей армии за счет мобилизации представителей непривилегированных сословий.

Войска Айдемир-шамхала, которые также представляли собой контингенты постоянной готовности типологически сходные с черкесской феодальной конницей, не проявили высокой организованности, дисциплины и, как следствие, боеспособности. Оценки русскими военными специалистами XVIII в. сравнительных характеристик черкесских феодальных контингентов с дагестанскими, подтверждают существенное (кратное) превосходство первых в выучке и боеспособности [КРО. Т. 2. 1957: 42–43].

И наконец, ещё одной особенностью феодальных конфликтов и войн в Кабарде, на примере битвы на Малке и ее предыстории, выступает весомая, если не сказать гипертрофированная, даже в сравнении с эмансипированной современностью, роль черкесских матрон в исторических событиях. Они выступают не миротворцами, а основными мотиваторами и действующими лицами политических интриг. Создается впечатление, что Сунчалеевичи и Куденетовы не могли прийти к согласию, пока не удовлетворят своё честолюбие их матери, эти «железные леди» черкесского Средневековья – Желегоша и Бабасупх Алкасовна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генезис и эволюция государственно-политических традиций феодальной Черкесии XV–XVII вв. происходили в условиях динамического взаимодействия ряда эндогенных и экзогенных факторов. В их ряду необходимо отметить большое влияние на процесс формирования и развития черкесских политий Северо-Западного и Центрального Кавказа крымского центра постордынской государственности – будущего Крымского ханства. Длительное, с начала XV в. вплоть до османского завоевания в 1475 г., существование крымского очага черкесской государственно-политической традиции нашло отражение в генеалогических преданиях возвысившейся в XV в. династии потомков Инала Светлого / Сиятельного, фактически монополизировавшей высшую политическую власть в феодальной Черкесии. Время возвышения правителей Мангупского княжества (княжество Феодоро) в горном Крыму, а также Инала и его наследников в Черкесии это один хронологический период (конец XIV–XV вв.) – эпоха распада улуса Джучи.

Политические задачи, решавшиеся Иналом и его наследниками, а также правителями Мангупского княжества, сближает эти политии позднесредневекового Северного Кавказа и Крыма объективным тождеством социальных реакций на внешние вызовы. Историческая судьба государства Инала и «Крымской Готии» была различной. Ликвидация Мангупского княжества с черкесской по происхождению правящей династией и включение его в состав Крымского ханства стала первым шагом в экспансии крымских *Чингизидов*-Гиреев против черкесских политий. Включение Крымского юрта в систему Османской империи в 1475 г. ресурсно обеспечило те гегемонистские, интеграционные интенции по отношению ко всей Княжеской Черкесии, которые Гирейи последовательно проявляли на протяжении всего XVI в.

Несмотря на подавляющее военно-политическое превосходство Крымского ханства и стоящей за ним Османской империи над Княжеской Черкесией, самобытность социально-политической системы феодального черкесского общества позволила ему сохранить высокую степень автономности. Наиболее ярко это проявилось в соотношении династических статусов Чингизидов-Гиреев и Иналидов. Черкесские Иналиды признавали статусное феодальное «старшинство» государей Крыма как правопреемников великих ханов улуса Джучи. Однако, в отличие от ногайцев, политически самоопределявшихся в рамках общей для кочевых сообществ Евразии концепции *чингизизма* – абсолютного превосходства потомков «Золотого рода» над династиями иного происхождения, черкесские Иналиды, опиравшиеся на авторитет своего обожествленного предка, в собственных владениях не уступили многочисленным *хъаныкъуэ* («ханским сыновьям») статусного первенства. И если ногайцы были прочно интегрированы в политическую систему Крымского ханства, феодальные владения Иналидов в качестве жизнеспособных этнополитических единиц Черкесии дожили до эпохи Кавказской войны. Социально-политические системы Крымского ханства и Княжеской Черкесии оказались не конгруэнтны для органичной инкорпорации *хъаныкъуэ* в социальную иерархию черкесов. «*Чингизизм*» Гиреев нашел в Черкесии адекватный ответ в виде условного «*инализма*», преодолеть который правители Крымского ханства не смогли даже в период своего максимального могущества. Вплоть до конца независимости Черкесии, *хъаныкъуэ* оставались почетными гостями в стране, уважаемыми за знатность происхождения, но чужими в *политической системе*.

Более того, в XVI в. соотношение военно-политических потенциалов Крымского ханства и Княжеской Черкесии позволяло феодальным правителям последней не только сдерживать гегемонистские устремления Гиреев, но и, в исключительных случаях, наносить ответные удары, втор-

гаясь в самый центр татарских владений в Крыму, о чем красноречиво свидетельствует сюжет о **Бахчисарайском походе**.

Внутриполитическое состояние Княжеской Черкесии в период жизни третьего и четвертого поколения Иналидов демонстрирует пример классической раннефеодальной монархии, распадающейся на фамильные уделы. Сюжеты, связанные с историей первой крупномасштабной феодальной войны, закончившейся **Кызбурунским сражением**, дают основание заключить, что еще в первой половине XVI в. происходила борьба центростремительных и центробежных сил в развитии государственно-политической традиции государства Иналидов. Внутри династии фактически сохранялась традиция соучастия всех представителей правящего рода в разрешении важнейших вопросов наследственного права. Однако фундаментальные особенности феодального социально-экономического и политического уклада Княжеской Черкесии объективно способствовали изживанию этой традиции и окончательному распаду бывшей державы Инала на ряд самостоятельных владений – княжеств.

Самое восточное из них – Кабарда, являвшееся вероятно уделом младшей ветви Иналидов, благодаря успехам своих князей в борьбе против Крымского ханства и за гегемонию в Центральном Предкавказье, превратилось в ведущую военно-политическую силу Княжеской Черкесии. В период правления *пцыххуз* – великого князя **Кемиргоко Идарова**, Кабарда стала ареной активной внутриполитической борьбы. Маргинальность Кемиргоко и всего рода Идаровых в политической элите Кабарды, связанная с его происхождением и историей возвышения в результате общечеркесской феодальной войны, вынудила великого князя предпринять беспрецедентные усилия, которые можно расценить как попытку модернизации государственной системы Кабарды с использованием мощных внешнеполитических союзников – в первую очередь Московского царства. Это

проявилось в стремлении Кемиргоко Идарова усилить статус *пцъышхуэ* Кабарды как верховного правителя княжества, опирающегося на Терский город и контингенты регулярной русской пехоты (стрельцов), с целью ограничения феодальных вольностей князей-соправителей из конкурирующих фамилий кабардинских Иналидов.

Модернизационный по этатистскому содержанию политический проект Кемиргоко Идарова провалился после его поражения в сражении на **р. Афуис в июле 1570 г.** Это способствовало крупным военно-политическим успехам крымского правителя Девлет-Гирея (1557–1577), который в мае 1571 г. разорил Москву, но что гораздо важнее для внутривосточного развития Кабарды и всей Княжеской Черкесии, ослабило центростремительные, централизаторские процессы в феодальном черкесском социуме.

Архаизация государственно-политической системы Княжеской Черкесии в XVI–XVII вв. проявилась в дальнейшем ослаблении института *пцъышхуэ* – великого князя, усилении центробежных тенденций, обострении внутривосточного соперничества между различными ветвями правящей династии с широким привлечением в междоусобные распри третьих сил – Крымского ханства, Московского царства, различных ногайских улусов и северокавказских феодальных владений. Классическим примером феодальных войн в истории Княжеской Черкесии является **битва на Малке 12 июля 1641 г.** и ее предыстория. Во внутривосточных конфликтах княжеские семьи Кабарды проявляли типичный для феодального общества примат узколокальных, частных интересов над общими фамильными и тем более общегосударственными. То же самое мы можем сказать о внешнеполитических предпочтениях. Даже устойчивыми многолетними лоялистскими отношениями с Московским царством легко жертвовали в угоду узкосемейного интереса, понимаемого в духе феодального местничества. Основная масса населения из числа непривилегированных сословий к боевым действиям в ходе

феодалных войн не привлекалась. Единственной боевой силой в междоусобных столкновениях этой эпохи выступало профессиональное доспешное конное войско, формировавшееся военно-служилым сословием пши-уорков. Из чего мы можем сделать заключение о высокой степени развития феодальных принципов социально-политической и военной организации Княжеской Черкесии в XVI–XVII вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АИГИ – Архив ИГИ КБНЦ РАН, Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12.

Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

АБКИЕА – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Бгажноков Б.Х. О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 39–86.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Репринтное издание. М., 1823.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 2. СПб., 1869.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М., 1974.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1. Киев-Бахчисарай, 2007.

Главани Ксаверио. Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001.

Дзамихов К.Ф. Кабарда, и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик, 2007.

Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик, 1990.

Интерьяно Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., АБКИЕА. Нальчик, 1974.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. 1. М., 1967.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII первой половине XIX века. Нальчик, 1994.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого в трех книгах (СПб., 1842). М., 1989.

Карданов Ч.Э. Путь к России. Нальчик, 2001.

Кларпот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Кожев З.А. Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкесская) энциклопедия. М., 2006.

Кожев З.А. Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия КБНЦ РАН. № 4 (42). Нальчик, 2011. С. 23–28.

Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.

Кушева Е.И. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. Т. 94. М., 1950.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963.

Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994.

Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996.

Мирзоев А.С. Традиции мореходства и пиратства у народов Северо-Западного Кавказа с античных времен по Новое время // Всеобщая история. 2014. № 4. С. 3–10.

Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамаяцаря» // Тюркологический сборник 2007–2008. История и

культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

Налоева Е.Дж. Документальные данные о Казанокко Жабаги // Жабаги Казанокко. Нальчик, 1987.

Налоева Е.Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (Альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге Налоевой Е.Д. **Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории** // Сост. канд. ист. н. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015.

Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1. М., 1986.

Ногма Ш.Б. Филологические труды. В 2-х Томах. Т. 1. Нальчик, 1956.

Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.

Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990.

Озова Ф.А. Причины и последствия сражения на реке Малка 12 июля 1641 г. // Вестник КБИГИ. Вып. 17. Ч. I. Нальчик, 2010. С. 3–37.

Паллас П.С. Заметки о путешествиях в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., АБКИЕА. Нальчик, 1974.

ПСРА – Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904.

Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. 29. СПб., 1965.

Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., АБКИЕА. Нальчик, 1974.

РЧО – Русско-чеченские отношения (вторая половина XVI–XVIII вв.). М., 1997.

СРИО – Сборник Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб., 1884.

Сборник Русского Исторического Общества. Т. 71. СПб., 1892.

Сборник Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895.

Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2003.

Стариков Н.В., Беляев Д. П. Россия. Крым. История. СПб., 2014.

Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.

Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1992.

Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммад Досту. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

Хотко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001.

Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп, 2017.

Челеби Эвлия. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М., 1979.

Чингисиана. Свод свидетельств современников. М., 2009.

Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая... // Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Адыгэ IуэрыIуатэхэр (Адыгский фольклор). В 2-х томах. Т. 2. Нальчик, 1970.

КъэрдэнгъуцI З. Тхыгъэ къыхэхэхэр. Налшык, 2009.

Нэгумэ Ш.Б. Адыгэ народым и тхыдэ. Налшык, 1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
КРЫМСКИЕ МОТИВЫ В ЧЕРКЕССКИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	8
ХЪАНЫКЪУЭ («ХАНСКИЕ СЫНОВЬЯ»): ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЧЕРКЕСИИ	17
БАХЧИСАРАЙСКИЙ ПОХОД (БАХЪШЫСЭРЕЙ ЗЕКІУЭ): ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ	37
КЫЗБУРУНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (КЫЗБРУН ЗАУЭ) ПО ЧЕРКЕССКИМ ПРЕДАНИЯМ В ИЗЛОЖЕНИИ Ш.Б. НОГМОВА	54
КЕМИРГОКО ИДАРОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ	68
СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ АФИПС (1570 г.): ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	90
БИТВА НА МАЛКЕ (1641 г.): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	105
БИТВА НА МАЛКЕ (1641 г.): КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ФЕОДАЛЬНОЙ ВОЙНЫ	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	137

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

З.А. Кожев

**ОЧЕРКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ЧЕРКЕСИИ XV–XVII вв.**

Макет и техническое редактирование
Гоновой А.Х.

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-907150-48-5

9 785907 150485

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ
– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 1

Тел.: 8(8662)40-80-17; 40-76-72

E-mail: mail@skgii.ru

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8(8662) 42-46-97; 42-34-42

E-mail: kbigi@mail.ru

Подписано в печать 12.03.2020
Формат 60x80^{1/16}. Гарнтура Bookman Old Style
Усл. печ. л. 8,3.
Тираж 500 экз.(1-й завод 100). Заказ №039

Изготовлено в издательской типографии
«Принт Центр»
г. Нальчик, ул. Братьев Кушковых 79 «А»
www.print07.ru